

МИР-ДЖАЛАЛ



ВОСКРЕСШИЙ ЧЕЛОВЕК

Н Э Р Н Е Ш Р ♦ Б Я К У ♦ 1938



ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

„Воскресший человек”—Мир-Джалал

Стран.	Строка	Отпечатано	Должно быть
37	11	чарыхов	чарухов
—	20	плет	плачет
113	24	пять	шесть
133	28	неужели	—неужели
203	29	наизнанке	на изнанке
215	5	красные и черные	красное и черное

MIR-ÇƏLAL

1938
29

МИР-ДЖАЛАЛ

DIRİLƏN ADAM

ROMAN

Azərbaycançadan çevirəni
Həmidə Məmmədquluzadə

Redaqtoru
Əziz Şərif

AZƏRBAYCAN
DÖVLƏT NƏŞRİYYATI
Bakı—1938

ВОСКРЕСШИЙ ЧЕЛОВЕК

РОМАН

Перевод с азербайджанского
Гамиды Мамед-Кули-заде

под редакцией
Азиза Шарифа

Sp-2622

ARXIV

M. Ə. Məmmədov ədlinə
Azərbaycan Dövlət
Kəndəkarlığı

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку—1938

МБ(2А) + АЗ

*Посвящая героям,
гордящимся своей родиной,
и родине,
которая гордится своими героями*

Литерат. редактор Г. Агасов
Техредактор А. Гомельский
Гравюры на дереве А. Шичкова
Корректор Л. Вологовский



1. ДРУЗЬЯ

Приближался новруз-байрам. Поговаривали, что, возможно, будет объявлена амнистия. Гасан, каждый день бывавший на базаре за покупками для арестантов, приносил новости. И, рассказывая о том, что базар украшают и перед крепостью обучают аскеров, он с омерзением плевал на пол.

Люди, лишенные воздуха и света и бывшие игрушкой в руках надзирателей, с тоской глядели в окно, мучаясь неизвестностью. Предполагалась амнистия, поэтому арестованные волновались, ежеминутно ожидая известий. Каждый скрип двери заставлял их настороженно прислушиваться, всем не терпелось услышать долгожданное:

— Вы помилованы!

Но эта надежда так же утешала арестованных, как голодного человека может насытить рыба, плавающая в море.

В глубине коридора была расположена камера, не имевшая номера. Здесь жизнь текла обыч-

ным чередом. Из всех обитателей этой камеры больше всех страдал Гадир, недавно заключенный сюда. Это был неопытный, беспомощный, глубоко несчастный человек. Вступив в камеру, он целые сутки простоял на ногах, что-то бормоча про себя, и ни разу не присел; стоял молча, опустив голову, точно обиженный ребенок.

В камере было еще двое арестантов: один — круглолицый парень с густыми бровями и с торпливой речью. Вместо «р» он произносил «г», что не портило, однако, выразительности его речи, а лишь несколько смягчало ее.

Взяв с края тахты кусочки черного черствого хлеба и показывая их товарищу, он говорил:

— Видишь этот хлеб? Все, все зависит от этой вот чег'товщины!

Его товарищ, высокий и худой, как палка, молчал; по его изможденному лицу было видно, что он болен чахоткой. Жилы на лбу вздулись, глаза ввалились, и хотя он был молод, но было ясно, что жить ему недолго; он надрывно кашлял и долго не мог отдышаться.

Человек с густыми бровями говорил быстро, отрывисто, точно сыпал словами:

— Мы, железнодог'ожники, ског'ее, погибнем чем отступим!

Прозвучал звонок. Это был сигнал к поверке. Арестованные, сильно волнуясь, собрались в коридоре. Они уже знали, что это значило. Тюрем-

ное начальство часто собирало их так, потом отделяло часть арестованных и ночью куда-то уводило. Таких арестантов оставшиеся называли «безвозвратно-ушедшими». Поэтому, когда раздавался звонок, у всех начинало сильно биться сердце, и лица бледнели.

Но сейчас был близок рассвет. В этот час расстрелы бывали редки. Поэтому некоторым эти звонки давали надежду на что-то лучшее: ведь до байрама оставалось три дня, и очень возможно, что им собирались объявить об амнистии.

Все собрались в коридоре с цементным полом.

Люди толкались друг около друга, как жертвенные овцы, и взволнованно шумели. При появлении караула у всех екнуло сердце. Все застыли на месте.

Офицер в черной чохе просмотрел список, который он держал в руке, обошел всех арестантов и, что-то крикнув, пинком вытолкнул двоих в сторону канцелярии. Затем остановился у двери, скомандовал выведенным арестантам. стать на место и еще раз, обведя строгим взглядом притихшие ряды, скорчил ядовитую гримасу и присел, поджав под себя тонкие, как барабанные палки, ноги:

— Ах вы, подлецы, изменники!.. Марш!..

Караульные снова загнали арестованных в камеры. Никто не понимал, в чем дело. Арестант с густыми бровями, входя в камеру, буркнул громко, так, чтобы слышали караульные:

— Вzbесился, что ли, собачий сын?..

А его товарищ, крепко прихлопнув дверь, до бавил:

— С жиру бесится!..

Парня с густыми бровями звали Гиясом. Он был рабочим депо. Арестовали его за участие в забастовке.

Гадир не верил, что Гияс приговорен к двум годам, настолько тот был жизнерадостен, бодр и не похож на арестанта.

Гияс рассказывал о жизни рабочих станции и громко спорил со своим товарищем, который не соглашался с ним.

Минуты две спустя, в мисках с кашей застучали деревянные ложки; споры были забыты; как члены одной семьи, они беседовали, вспоминали своих домашних, шутили.

Гадир был также членом этой семьи.

— Послушай,— сказал Гияс,— обращаясь к Гадиру,— должно быть, жена твоя сильно скучает по тебе. Почему же ты о ней не вспомнишь?

Гадир разговорился. Нумерованный человек из нумерованной камеры начал рассказывать свою историю...

2. ЦВЕТOK, «ВЫРОСШИЙ НЕ НА МЕСТЕ»

1

Ночь, как страшный сон, объяла вселенную. В сплошном черном мраке грохотал шумный ливень. Изредка слышались странные голоса, точно предсмертные вопли утопавших.

Все живое попряталось.

Перед низенькой избушкой, с крышей, поросшей травой, с почерневшими балками и прогнившими столбами, стоял всадник, не обращая внимания на ливень.

Лошадь нетерпеливо била копытами землю. Но всадник, точно приросший к седлу, крепко натягивал поводья, не отрываясь от щели в окне, через которую проникала узкая, тонкая полоска света, прорезавшая мрак.

В сених избы висячая семилинейная лампочка освещала белое, как сливки, тело Гумри. Она купалась в корыте.

И глядя, как трепетали свежие, как шамам, и белые, как мрамор, груди Гумри, всадник едва сдерживал охватившую его страсть.

Он скользит жадным взором по ее мокрым ще-

кам, по черным глазам и длинным косам. Вождение еще сильнее охватывает его. Он мечтает превратиться в змею, обвиться вокруг стана женщины. Гадир в избушке помогает Гумри вытираться, целует, ласкает ее любовно. Но недолго продолжается эта картина. Лампу тушат. Занавес опускается. Но бесплатный и жадный зритель не хочет уходить, все еще переживая только что виденную сцену.

— Цветок, выросший на навозе! Чудесная жемчужина в мусоре!..

Жемчужина в мусоре слепит глаза зрителя, аромат выросшего на навозе цветка раздражает его ноздри.

2

Последнее время Бебир-бек стал очень благоволять к Гадиру: был любезен в разговоре, спрашивал о его здоровье, спрашивал, в чем он испытывает нужду.

Как-то вечером из-за забора слышалось:

— Эй, Гадир! Гадир!

— Слушаю... Слушаю!

Узнав голос Бебир-бека, он босиком побежал к калитке.

— Добро пожаловать, бек! Милости прошу!

Бебир-бек солидно кашлянул, по свойственной ему манере, и вошел в избу. Гумри подала ему подушку, чтобы он сел.

— Не надо,— сказал Бебир-бек, присев на край подоконника.

Исподлобья наблюдал он за ходившей по комнате Гумри, не отрываясь смотрел на ее ножки, но полюбоваться икрами не мог, так как на ней была длинная, широкая юбка, доходившая до земли. Главными признаками женской красоты Бебир-бек считал ножки, лодыжки и икры.

— Икры ног,—говорил он,—должны быть не очень тонкие и не очень толстые, они должны быть одинаковы, чтобы нельзя было отличить правую от левой...

— Не обижайте нас, бек, не брезгайте хужиной бедняка, садитесь на почетное место. Как бы не простудились...

Не обращая внимание на настояния хозяев, бек остался сидеть на подоконнике. От предложенного ему угощения отказался.

Гадиру стало неприятно, Гумри также смущалась. Повидимому, у них не было ничего, что было достойно бека; они уже раскисались, что открыли скатерть. Чувствуя неловкость, Гадир опустил голову над едой.

Бебир-бек, не желая мешать трапезе супругов, молчал, порой насвистывал, а то, вытащив из-за голенища плетку, хлопал ею по сапогу, что, повидимому, доставляло ему удовольствие.

Как известно, тюрчанки стесняются при гостях кушать и вообще открывать рот. Гумри отошла к

двери и, взяв ребенка на руки, села, отвернувшись к стене. Гадир ел один; ему было неловко, и он спешил поскорее кончить и встать.

В то же время любезное посещение Бебир-бека очень льстило ему.

«Дай бог ему здоровья!—думал он.—Входит в положение крестьянина. Виданос ли дело,—царь и бог всей деревни, такой большой человек—пришел в гости к такому бедному батраку, как я, да еще спрашивается о моем здоровье. Говорят, покойный Шах-Аббас, да будет ему рай убежищем, тоже был такой: переодевшись, обходил дома своих подданных...»

И в то же время Гадира брал страх.

—Эй, кыз,—говорил он жене после ухода бека,—если не говорить о худом, не будет и доброго. Может, Бебир-беку донесли, что, мол, так и так, Гадир происходит из рода, который посылал хлеб Гатыр-Магомету? И поэтому старшина ведет тайно разведку?

Перепугалась и Гумри. Ей тоже сердце вещало что-то недоброе.

—Так что же нам делать?..

Чтобы успокоить встревоженную подругу, Гадир скрыл свои сомнения и, раскаявшись в том, что проговорился, поспешил сказать:

—Не будь душой! Бебир-бек этого не сделает. Ведь сколько времени, как арестовали Бендали. Тогда бы и нас забрали... Если, не дай бог, дело

дойдет до этого, так я, приладив лапти, одним махом дойду до шейх-уль-ислама! Повидаюсь в городе с важными людьми, скажу,—какое, дескать, нам дело до Гатыр-Магомета? Каждый за себя отвечает. За все двадцать пять лет, что я живу в этой деревне, я никому не причинил вреда, никого не обидел, не оскорбил. Недаром ведь Джаваир-ханум еще и теперь уговаривает меня: брось, говорит, все, иди к нам работать. Кому и что я сделал? Я—батрак, знаю свое место. Что мне до Гатыр-Магомета?..

Гадиру были приятны эти рассуждения. Он с улыбкой посмотрел на Гумри. Та сидела у очага, чем-то занятая.

—Не говори так!—возразила она разумно, как опытный мужчина.—Людей трудно узнать. Кто поймет, что делается кругом? Испортился народ, все готовы съесть друг друга! Такого молодца, как Бендали...

Гумри кинула взгляд на окно, на дверь, прислушалась и шопотом закончила:

—Кто мог подумать, что расстреляют такого молодца, как Бендали... Несчастная его мать до сих пор еще проливает слезы. О, боже, пожалей нас! Чего только мы не испытали!..

—Что ты болтаешь, жена! Бендали убит по велению Николая. Он задевал Николая. Теперь другое время. Во главе стоят мусульмане. Глупая ты, глупая! Зачем же они станут убивать своего

же? Наоборот, они дают мусульманам оружие, учат воевать. Прошли те времена! Теперь Азербайджан наш!

После этой беседы они готовы были принимать Бебир-бека с еще большей охотой и радушием. Гадир не пропускал случая с гордостью рассказать о дружбе с Бебир-беком и, кого бы ни встретил, о чем бы ни начинал разговор, неизменно переводил речь на Бебир-бека—младшего бога деревни.

— Да... Кстати, насчет войны... Вчера Бебир-бек говорил у нас, что...

Когда Бебир-бек пришел к ним во второй раз, они уж не волновались. Это почувствовал и сам бек. Выколачивая трубку, он кинул на Гадира пронзительный взгляд. Оттопырив морщинистые, похожие на горло бурдюка, старческие губы, он сплюнул через отверстие выпавшего зуба и произнес:

— Гадир, сколько за тобой остается подушного налога?

Гумри поставила в угол старенький тазик и сказала:

— Бек, пожалуйста, будь добр, плюй вот сюда.

И она пристально оглядела его из-под черной чадры.

«Хоть он и бек, но чтоб ему провалиться! Экий, противный какой: подбородок—как лопата, нос—

ручка ножа, бороду будто заяц пощипал, усы висят, точно крысиные хвостики, кожа на лице блестит, как будто ее ошпарили кипятком, на щеке язва, морщины вдоль и поперек. Не приведи бог! Таких у нас называют: «Из ада без пропуска удрал!...»

И вдруг Гумри обуял ужас: а что, если шейтан шепнет об этом на ухо беку?.. Вот будет тогда история! Затряслась Гумри, забилося у нее сердце, разболелась голова, щеки покрылись румянцем. Хорошо, что человек хоть думать может безнаказанно! Хорошо, что чиновники не догадываются об этом, иначе обложили бы налогом.

Вопрос Бебир-бека поразил Гадира.

— Сколько за тобой подушного налога?

Скажи на милость, что это еще за налог? И месяца нет, как они продали перекупщикам палас с разноцветными узорами—приданое Гумри. Разве не пошли все эти деньги, до копейки, в ладонь старшины? Не тот ли это налог, который взыскали с них в том же размере, что и с Гаджи-Гусейна? Когда они жаловались, старшина «разъяснял»:

— Эй, мусульмане, знайте, что правительство ислама еще молодо, ново, и сил у него еще мало. Вы должны поддержать его, оказать ему помощь. Когда же оно окрепнет, то ничего не будет брать с бедняков, даже налога. Но ислам пока еще слаб. Мы должны дать все, что можем. Видите: в городах знатные, богатые люди миллионы жертвуют в

Ар-2622

пользу ислама. Ведь это не шуточное дело—и у правительства есть друзья, есть и враги...

От слов бека у Гадира пересохло в горле. Он выпрямил спину и растерянно посмотрел на ту часть хатки, где зиял голый земляной пол.

—Какого налога, бек? По-моему, не должно было ничего остаться. Дней двадцать, как я заплатил все сполна. Да, да, я хорошо помню, что не должно было остаться. То, что требуется по закону, мы обязаны платить, и платим.

Говоря это, он встал, достал с полки сверток с бумагами и, развязав, положил их перед Бебирбеком.

—Вот, пожалуйста, посмотрите и убедитесь, что мы все уплатили.

Бек кинул на бумаги небрежный взгляд и милостиво сказал:

—Да нет, ничего. Я просто к слову сказал. У вас, действительно, все уплачено.

И, посмотрев на него с улыбкой, добавил:

—Почему тебя так удивил мой вопрос, Гадир? Не перевернулся же свет, оттого что я спросил? Чего ты встревожился, да сохранит бог твой дом! Разве не мы там сидим?

—Верно изволите говорить, бек, только у меня чуть сердце не разорвалось.

—Николаевские канцелярии выжали из вас все соки, заронили в ваши сердца страх. Вы еще не знаете, что значит свое, исламское правительство.

—А нам не все ли равно? Кто будет ослом, тому мы и будем паланом.

Слова Гадира не понравились беку. Он стал горячиться.

—Вот это и губит мусульман! Что значит—«все равно»? Почему ты говоришь такой вздор? Что общего между Вартазаром, Иваном и Насиббеком? С ума ты спянул, что ли?

—Нет же... Вы правду изволите говорить, бек. Верно, что с тех пор, как мы себя помним, мы видели своими начальниками сыновей Гасан-Али, Гаджи-Гусейна и вот еще вас. Ведь и раньше здесь не было русских правителей.

—Почему ты упоминаешь меня?.. Нельзя же доверять каждому человеку. Я—не в счет. Нам мусульманское правительство нужно. Мы должны день и ночь думать об этом.

—Так вы, бек, изволите сказать, что у нас все уплачено, не правда ли?

—Ну, да... Я так себе спросил, а ты уж испугался?

Такое простое обхождение бека смутило Гадира, и он стал благодарить его.

—Нет, бек! Да не лишит меня бог покровительства таких людей, как вы! Правительство—это пастух над народом. Конечно, наш долг жертвовать имуществом, жизнью, всем, что только у нас есть. Почему не дать, если есть? Состояние—вещь хорошая. А бедности я и врагу не пожелаю! Бед-

ность, с вашего позволения, хуже собачьей жизни...

— Ты сам виноват...— прервал его Бебир-бек.

— Как так?..

— Да, да, виноват ты сам!

— Но как же, бек?

— А вот как. Ты, может, думаешь, что бог сам принесет добро и всыпет в трубу твоего дома? Ты старайся, а я помогу. Кто слушает старших, тот, поверь, будет богат.

— Я ли не был послушен?

— Да, ты!

— Я, я?

— Да, да, именно ты!

— Когда же случилось, чтоб я ослушался вас? Нет, бек, как я посмею? Я—слуга и обязан слушаться. Почему вы так говорите?

— А вот, если б ты слушался меня, ты тоже вышел бы в люди.

— Клянусь этим хлебом, пусть я ослепну, если когда-либо я ослушался вас! Когда же это бывало?

Говоря «клянусь этим хлебом», Гадир оторвал кусочек хлеба и бросил на землю. Гумри подняла его, поцеловала и положила на скатерть. Бек отошел от окна и хотел сесть у очага.

— Пожалуйста, поближе, еще ближе!—попросил Гадир.—В комнате дует и сыро, еще простудитесь.

И он окинул взглядом стену, в которой когда-то снарядом была пробита брешь, впоследствии

заложенная камнями, но не оштукатуренная. Через эту стену проникала свежесть, а по ночам в комнате просто было холодно.

Бебир-бек подложил под локоть подушку. Свет очага падал ему на лицо. Обычно его рот открывался и закрывался с таким трудом, точно это были заржавленные клещи. Но сейчас речь его лилась гладко.

— Слушай, Гадир, что я говорю, и ты, Гумри—моя сестра. Говорят: «бедняк не имеет головы». Возьмем, к примеру, хоть тебя самого. Недавно я позвал тебя и сказал: «Послушай, трудно тебе, дай я тебя устрою на службу. Есть кусок хлеба? Почему его должен кушать другой, а не ты?» А что ты, простофиля, ответил на это?

Гадир отошел и прислонился к стене. Смушенно слушал Бебир-бека. Ему нечего было ответить на справедливые упреки, и он виновато опустил голову.

Бебир-бек продолжал:

— Я хочу, чтоб ты устроился. А то вот сыновья Гасан-Али без конца ходят. Каждый день я, под тем или иным предлогом, выпроваживаю их. Не хочу устраивать, не по душе они мне. Но для тебя я готов. Теперь к тому же пристав со мною очень считается. Не бывает дня, чтоб не прислал ко мне за тем или иным делом. Недавно вызывает меня к себе: «Если услышу, что без меня ходишь на охоту, смотри!..» Ведь он любя говорит это... А

почему не говорит того же наваллинцам, караджа-амирлинцам? Я хочу помочь тем, у кого нет поддержки. Мне больно видеть такого молодца, как ты, в подобном положении. Разве плохое дело—богатство? Вот, к примеру, сидим мы у тебя, почему бы и тебе не быть зажиточным? Почему, раз я готов помочь тебе? Кого же, как не тебя, мне устраивать? Только сам ты чего-то увливаешь...

Гумри задвигалась в радостном волнении и сердилась, что муж до сих пор не слушал своего доброжелателя.

—Правду изволишь говорить, бек!—вмешалась она в разговор.—Если б он соображал, разве оказался бы в таком положении? Ведь вся деревня о том лишь и мечтает, как бы удостоиться разговора с беком, сказать ему о своих нуждах. Один только он—мямля и больше ничего...

Бебир-бек выпрямился и, повернувшись к Гумри, начал еще сердечнее:

—Гумри-баджи! Теперь ты все знаешь. Давеча я сказал: раз я за вас, значит, дело в наших собственных руках. Во главе правительства стоят мусульмане. Вот говорят—«свобода». А что значит свобода? Это—мы сами, говоря просто,—мы сами. Кого хочешь—свалю, кого хочешь—подыму. Все—в наших руках. Гадир, дай-ка мне напиться. Да... так что я говорил? Каждый старается урвать что-нибудь. Сто тысяч уже и за деньги не считают.

Он не договорил, ударил в ладоши и смолк.

Потом, точно вспомнив что-то важное, продолжал:

—Поймите, больно мне, жжет это меня! Да и как не больно, когда молодой, неглупый, здоровый парень не идет на службу, а батрачит у чужих!

Бек переменял тон.

—Я не говорю, что не надо батрачить. Это тоже нужно. Мы сами служим его светлости, господину Насиб-беку.¹ Прошу в честь его встать.

Он, пыхтя и сопя, приподнял свою грузную, как тяжелый мешок, тушу и снова опустился на туюфчок. Гадир с Гумри тоже встали. Для них это было новостью. До сих пор они знали, что нужно вставать при имени лишь одного человека—Сахибиззамана.² А тут оказывалось, что Сахибиззаман не один, что есть еще один человек, подобный ему—Насиб-бек.

Почтение, оказанное Насиб-беку, не прошло без последствий. Не успел бек опуститься на место, как во дворе залаяли собаки.

—Да,—продолжал бек.—Мы сами слуги этих высоких особ, а они—слуги нации. Но слуга слуге рознь. Раз я у власти, почему бы Гадиру не служить? Зря, совсем зря! Служба или убьет человека, или оживит. Если будешь служить исламу че-

¹ Насиб-бек Усуббеков—б. председатель мусаватского контрреволюционного правительства в Азербайджане.

² Сахибиззаман—последний из двенадцати имамов по имени Мехти. По верованию фанатиков, он скрылся в вечность и должен появиться, когда найдет это нужным. Сравните со вторым пришествием Христа. (Прим. ред.).

стно, всем сердцем, то весь твой род будет благоденствовать. Вспомните, с какими почестями повезли в Баку Сары, одним выстрелом убившего семерых армян. Насиб-бек дал ему золотую медаль, за ним по пятам ходят, словно дворняжки, двое полицейских. Чего еще тебе? Правительство Азербайджана в руках истинных мусульман шарията Магомета. Увидишь, не сегодня-завтра, мы армян по свету развеем. Почему бы тебе не слушать?..

Перед Гадиром открывался путь к счастью. Он не в состоянии был выразить словами свою радость. Забыв свой ежедневный тяжелый, нищенски оплачиваемый труд, он почувствовал себя избавленным от нужды, кабального труда и горя. При мысли об ожидавших его счастливых днях, у него потекли слюнки. Он даже забыл поцеловать перед сном свою дочку Фахиру.

В эту ночь он заснул веселым.

3

Была весна. Народ собрался в мечети. Обсуждали вопрос о призыве в аскеры. Молла, носивший повязку на рукаве, говорил о джахаде. Его слова произвели огромное впечатление на присутствующих. Потом говорили те, которые были полны готовности идти в войска. Гаджи-Гусейн, лысый Аббас, толстый Машади-Мамед и Гамид были завербованы в аскеры за деньги.

Али Багир-оглы был привязан к столбу перед канделярией. Старшина кричал:

— Бей, бей его, бей!.. Бей собачьего сына, чтоб он поумнел!..

По мере того, как ивовые прутья ломались, полицейские доставляли новые. Избиваемый кричал: «Умираю!..» На его вопли прибежала старуха Мелек и бросилась к нему. Полицейские избили старуху вместе с Багир-оглы.

— Ребята, в чем провинился этот грешник?— послышался голос моллы.

Это тяжелое зрелище сильно напугало Гадира, который не решался показаться кому-либо на глаза... Думал,—может и его зовут на такую службу. Он бы не вынес этого, он и вола не способен был ударить. Поражался: неужели эти крики и вопли не трогают сердца людей?..

Бек тоже был в плохом настроении. Он хмурил брови. Гадир повернул в сторону садов. Его нагнал Агабала, по кличке «Бездельник».

— Старшина говорит, чего увливаешь?

— Ничего, домой иду.

— Ворочайся! Какой еще дом? Благодарю, если живым останешься, а ты еще домой собрался? Иди, тебя зовут!

Сердце Гадира затрепетало, как лист мяты. В то же время он думал: «А может ничего нет страшного? В чем я провинился, чтобы меня били?».

Едва они дошли, как Гадира окружили полицейские. Он не успел и пикнуть, как его повалили наземь и, приподняв ноги, крепко привязали их

к длинной палке. Веревки резали ему икры, ноги ждали ударов. Перед ним стоял человек в черной, мохнатой папахе; он точно съест хотел Гадира глазами; схватив пучок розог, взмахнул рукой, как если бы собрался рубить дрова. Ужас охватил Гадира. Закрыв глаза, он закричал.

— Стой,—послышался чей-то голос.

Это был старшина.

Обратившись к почетным, он сказал:

— Господа! Он виновен перед честью нации, не пошел в аскеры; дадим ему месяц отсрочки; я беру его на поруки, если он не выполнит своего долга, я совестью клянусь...

Почетные согласились со старшиной.

Хоть и освободили Гадира, но он был опозорен. Первый раз в жизни он лежал перед толпой, связанный по рукам и ногам. Страхнув с одежды пыль, он хотел улизнуть через двор канцелярии, но Бездельник схватил его за полу:

— Ах ты, шельма! Отделался! А ну, покажи себя!..

Гадир остановился.

— Ну, опусти руку в карман,—еще откровеннее проговорил Бездельник.

В кармане у Гадира были лишь крошки хлеба и кусочек веревки. Ему стало стыдно. Хотел было обещать что-нибудь, когда Бебир-бек знаком подождал его.

— Небось, трусил? Будь мужчиной! На службе такие случаи нередки. Я хотел посмотреть, выдержишь ли ты? Завтра попадешь в руки врага,—он и бить, и истязать тебя будет, а ты выдержишь ли? Сумеешь ли не выдать тайны нации? Ничего, привыкнешь! Помаленечку, потихонечку.

Потом, переменив тон:

— Почему ты пришел с пустыми руками? Эх, ты, простофиля! Поступаешь на государственную службу, будешь одним из пяти важных людей на селе. Это ведь не шутка! А приходишь ни с чем!..

Гадир понял свою оплошность.

— Слушаюсь!—сказал он и поспешил домой.

Он долго советовался с Гумри. Занять у кого-нибудь? Но у кого? Продать что-нибудь? Но что же? Пришлось заложить избу Гаджи-Гуссейну. За четыреста рублей он купил у охранника Машади-Алекпера берданку с пятьюдесятью патронами. Удивительная вещь—это оружие! Только взял он ружье в руки, как тотчас же почувствовал, какая кроется сила в этой чертовщине. Взыграло сердце, захотелось действовать, повернуть ружье, щелкнуть курком.

Гадир пошел к беку. Тот осмотрел ружье, сказал:

— Недурное,—и, поставив его к стене, спросил.

— Почему же ты с пустыми руками? Эх, парень! Ведь на службу поступаешь, будешь одним из пяти почетных лиц на селе!..

— Купил же!—сказал Гадир, не понимая бека.— У Машади-Алекпера купил, мое ружье!..

Бек покачал головой, махнул рукой:

— Эх! Ну, что с тобой сделаешь? Я то ничего, обещал устроить тебя, ты свой человек, от тебя мне ничего не надо. Но с каким лицом ты явишься к приставу? Сыновья Гасан-Али, сын Гаджи-Гусейна то и дело приходят ко мне, просят устроить их. Но я берег службу для тебя.

— Бек, они ведь занимают большой пост на вокзале?

— Это ничего не значит! Без нас им не обойтись. Будь уверен, от беготни...

— Бек, Машади-Алекпер говорит, будто и старшина от нас зависит?..

Бек побагровел от гнева, обвел глазами вокруг:

— Вздор он говорит, а ты повторяешь!..

Гадир промолчал. Взглянул на дымившийся окурок папиросы, валявшийся на земле. Слегка наклонившись к Гадиру, бек прошептал:

— Пусть это останется между нами. Дело это казенное!

И, повысив голос, продолжал прерванную речь:

— От беготни взад и вперед они набили себе мозоли. Ты посмотри: кто деньги приносит, кто буйволицу обещает. Но их гонят с порога. А ты хочешь оскандалить меня перед приставом? Нельзя же так, это ведь присутственное место,—не игрушка!

Гадиру стало страшно неловко. Только теперь он понял слова старшины. Совершенно растерян-

ный побрел домой. Исчезло все воодушевление. Он ослабел, точно раненая птица.

Гумри возвращалась из лесу, куда ходила за дровами. Хоть она и заметила состояние мужа, но ничего не сказала. Уложив ребенка, прикурила в углу.

Гадир почувствовал, что произошло что-то недоброе.

— Ты даже не спрашиваешь, что сказал старшина?

Молчание.

— Ну и пройдоха этот старшина.

Гумри продолжала молчать. Гадир прислушался: она плакала. Он встал, взял ее за руку, привлек к себе, вытер ей глаза, спросил, чем она огорчена.

Вот что она рассказала.

В лесу есть место, называемое «Шанлы-дере» — славная долина. Зимой там валяется много сухих веток; Гумри их собирала и приносила домой; из хороших делала вязанки и отдавала соседям в обмен на хлеб, а ветки поплотнее жгла сама. Сегодня лесничий застал Гумри в лесу, приказал сбросить собранный валежник и, обругав, прогнал ее.

— Не беда,—сказал Гадир, выслушав жену,— не ходи больше. Небось не помрем с голоду, если не будешь собирать хворост! Стоит ли плакать из-за этого? Пусть он подавится им! Не дадут бедняку возможности жить!..

Насчет своего разговора со старшиной Гадир

пока промолчал. Только вечером, когда Гумри несколько успокоилась, Гадир рассказал ей все. Эта новость очень расстроила Гумри. Знай они раньше, что будет так, не согласились бы на такую службу, и двора бы не заложили...

Некоторое время они молчали. При тусклом свете лампочки смотрели друг на друга; в их взглядах были страх и недоумение. Думали,—может, отказаться от мысли о службе? Но ведь жить-то надо! Забота о куске хлеба беспокоила Гумри больше, чем Гадира. Человек живет надеждой. Говорят,—через ров, ведущий к счастью, легко перепрыгнуть. Сколько ни толковали, но отказаться от так долго лелеемой надежды на службу не могли. Решили не останавливаться на полдороге. От матери Гумри оставалась память—бархатный архалук. Они решили продать этот архалук и тканый верх одеяла. Чтобы несколько развлечь Гумри, Гадир стал говорить о будущих радостных днях.

— Эх, жена, все вернется нам сторицей! Все это преходяще, потерпи. Ничего: бог даст, на службе все наверстаем. Что такое архалук? Я костюм тебе куплю!

По совету Бебир-бека Гадир купил для пристава часы. Старшина сам взялся передать их приставу. Когда Гадир получил бумагу о назначении на службу и положил ее в карман, ему показалось, что весь свет принадлежит ему.

3. РАЗЛУКА

1

Гадир был назначен в Хачбулах караульным к начальнику.

Передавая приказ, Бебир-бек дал Гадиру обстоятельное и подробное наставление, как он должен вести себя; выходило, что Гадир должен тщательно выполнять службу, чтоб беку не пришлось краснеть за него перед приставом.

В субботу Гадир должен был быть уже на месте, но Гумри не соглашалась отпускать его.

— Либо,—говорила она,—брось эту службу, либо возьми и меня с собою. Я не могу жить без тебя.

Гадир вполне понимал ее: ведь в этой деревне у нее не было никого из родных. Единственный, кто навещал ее в трудные дни и спрашивал о ее житье-бытье, был Машади-Ислам, такой же бедняк и неудачник, как и Гадир.

Гадир подумал было взять Гумри с собою. Но это было очень трудно; к тому же переезд всей семьей в горы был сопряжен с большими расходами; да и кто знает, можно ли в горах найти по-

мещение для семьи? Гадир пошел посоветоваться с беком. Когда бек услышал о его желании взять с собой семью, его передернуло. Он побледнел, смутился, стал заикаться. Положив на место печатать, он встал и вместе с Гадиром пошел к нему.

— Что это еще за вздорные выдумки? Кто это говорит? Слышанное ли дело? Ты от нашего села идешь на службу. И если твоя семья не останется здесь, никто тебе ни на столечко не поверит! Будешь молодцом, если там, куда ты едешь, хоть для себя найдешь угол. Семья?.. Брось, брось эту мысль! Сестрица Гумри,—обратился он к жене Гадира,—смотри, нигде об этом не проговорись, а то будут смеяться над вами...

2

Было раннее утро; из-за дальних гор еще не показывалось солнце; даже пахарей не было видно; по проселочной дороге шли два путника; шли они медленно и часто оборачивались назад, словно были изгнаны из деревни.

Не обращая внимания на свою невинно улыбающуюся и агукающую крошку, Гумри смотрела на уходившую к горам, извивавшуюся между скал и кустарников и терявшуюся где-то вдаль дорогу и думала о печальной, темной судьбе, ожидавшей ее возлюбленного.

Она оставалась в деревне одна, без всяких средств. После смерти матери, которая умерла в годы мировой войны, Гумри нашла утешение в

Гадире, таком же бобыле, как и сама. Но и тут жизнь обидела ее, она провожала его на службу в далекие, опасные края.

Оглядываясь на покрытые цветами поля и вдыхая полный благоуханий весенний воздух, Гадир тяжело вздыхал.

«Я ухожу. Но как тяжела мне разлука! Из-за куска хлеба я вынужден покинуть семью, свою милую крошку. Что делать, так уж сложилась наша жизнь! Но, может, и нам улыбнется счастье! Не печалься же!»—так говорил Гадир про себя, боясь выразить вслух свои мысли.

Глаза Гумри были полны слез, мысли отуманены. Гадир не хотел видеть ее плачущей. Он то и дело целовал Фахиру, улыбающуюся на руках матери, и мысленно поручал их друг другу.

Настало утро. Они порядочно отделились от села. Сквозь только что распустившиеся деревья и свисавшие ветки ивы были видны дымившие трубы крестьянских изб. Слышно было пение петохов.

Выйдя на дорогу к вокзалу, Гумри села у подношья холма «Гумлу-тепе»¹, около давно заброшенного колодца, наполненного камнями.

Здесь им предстояло проститься. Гадиру тяжело было уходить, Гумри же не хватало сил вернуться.

¹ Песчаный холм.

Гадир оглянулся назад, мысленно прощаясь с родным селом, где протекла его молодость, где в течение двадцати пяти лет было пережито так много горя и так мало радостей! С сожалением и горечью смотрел он на сады, поля, леса, на сиротливо прижавшиеся друг к другу избы, на убегавшие вдаль дороги и мысленно перебирал безрадостные страницы своего печального детства.

Теперь, ради темного, неизвестного будущего, он должен был покинуть все это. Может, ему не суждено больше вернуться назад. Увидит ли он еще раз восход и заход солнца на родине? Может быть, солнце, ежедневно проходящее над селом, как жизненный караван, почувствует пустоту, созданную его уходом?..

— Счастливого пути!

Напутственные слова Гумри еще больше взволновали Гадира. Он с трудом мог прошептать:

— Счастливо оставаться, Гумри! Береги Фахиру!..

4. КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

1

Был уже полдень, когда Гадир дошел до Кызыл-кая.¹ Солнце немилосердно жгло. Итти пешком было невозможно. Он догнал аробщиков, которые везли фрукты на эйлаги; один из них свистнул, и все оглянулись на Гадира.

— Эй, братцы, езжайте тише!—крикнул Гадир

Тот снова свистнул. Остальные еще раз оглянулись на Гадира. Молодые парни, вскочив, хлестнули быков. Арбы понеслись вскачь.

Гадир был изумлен. Потом догадался и оглядел себя; то, что при нем было ружье, не могло испугать их, так как почти все крестьяне имели ружья. Но он был одет в поношенную форму, данную ему старшиной. Приняв его за полицейского, крестьяне отнеслись к нему с недоверием. Испугались, должно быть, чтобы он не придрался к ним и не отнял у них фруктов. Поэтому они ускekali, чтобы присоединиться к своим товарищам.

¹ Золотая скала

Стало ясно, что в этом костюме он не может рассчитывать ни на чье гостеприимство.

Свернув в сторону, Гадир зашел за кусты граната и переоделся; снятую одежду завернул в тулуп; рубаху надел наизнанку; в общем стал похож на батрака, одетого в пестрое тряпье. В таком виде и пошел дальше.

— Бедный ты, бедный,—пожалели его угольщики,—можно ли пешком проделать этаким путем?

И позволили ему сесть на мула.

По мере того, как они подымались в гору, дорога становилась все круче, местность все гористее, а город и низменность точно уходили вниз.

От оврага Гамарлы к вершине горы вела тропинка, охватывавшая гору, как белый пояс, и постепенно подымавшаяся кверху. Вечно-зеленые деревья, дубы и кусты граната, росшие по краям дороги, только что распускались, образуя над дорогой изумрудный свод. Схватившись одной рукой за гриву мула, Гадир другою трогал ветки, покрытые молодыми листьями. Его мул, протягивая губы, схватывал зеленые ветки, но, почувствовав колющие иглы, отпускал их.

Гадиру никогда не приходилось бывать на этих эйлагах. Поэтому все вызывало в нем удивление и наполняло его восхищением. Погонщики-угольщики рассказывали страшные истории о том, как на этих дорогах опрокидывались арбы, и люди летели в пропасть. Как, должно быть, в самом деле, рискованно ехать на арбе по такой узкой, как лен-

та, дороге! Перегнувшись, Гадир заглянул в пропасть.

Один из погонщиков с большим чувством запел:

«Любимая, я ранен,
Стрелой я поражен!
Я не расстался бы с тобою,
Но меня разлучили силой...»

Это был молодой, живой парень по имени Абуш; по длинным разноцветным носкам и по красивым тесемкам его чарыхов можно было заключить, что он—любимый сын у матери. Он ехал впереди всех; когда встречалась вода, грязь или овраг, он предупреждал остальных. Его сочный, чистый и приятный голос восхищал Гадира.

Пробуждающаяся природа, леса, горы и пропасти отвечали ему эхом. Песню свою он закончил таким припевом:

„Прощайте, туманные горы,
Язык мой умоляет, сердце плет кровью!..“

Гадир еще раз посмотрел вниз. Какая ужасная бездна! Казалось, все реки, питающие океаны, прошли здесь. Будто это была обнаженная часть земли, на которой возвышались голые, высокие, серые скалы, сверкавшие и страшные!..

Где-то, в неприметном для глаза месте, в глубине пропасти слышен шум падающей воды. Между скал, играя, летают птицы, то скрываясь в кустах, то снова появляясь. Протекающие через лес

ручьи, блестя, как свинец, исчезают под скалами. Немного выше, по краям дороги, высятся засохшие, но жаждущие жизни, кусты. Под ними кое-где подымает головку ароматная фиалка, точно поздравляет путников с наступлением весны.

Дорога, все время подымаясь, привела путников на открытую поляну. Отсюда на долину и город, раскинувшиеся внизу, смотришь точно с аэроплана. Здесь дышишь чистым, прохладным воздухом гор, напоенным ароматом, и представляешь себе низменность кипящим котлом, окутанным дымом, жаром и пылью.

Нельзя было разобрать ничего, только Кура, блестящим лезвием разрезавшая землю пополам, терялась вдали. Лишенные растительности горы по берегам реки казались песчаными холмиками, насыпанными детьми. Поезда, по временам проносившиеся по зеленеющим полям, напоминали банного истопника, бегущего с дымящей головней, чтобы еще больше разжечь этот мир, и так уже согретый весной.

На перевале погонщики остановились и пустили мулов пастись в лесу.

Совершенно разбитый от езды Гадир прилег на зеленую травку

Один из погонщиков—толстый, с продолговатым лицом и белой бородой, так аппетитно поглощал творог с хлебом, точно это был мед с маслом. При этом он не отрывал от додины своих чер-

ных, узеньких глаз, похожих на обметанные черной ниткой петли.

— О, непостоянный мир! Было время, когда русский солдат чувствовал себя очень прочно в этих местах! А теперь где тот, кого называли Николаем?..

И он махнул рукой.

— Что за вопрос?—ответил ему другой погонщик, набивая трубку.—Так бывает со всеми, кто осмеливается обстреливать из пушек гробницу Имама-Ризы¹! Да святится та сила, которая в одну минуту обратила в прах трехсотлетнего дракона с его царем Николаем!

Парень, певший баяти, что-то ел, лежа на животе.

— И очень жаль, что так случилось,—пробурчал он с набитым ртом.—Подумаешь, осчастливили нас! Фунт монпасье—сто рублей. Все точно взбесились, грызут друг друга. У мусульман не осталось чести, у армян—стыда. Совсем разрушили дом бедняка! Легче дважды родить, чем продать выюк углей...

Белобородый старик поддержал его:

— Разве ты не слышал,—говорят: «Бойся хорошего, которое приходит на смену плохому». У женщины спросили: «Которым мужем ты больше довольна—первым или вторым?» — «Чтоб и на то-

¹ Чтимый мусульманами - шиитами имам, гробница которого находится в Мешхеде (Иран).

го и на другого перешли мои болезни!»—ответила она. Теперь всякий норовит попользоваться за счет крестьянина, каждый лезет к нему с требованием: «Молчи и давай!»

Гадир прислушался к их разговорам. Смотреть вниз, на долину, нехватало сил. Чтобы несколько отвлечься от тоски по дорогим людям, оставленным там, он лег на спину и стал любоваться белыми, как снег, причудливыми облаками, плывшими по небу.

Двинулись дальше. Мужчина с белой бородой ехал рядом с Гадиром.

— Дальше ехать небезопасно,—говорил он,—разбойники пошаливают. Спрячь свое оружие под вьюками, а то еще и нас подведешь.

Разобрав ружье, Гадир завернул его в попону и привязал к брюху мула.

Они на каждом шагу ждали нападения разбойников.

Перевалили через три горные вершины. Одна из них, самая высокая, над которой парят орлы, напоминала заколдованную легендарную крепость, о которой рассказывается в сказках. Некоторые из этих скал, оттого ли, что в течение тысячелетий были свидетелями кошмарных событий, или от воздействия дождя и снега, блестели, точно отточенные ножи.

По обочине дороги валялись камни, из-под которых вылетали горные куропатки. Над головами

путников, точно свистящие пули, проносились стаи турачей. В створе двух гор открывалась зеленая полянка, по которой протекал родник с холодной, как лед, вкусной водой. На крутых спусках путники спешили и вели мулов осторожно и медленно, с ужасом глядя вниз и поминутно призывая бога.

Приблизились к «Джыр-Джыру». Это было самое страшное из всех ущелий. Вода в нем давно высохла. По преданию, здесь когда-то зарезали грудного младенца. Поэтому иссяк родник, а находившееся поблизости село пришло в разорение. Даже птицы покинули эти места, и ущелье стало убежищем змей и прочих гадов...

Проезжавших по этому ущелью путников охватывал трепет. Все умолкали и двигались, широко раскрыв глаза, ожидая всяких ужасов.

Путники притихли. Слышен был лишь стук копыт мулов, на который отзывалось горное эхо, такое гулкое, что, казалось, скалы, раскалываясь, падали в адскую бездну.

Белобородый угольщик потушил свою трубку. Ехали вереницей, по два человека, теснясь друг к другу, как стадо овец, боящихся нападения волков.

Белобородый, мигнув Гадиру, шепнул.

— Поезжай скорее!

Чтобы не шуметь, они не били мулов нагайкой, лишь прищипывали их пятками.

Приближался вечер. Нигде не было видно при-

знаков жилья. Эта таинственная тишина еще больше усиливала тревожное состояние, путники боялись даже глотать слюну. Чем ниже спускались в ущелье, тем сильнее охватывал всех страх. Все пугало: из-за каждого куста и камня они ожидали появления врага.

По склону горы пробежал заяц. Над вершиной горы пролетел орел.

Тени удлинялись, солнце собиралось скрыться. Путники внимательно вглядывались в кусты, камни и затененные места.

Внизу, сквозь ветви низкого дуба, Гадиру показалась какая-то темная фигура, похожая на человека. Казалось, он смотрел на спускавшихся людей, прикрыв рукою глаза. Гадир незаметно толкнул ногой спутника и прошептал:

— Человек!..

Тот нахмурился и всмотрелся вперед; лицо его побледнело. Темная фигура продолжала стоять неподвижно, наблюдая за ехавшими. Вдруг снизу донесся грозный окрик:

— Ни с места!

Путники вздрогнули. У кого-то упал с седла хурджин. Посмотрели вперед: группа людей, одетых под цвет скал, прицеливалась в угольщиков. Их окрик прокатился в горах, оглушив, как удар молота по голове.

Больше всех был встревожен Гадир. Не знал, что делать. Погонщики остановились, подняли руки вверх. Последовал их примеру и Гадир.

Окружив их, бандиты принялись за грабеж. Они говорили и действовали так быстро, что погонщики совершенно растерялись.

— Раздевайтесь!

— Стой, не то убью!

— Не шевелись!

— Я заставлю заплакать твою мать! — кричали они.

У белобородого мужчины отобрали лезгинскую шаль, у Гадира — тулуп, у молодого человека — папаху. Пошарили по карманам, нашли деньги. Один из нападавших, краснощекий брюнет, с волосами, падавшими на брови, почему-то отнесся к Гадиру с подозрением. Его взгляд приводил Гадира в трепет.

— Кто ты?

Гадир не нашелся, что ответить. Вспомнил завернутое в попону и спрятанное ружье. «Пропал, — думает, — узнают, что еду служить, и изрубят на куски!»

Хотел что-то сказать, но спутался.

— Кум, он тоже угольщик, — вмешался белобородый, — ездил продавать вьюк углей. Человек он небывалый, ну, и испугался...

Тот поверил ему. Грозя Гадиру пальцем, он сказал:

— Я не тронул тебя только потому, что ты не гянджинец! А им я головы отрублю!

Белобородый мужчина сразу смекнул, в чем дело:

— Нет, кум, клянусь верой, он не гянджинец, он бедный человек; из-за куска хлеба потащился в город. Ты сам видишь, что у нас общего с гянджинцами?

Разбойники спустились вниз и скрылись за деревьями. Один, держа палец на курке, караулил путников, не позволяя им трогаться с места. После того, как скрылись его товарищи, исчез и он.

Погонщики с облегчением вздохнули. О вещах не горевали; были рады, что живы остались. Приказ о назначении Гадира, удостоверение и некоторые другие нужные бумаги остались в кармане тулупа, унесенного разбойниками. Это вызвало у Гадира сильное беспокойство. У него сохранилась лишь бумага, выданная старшиной.

Было совершенно темно, когда они доехали до вершины горы. Каждый год склоны этих гор покрываются палатками и кибитками кочевников. С тех пор, как начались беспорядки, пропала вся прелесть этих мест. Приезжих было мало. То и дело происходили грабежи.

Из опасения ли потерять кочевки, или боясь нападений, но в этом году начальство очень рано, задолго до подъема кочевников, раскинуло здесь палатки, устроило канцелярию, поставило стражу. Начальник должен был водворить здесь порядок и принять все меры, чтобы положить конец бесчинствам.

Близко поставленные друг к другу палатки походили на женщин в белых чадрах, сидящих в ожидании представления.

Над средней палаткой развевался синий флаг. Несмотря на траурный месяц Магеррам, из палатки доносилась музыка. По временам выходили мужчины с закрученными усами, в погонах, со шпорами.

Повидимому, это и было место, куда был назначен на службу Гадир.

Он простился с погонщиками. Совершенно разбитый ездой, он начал потирать колени, ходить взад и вперед, чтобы размять онемевшие ноги. Войти в палатки он не осмеливался. Шагах в двадцати от палаток были поставлены два столба с какой-то надписью. От этих столбов по зеленой траве айраном была проведена черта, повидимому, обозначавшая какую-то границу.

Гадир прислонил ружье к столбу. Темнота сгустилась, с трудом можно было разглядеть проходивших по дороге. Шум в палатках не стихал.

К Гадиру приближался человек низенького роста. Издали Гадиру показалось, что он танцует под музыку. Когда же подошел ближе, оказалось, что он хромает; человек направлялся к палатке.

— Дяденька,— окликнул его Гадир,— мне нужно видеть начальника, у меня бумага к нему. Как мне представиться ему?..

Тот пристально посмотрел на Гадира и резко ответил:

— Невежа! Надо говорить не «дяденька», а «эфенди»! Что там еще за письмо у тебя, давай!

Это был сотрудник начальника по наружной части, принимал адресованные тому бумаги.

Гадир сказал, что прислан сюда на службу, и передал бумагу. Человек чихнул; Гадиру показалось, что он сделал это умышленно, чтобы посмеяться над ним, но потом заметил, что человек нюхает табак.

Сотрудник начальника взял бумагу и, прихрамывая, ушел.

Спустя некоторое время, вернулся и сказал:

— Стой здесь и никого не пропускай. Ты назначен караульным. Понял?

— Слушаюсь!

Итак, дело Гадира уладилось, он был уже на службе.

Став между двумя столбами, Гадир выпрямился и повернулся лицом к дороге. Он не знал, как нужно держать ружье; хотел взять на плечо, но вспомнил, что часовые не держат его так, и, взяв ружье обеими руками на перевес, начал ходить взад и вперед.

Низенький мужчина снова подошел к нему, ткнул кулаком в бок и, взяв за руку, подвел к столбу. Поставив ружье прикладом на землю, он велел Гадиру держать его правой рукой и ушел.

Гадир был и смущен, и в то же время доволен. Теперь уж он стоял, как настоящий часовой.

Темнота сгущалась. Приятная прохлада дня сменилась резким холодом. Из освещенных палаток доносились беспорядочные крики и возгласы.

— Да здрав... Будь здоров!.. Эфенди, чокнемся!.. Еще, да еще! Еще!..

Крики сливались с громкими звуками музыки, образуя невероятный шум. Слышался хриплый женский смех и пронзительные вскрики. Повидимому, кутившие заигрывали с подвыпившими женщинами.

Весь поглощенный своей службой, Гадир рассеянно прислушивался к этим голосам. Его здесь никто не знал и не замечал. Чтобы завоевать себе сколько-нибудь сносное положение, ему надо было работать изо всех сил, отличиться.

Начальник и другие важные лица, проходя мимо него, будут присматриваться и, если он не понравится им, возьмут его за уши и выбросят всн.

Гадир вынул платок, вытер лицо, застегнул воротник и застыл на месте.

Кто-то шел по направлению к палатке и, когда приблизился, Гадир рассмотрел усатого человека, одетого в чоху с газырями, в желтой бухарской папахе. Незнакомец хотел перешагнуть через начерченную на земле границу, но Гадир преградил ему путь.

— Нельзя!—повелительно сказал он, ударив прикладом берданки о землю.

Тот внимательно оглядел Гадира.

— Кто поставил здесь этого олуха?

— А вы кто?

— Я приближенный начальника. Мне можно пройти.

— Я ничего не знаю. Мне велено никого не пропускать!

— Но ко мне это не относится.

— Нет, и к вам относится, вы тоже похожи на человека.

Не успел Гадир закончить фразу, как у него загорелось ухо. Удар был так силен, что у Гадира потемнело в глазах; он зашатался, но кое-как овладел собой. В нем заговорило самолюбие. Он даже не взглянул на своего обидчика. Не думая о последствиях, ударил его прикладом в грудь. Тот перекувырнулся, папаха отлетела, блеснула лысина, точно свежелуженая посуда.

— Спасите меня от этой собаки! Погибаю!..— вопил незнакомец, растянувшись на земле.

С этими словами он вытащил из ножен кинжал. На крики вышел сотрудник начальника. Увидя его в таком положении, хлопнул себя по коленям:

— Что с тобой, Машади-Сулейман?

Тот вскочил, хотел наброситься на Гадира, но его удержали. Чтобы избежать лишнего шума, сотрудник разогнал прибежавших людей. Маша-

ди-Сулеймана увели в палатку. Гадира логачили к начальнику.

А в палатке вино уже успело сделать свое дело. Все были пьяны и совершенно не владели собой.

Дамы в коротких шелковых платьях любезничали с мужчинами. Один из мужчин, вместо дамы, обнимал ее шляпу, другой валялся на полу под столом.

Начальник оказался молодым брюнетом в золотых погонах. Он спал, прислонившись к стене. Во рту у него торчала кость от баранины, вложенная Сурейя-ханум. Врывавшийся в палатку ветер играл платьями женщин. Самой трезвой из всех присутствующих была болонка, самое любимое существо ханум. Черед был ее. Сидя во главе стола, она исправляла обязанности тамады.

Скандал с Машади-Сулейманом никого не отвлек. Каждый, кого трясли за плечи, мычал:

— Гмм... Кхе...—и снова засыпал. Разбудить же начальника никто не осмеливался.

Машади-Сулейман разозлился еще более и хотел уже уходить. Но сотрудник побежал за ним, пытаясь успокоить его.

— Машади-бек, будь уверен, что он будет наказан за нанесенное тебе оскорбление! Будь уверен.

За неумение обращаться с важными господами, Гадира сняли с поста у палатки начальника

и послали караулить пастбища, отобранные у армянских крестьян.

При этом ему сказали внушительно:

— Если ты не убьешь нескольких гяуров и не докажешь свою преданность нации, — будешь уволен.

— Эфенди, у меня кончился хлеб. И денег нет...

— Бери у крестьян, обойдись как-нибудь.

Гадир никак не мог понять, что значило это «как-нибудь».

Как требовать хлеба у бедного, погибающего от нужды крестьянина, когорый, с трудом собирая малую толику дров и мелких орехов или выжигая угли, не имеет возможности ни продать, ни променять их на хлеб?

Гадир положил ружье на землю и, скрестив руки, уставился на чиновника канцелярии.

— Что ж ты стал?

— Можно ли голодным итти на караул?

— Почему же голодным? Мало ли в реке камней?

Он позвал младшего сотрудника по наружной части:

— Сбегай к Аббасу, возьми хлеба, скажи — начальник требует. Бери побольше.

Два месяца и двадцать один день караулил Гадир пастбища. Беспорядки усиливались. Совершенно потерявшее голову начальство каждую

минуту давало новые распоряжения. Распространялись тревожные слухи.

Весть о поражении при крепости Аскеран разнеслась по всему эйлагу, повергнув всех в уныние и бешенство.

Начались нападения на армянские села. Жгли, резали, разрушали. Дым от пожаров застилал небо. С мулами и арбами спешили за награбленным. Неожиданная добыча рассеяла, несмотря на подавленное настроение, офицеров. Делили добычу с азартом; из-за жемчужного ожерелья разругались друг с другом Салтанат и Сурейханум, а начальник и штабной офицер чуть не подрались и не пустили в ход оружия.

Когда ссора была улажена, начальник, нежно обнимая офицера, говорил:

— Ах, душечка, что о нас подумают люди? Тут происходит национальная война, гибнет религия, а ты ссоришься из-за какого-то ожерелья! Клянусь твоей жизнью, стыдно! Давай, дадим друг другу слово, что между нами таких пердряг больше не будет!

В этот вечер, в виду тревожного положения, караульным были даны особенно строгие указания.

В горные аулы были посланы люди для сбора вооруженных крестьян. Во все стороны неслись верховые. Поговаривали о том, что ожидается наступление армян из соседних сел.

Гадир стоял на своем посту. Взгляд его пронизывал темноту. Нашупав камень, он присел и погрузился в думы. Была глубокая ночь. Вдруг до него донесся какой-то шорох. Он вскочил на ноги и, затаив дыхание, прислушался. Шум доносился справа, со стороны армянского пастбища.

Несмотря на все старания, он не мог ничего различить. Было темно, небо и земля, казалось, слились, образовав огромное, темное пятно. Чувствовалось приближение густого тумана. Гадир хотел было зажечь свечку, чтобы осмотреться, но во время спохватился.

«Ах, ты, дурень! Что ты делаешь? Или хочешь выдать себя врагу?»

Гадир снова сел. В ушах стоял звон. Он ясно различал глухой шум невдалеке. Кто-то двигался прямо на него. Он прилег за камень и застыл. Ужас сковал его. На теле выступил холодный пот.

Смерть в виде страшного скелета стояла перед ним. Ее вид заставил Гадира затрепетать. Не помня себя от страха, он чуть не выронил из рук ружья. Здесь в одиночестве, во мраке, полном ужасов, он вспомнил свою покинутую семью. Перед глазами встало родное село, весна, агукающая Фахира, пятнистая кошка. Вот Фахира, раскрыв объятия, бросается к нему. Гумри с ~~мольбой~~ зовет его:

— Иди к нам! Нам ничего не надо, даже хлеба! Ничего! Только вернись!

Шорох и сопение приближались. Гадир вздрогнул, очнулся. Вглядевшись во мрак, заметил приближающееся пятно. Вначале оно было похоже на движущуюся точку, которая, приближаясь, росла и увеличивалась. Уже явственно слышался шорох травы от шагов. Таинственное существо медленно прошло через пастбище и появилось у края дороги. Показалось, будто фигура была одета в бурку.

«Должно быть, это кто-либо из армян,—подумал Гадир,—очевидно, они хотят окружить меня. А может, они даже не замечают меня? Или, может, думают, что я сплю и хотят схватить меня живым?»

Чем ближе становилась загадочная фигура, тем сильнее билось у Гадира сердце; в голову лезли всякие страшные мысли.

В нем проснулось чувство самосохранения. Еще теснее прижавшись к земле, он положил палец на курок. Черная фигура была всего в двадцати шагах. Один прыжок, и она могла вцепиться Гадиру в горло. Он выстрелил.

Вылетевшая во мраке пуля свалила темную фигуру. Она рухнула, как гора. Что-то жалобно застонало. Хор лягушек в глубине оврага затих. Где-то залаяла собака. Раскаты выстрела затихли, в тумане запахло порохом.

Гадир был вне себя от волнения.

Раньше он не мог без содрогания видеть разрезанную курицу, а теперь убил этого великана? И так, он был уже убийцей? У него мутился рассудок. Он не помнил, когда разорвал ворот рубахи. Минуты три он не чувствовал ни жизни, ни смерти. Он словно горел в огне. Пот, струившийся по лицу и по спине, постепенно привел его в себя. Надо было кинуться к врагу, снять с него оружие.

«Должно быть, он не один» — подумал Гадир. — «Наверно, его товарищи притаились за кустами; они не уйдут, пока не отомстят».

Гадир продолжал лежать за камнем, крепко прижимая к себе берданку и держа ее наготове. Еще сильнее прилип к земле. Приклад ружья стукнулся о камень. Гадир вздрогнул.

Холод пронизывал его; казалось, вместе с холодным, горным воздухом в рот ему набивают снег.

Он захватил зубами воротник чохи, чтобы согреть себя дыханием. Холод усиливался. Казалось, совершенное им преступление и проклятие невинно убитого исторгали у горы глухие стоны.

Потом его охватила радость. Ведь он убил врага, он удостоится милостивого взгляда начальника! Завтра соберутся люди и будут смотреть на него и на убитого им! И этот дуралей — начальник опять будет болтать о нации.

Вслед за этим он почувствовал глубокое раскаяние. Кто научил его отнимать жизнь у тех,

кто жаждет жизни, уничтожать тех, кто борется за жизнь, орошать землю кровью, чтоб только жить самому?

Он почувствовал отвращение к себе.

Ему показалось, что руки его покрыты волчьей шерстью, а пальцы кончаются когтями тигра.

Он снял руку с курка, встал и, прислонившись головой к стволу ружья, забылся.

Очнувшись, он долго не мог понять, где он. Видения кошмарного сна еще витали перед его глазами. Холодный ветер освежил лицо. Чувствовалось приближение рассвета. Звезды бледнели и гасли. Кругом не было никого. Откуда-то с горы послышались стук копыт и фыркание лошади.

Снизу, из глубины оврага, донесся плач ребенка.

Эти звуки росли, увеличивались и, сливаясь, образовывали своеобразную музыку, музыку жизни. Это придало Гадиру бодрости. Он приблизился к мертвецу и ахнул: перед ним лежала убитая буйволица!

Безумная радость охватила его; хотелось кричать, смеяться...

И вдруг вспомнил, что с него потребуют возмещения убытков; сдерут с него кожу!

Гадира обуял страх, ему так захотелось иметь в эту минуту около себя друга, дальновидного и мудрого друга. Ему думалось, что такой друг, любящий его, плюнул бы и сказал: «так-то ты хотел

стать одним из первых людей в селе? Что ты болтаешься здесь?»

Но желанного друга не было.

Сев на камень, он укрепил лапти. Потом, ступая по кочкам вспаханной земли, спустился вниз и направился прямо к городу.

5. БЕШЕНЫЙ ГОРОД

1

Гадир увидел большое стечение народа, толпившегося на базаре. Была невообразимая толчея. Сапожники в передниках, босые продавцы папирос с ящиками подмышкой, бакалейщики с большими ложками в руках, городовые с винтовками, извозчики—все двигалось, шумело, волновалось.

Агабала, набожный мусульманин, потрясая длинной, огненно-красной бородой, кричал из задних рядов:

—Убейте проклятого! Надо упиться кровью врага ислама!

Кязум без одной ноги, ходивший на костылях, вышагивал зараз чуть ли не по пять метров. У него были длинные и пышные, настоящие генеральские усы. Голову его украшала огромная белая казачья папаха, служившая ему также и подушкой. Его знал весь город. Во время первого армяно-тюркского столкновения он отличился, разграбив и разрушив армянское селение Азад, за что от губернатора получил в награду одну па-

пиросу; в этом же бою он и потерял ногу. Одно время он пробавлялся по чайханэ, толкуя о падении духа ислама. Он страшно всем надоел. Владельцы чайханэ прозвали его «бесполезным клиентом».

Однажды, не зная, как выпроводить его, служитель чайханэ сказал ему:

— Пожалуйста, выйди, надо подмести чайханэ!

— Ничего, я построю здесь, а ты себе подметай.

— Нет, я не могу подметать, когда в комнате посетители.

Но, видя, что бесцеремонный клиент не уходит, служитель заорал:

— Это тебе не тенистый уголок под ивами!

И, вытолкав его на улицу, крепко запер двери.

Кровь бросилась в голову Кязуму.

— Я — защитник нации, я обратил в пепелище дома врагов ислама, а ты меня так бесчестишь?! — завопил он и так ударил костылем по оконным рамам крытой галереи, что разнес вдребезги все стекла.

Собрался народ; стали улюлюкать, стучать, бить в медные тарелки от весов, хлопать в ладоши и т. д. Подоспели городовые, засвистали, стали разгонять народ. Ошеломленный этим шумом Кязум налег на свои костыли и скрылся. С тех пор он пробавлялся тем, что на майдане перед цирюльнями и столовыми рассказывал сказки и кое-как перебивался на пожертвования слушателей.

Теперь, пробираясь через толпу, он шагал чуть не по головам людей.

— Пустите меня! Я покажу ему, гяуру...

Слова Кязума потерялись в массе ругательств и проклятий. Народ шел такой многолюдной толпой, как будто провожал покойника, шествующего в рай.

Детвора лезла на чинары, мужчины становились на арбы, чтобы лучше видеть. Толпа водила по городу какого-то армянина с привязанным к шее камнем; каждый проходивший считал своим священным долгом перед нацией плюнуть ему в лицо. Одноному Кязуму позволили плюнуть два раза: один раз потому, что он был не просто националист, а большой национальный герой, а второй — в отместку за потерянную ногу. Но он, не довольствуясь этим, так ударил пленника костылем по голове, что брызнувшая кровь попала в лицо Агабалы. Он вздрогнул и, отшатнувшись, воскликнул:

— Тьфу, проклятие!

Кровь залила лицо жертвы.

По адресу Кязума слышались одобрительные возгласы, многие удивились, что одним ударом палки он так разбил голову; но никто кроме Кязума не знал, что на кончик палки было насажено множество гвоздей.

Со всех улиц стекались новые группы людей, толчея увеличилась. Даже закрытые чадрой женщины, стоя на кровлях и у окон, посылали про-

клятие пленнику, бросали в него камни и кирпичи.

Когда Гадир вернулся в чайную, было далеко за полдень, но она была еще полна посетителей.

На стене, на видном месте, висел портрет Энвер-паши. Вокруг одного столика сидели несколько человек и о чем-то шептались.

Гадир стоял у окна. Вдруг откуда-то сзади слышался крик:

— Эй, мусульмане, не пускайте!..

Находившиеся в чайной бросились к окну кухни и сгрудились такой тесной толпой, что в комнате стало еще теснее. Глаза всех были с жадным любопытством устремлены в кухню.

— Не тронь!

— погоди, не убивай!

— Прикончь!

— Отойдите!..

Гадир находился впереди всех. Толпа из всех сил напирала на него, но он кое-как держался.

Кричавший был высокий красивый старик с седою бородой. Он был взят под подозрение, так как у него была длинная борода, и он по профессии был коробейник.

Кочи Кербалай Аббас-Али, держа наган наготове, кричал:

— Конечно, это еврей!

Страх смерти удесятеряет силы человека. Слабый, хилый старик, точно раненый воробей, кидался из стороны в сторону, плакал, умолял,

клялся богом, пророком, произносил арабские слова молитвы.

— Братья, мусульмане, я — шиит толка Али¹. Клянусь Меккой и Мединой, я — мусульманин!..

Но свирепые представители нации и поклонники Али с глазами, налитыми кровью, не верили ему. Чтобы заставить толпу отступить, Кербалай Аббас-Али выстрелил два раза в потолок кухни. Посыпалась штукатурка. Толпа, как стадо овец, завидевших волка, шарахнулась в сторону и бросилась бежать; затрещали ворота, арабчики хлестнули лошадей, чья-то корзина попала под колеса и разлетелась в щепки.

Кербалай Аббас-Али приставил наган к самому рту жертвы.

— Стой! — закричал мясник Гасан, бросаясь между ними. — Вы убедитесь сейчас, что они еврей!

Коробейнику спустили брюки. Кто-то воскликнул:

— Да ведь это наш, мусульманин!..

Кербалай Аббас-Али опустил револьвер и прищурился.

— Фьюить! — свистнул кузнец Абдулла. — Ты кого надуваешь, Гасан? У евреев тоже делают обрезание; что из этого?

Испугавшись, что в суматохе могут прикончить и его самого, мясник Гасан поспешил скрыться в толпе.

¹ Али — четвертый халиф, глава шиитов.

— Остановитесь, мусульмане!—крикнул кузнец Абдулла, подняв руку.—Ради Хазрат-Аббаса¹ подождите!..

Все, даже несчастная, распростертая на полу, с печатью смерти на лице, жертва, посмотрели на него.

Кузнец подошел к нему, нагнулся и, упершись руками в колена, спросил:

— Ты мусульманин?

Искра надежды блеснула на лице спрошенного.

— Конечно, брат мой! Я—шиит, приверженец Али, шиит!..

— В таком случае, скажи, сколько у кошки ног? Ну-ка, скажи?

Все остолбенели, пораженные неожиданностью и загадочностью его вопроса.

Кочи поставили ружья на землю; минуту царило полное молчание. Потом снова зашумели голоса:

— Отвечай же!

— Говори, сколько у кошки ног?

Подняв вверх руки, мужчина жалким, дрожащим голосом прошептал:

— Кошка...

— Ну, скажи же, сколько ног у кошки?—воскликнули все хором.

— У кошки, у кошки... две ноги спереди...

Кербалай Аббас-Али рассвирепел. Ударив его

кулаком в грудь, он разразился руганью. Тогда тот произнес громче:

— У кошки две ноги спереди, две... сзади.

— Всего, всего сколько?

— Две с правой стороны, две слева...

— Скажи, сколько всего, не то убью!

Кербалай Аббас-Али стал заряжать наган. Допрашиваемый поднял четыре пальца, желая сказать, что у кошки четыре ноги.

— Языком говори, если не хочешь сейчас же погибнуть!—крикнул кузнец.

Кербалай Аббас-Али стал целиться:

— Я стреляю!

Заслоняясь двумя руками, жертва с трудом выдавила:

— У кошки... у кошки ног... четыре!

— Ага, видите!—воскликнул со злорадством Кербалай Аббас-Али.

И в то же время раздался выстрел; коробейник дернулся и затих. Из рта хлынула кровь и потекла по земле, образовав большой вопросительный знак.

2

Гадиру стало дурно. Он не мог стоять на ногах. Кое-как дотащился до стула и упал. В висках стучала кровь, в глазах темнело; прислонив голову к холодной стене, погрузился в мрачные думы. Перед его глазами предстала семья—голодная,

¹ По-азербайджански четыре—„дорт“ евреи произносят не совсем четко—„дюрт“.

¹ Один из наиболее чтимых шиитами имамов.

голая. У него же не было ни денег, ни возможности помочь ей. Как вернуться в деревню с пустыми руками!

В конце площади он опять завидел толпу. Подумал, может быть, вора поймали или умер кто-нибудь? Направился туда. Оказалось, ни то, ни другое. Около оружейных мастерских был открыт новый рынок для торговли оружием. Здесь чинили ружья и револьверы, проверяли их бой, считали патроны. Продавец, чтобы обмануть покупателя, стрелял; покупатель, чтобы обмануть продавца, также стрелял, оба нисколько не беспокоясь о прохожих.

Народу было так много потому, что это был день открытия оружейного базара. Приехал и губернатор со своей свитой.

Сидя на лошади и поглаживая закрученные усы, он обратился к народу с такой речью:

— Господа мусульмане!

Один из полицейских вытянул руку с плеткой и крикнул на беспорядочно галдевшую и двигавшуюся толпу:

— Эй, вы там, потише!

Толпа мгновенно стихла. Люди сбились в тесную кучу, как стадо овец. Взгляды всех впились в лицо губернатора.

— Господа мусульмане! Как и «предполагалось»¹, это для нашей нации в некотором роде

¹ Все слова в кавычках губернатор произносил по-русски.

«достижение».—Здесь можно купить всякого рода ружья, револьверы, патроны. Правительство ислама издало «приказ», что каждый гражданин может покупать оружие. Много ружей попало в наши руки от русских «эшелонов»... «Известно», какой был угнетатель Николай; он не разрешал мусульманам иметь оружие; не «доверял» нам, не брал наших сыновей в солдаты. Если, скажем, почему-либо сосед поссорился с соседом, «предположим», Сафар-Али с Гурбан-Али, то им приходилось действовать лопатой или кнутом.

На лице губернатора появилась улыбка; он взглянул на городских. Те зашевелились и поспешили громко засмеяться. Их хриплые голоса напоминали хлопанье наседок.

Губернатор продолжал:

— «Смешно!» «Неужели» крестьяне не должны носить оружие? А еще считаем себя потомками Теймура и Чингиз-хана. Мы сотрем с лица земли гяуров-врагов. Теперь у нас есть оружие; кто желает, пусть придет, возьмет разрешение и купит себе оружие. Мы знаем, кому дать, но только с «условием», высоко держать знамя ислама. «Так что» ваш «губернатор» очень рад, что сегодня у вас открылся оружейный базар...

3

В чайханэ у Гадира украли вещи и ружье. Чайчи полагал, что их украли сельчане, которых уж и след простыл. И остался Гадир ни с чем. По поводу кражи произвели дознание, учинили до-

прос, но все попусту. Гадир был убежден, что кражу совершил сам чайчи, но, не имея доказательств, молчал.

Выйдя из чайханэ, он пошел, куда глаза глядят. Силясь забыть про голод и не дать другим заметить, что он расстроен.

Лихорадка, голод, усталость, беготня в полицию вконец измучили Гадира.

Базар был полон всяких товаров; здесь можно было достать все, что угодно. При виде массы вкусных яств и фруктов у Гадира потекли слюны.

Он вошел в чайханэ, где его не знали. Встретили довольно любезно.

— Что прикажете подать?

— Чаю, сыру и хлеба, да побольше.

Наевшись досыта, Гадир заказал чаю в прикуску. Ковыряя в зубах и уставившись на крепкий чай, он раздумывал, как бы уклониться от платежа. Подумал было заплатить шерстяными чулками, но решил, что за это вернее всего выругают и прогонят его.

Вдруг его точно осенило. Он нагнулся, посмотрел в окно, будто заметил кого-то, потом вскочил и выбежал, крича:

— Эй, Гумбет, Гумбет, стой! Послушай!

И, притворяясь, что хочет догнать приятеля, смешался с толпой.

Солнце заходило, тени удлинялись. Гадир бесцельно шатался по улицам, не зная, куда пойти.

что делать. Он знал одно, что в таких городах всё зависит только от состояния кармана. Ни врачей, ни лекарства против болезни безденежья не существует.

Гадир свернул в сторону и сел у стены. Стал снимать чулки. Не для того, чтобы совершить омовение, а продать их ради куска хлеба. Перед глазами встала Гумри; он видел ее пальцы, проворно вязавшие петли. Она сама вымыла шерсть для чулок, выкрасила гранатовой коркой и села вязать с именем Гадира на устах.

6. Ж А Ж Д А

«Нежные, как шамам, точно из мрамора выточенные, атласные груди!»

Бибир-бек не мог забыть ту дождливую грозовую ночь, когда он стоял у окна Гумри. Он старался еще раз представить себе соблазнительное зрелище, виденное тогда, чтобы, хоть вспоминая, почувствовать себя счастливым. Страсть сжигала его. Хотя негодование и решительная неуступчивость Гумри огорчали его, но влечение к ней с каждым днем становилось все сильнее и пламеннее.

— Убирайся вон, чудовище, не то я так крикну, что соберется весь свет!

Эти слова бек слышал у порога дома Гумри вчера вечером, но они до сих пор еще звучали в его ушах и точно камнем били его по голове. Что же было ему делать, если ни оскорбления, ни угрозы, ни даже, пожалуй, пуля не могли заставить его забыть «нежные, как шамам, точно из мрамора выточенные груди?»

Он грыз длинные колючие усы, хмурился, точно его кололи иглой, и, насупившись, устрем-

лял взор в одну точку, подперев рукою щеку (это была его обычная поза, когда он задумывался).

— В сущности влюбленный должен терпеть мучения,—думал он, вспоминая слова старого поэта Физули:

«Сколько бы ни мучила меня возлюбленная, мне все же отрадно!

Недаром плачут влюбленные, вызывая: «О, любовь! О, любовь!»

Если не будешь терпеть страданий, то, достигнув цели, не почувствуешь наслаждения. Это не подать, чтобы взвалить на плечи Гумри и заставить ее понести. Здесь, как говорится, надо потихонечку, помаленечку...

В этот день он и в канцелярию не пошел. Позвал к себе Бездельника.

— Знаешь, в чем дело, Бездельник?

— Знаю; есть бог и его помощники.

— Кто это?

— Пока что—бек!

Бибир-беку это польстило.

— Ах ты, дурная голова! Будь я богом, разве горе точило бы мое сердце?

— Не дай бог, что ты говоришь! Если умрешь, кто будет о нас заботиться...

Бибир-бек слегка ударил его по носу концом трубки и прервал на полслова.

— Послушай, что я тебе скажу.

Он выглянул из окна во двор. Около тендира сидела Кысса-ханум и следила за выпечкой хлеба.

Бебир-бек стал говорить тише. Его голос походил на шипящий звук, выходящий из горлышка бурдюка.

— Не разевай пасть, точно акула! Если услышу, что ты проговорился, кончено твое дело! Шкуру с тебя сдеру!

— Что ты, бек!—стал уверять Бездельник.— Разве я такой подлец! Я у вас во дворе, сам ведь знаешь...

После такого вступления Бебир-бек закинул ногу за ногу и, наклонившись к Бездельнику, спросил:

— Что нам делать с этой Гумри? Сукина дочь, строит из себя такую недотрогу, что просто не подступиться.

— Эх, бек, это—в характере женщины. Породистую лошадь трудно оседлать. Но ты не церемонься, схвати, скрути и все тут...

— Я у тебя совета спрашиваю, хоть ты и слуга, а ты что за вздор городишь, глупец? Поди, позови Чепель.

Чепель-Саялы была женщина, прошедшая сквозь огонь, воду и медные трубы. Она умела распутывать самые сложные дела, произносить заклинания и ворожить. Она заранее знала, кто на ком женится, какая женщина собирается разводиться и за кого думает выйти замуж.

Все, попавшие в затруднительное положение, или запутавшиеся в обстоятельствах, приходили к ней за помощью. Говорили, что у нее есть тем-

ная комната, куда она никого не впускает и где держит джиннов.

Известность Саялы простиралась от линии железной дороги до берега Куры.

Вот почему ее прозвали «Чепель». Ни один молла не писал без нее заговора; ни одна гадалка не гадала без нее. Бездетные или подверженные болезням женщины получали исцеление от Чепель.

У нее можно было достать любые целебные снадобья, например: верблюжий помет, шерсть черной кошки, шкуру ежа, печень черепахи, воду весеннего дождя, двойной миндаль, мозги голубя, волчий жир... Не каждому доверяла она эти «лекарства»; знала, кому можно дать.

Были люди, которых Чепель-Саялы даже близко к себе не допускала.

— Иди, иди, сынок, у меня нет для тебя лекарства!—говорила она.

Обыкновенные недуги она излечивала во мгновение ока. Многие молодые женщины говорили ей:

— Тетя Саялы, аллах дал тебе священную благодать. Клянусь матерью, я всем обязана тебе. Я ненавидела своего мужа, а теперь, слава аллаху, живу себе припеваючи. Что-же делать! Он тоже богом создан; в состоянии заработать кусок хлеба!..

— Ах, милая! Если девушку предоставить самой себе, она выйдет замуж или за зурначи или

за ашуга. Я же устраиваю вашу жизнь, и добро, которое я вам делаю, уменьшает мои грехи.

Сев рядом с Чепель-Саялы, Бебир-бек начал длительные переговоры. С трудом удалось ему уговорить ее устроить его дело за одну шалевую чадру и отрез лезгинской шали для ее сына.

— Я уступаю тебе только потому, что ты старшина, а то какая сукина дочь возьмется за такое трудное дело?

Бебир-бек очень обрадовался. Но поставил следующее условие: Чепель должна была сделать так, чтобы Гумри влюбилась в бека и сама бросилась ему в объятия. Ребенка же должна была оставить мужу.

Искушенная в этих делах Чепель твердо обещала уладить дело.

— Недаром меня называют «Чепель». Сиди себе спокойно дома и жди. В сердце Гумри я зажгу такой огонь, что она, сжигаемая им, сама придет к тебе. Твоими поцелуями она потушит пожирающее ее сердце пламя. Когда она станет лизать тебя, точно ты мед, тогда ты убедишься, каково искусство тетки Саялы!

Эта речь очень понравилась Бебир-беку. В порыве радости он опустил руку в карман и, вынув синенькую, вложил в ладонь Чепель.

— Пусть это поможет твоим силам, тетка Саялы! Считаю, что я мертв, и оживи меня!

День клонился к закату. Шум и гам во дворах усилились. Женщины возились под навесами. Одни подавали жнецам айран, другие доили коров, третьи, присев у пустой скатерти, грустно смотрели в одну точку.

Гумри смолотила собранные на сжатой ниве пшеничные колосья, очистила и получила чашку зерна, которую и поставила на огонь. Фахира копалась в земле, собираясь кушать ее.

Взяв девочку на руки и стряхнув с ее пальцев глину, Гумри стала кормить ее. Вдруг скрипнула дверь, и в комнату с трудом пролезла Чепель (она была очень широка в бедрах).

При виде Чепель у Гумри екнуло сердце.

«В недобрый час принесло ее. Храни нас, алах!» — подумала она.

— Саламджан-элейким, дочка! Как себя чувствуешь? Не болеешь ли? Как управляешься? Ребенок здоров? Настроение хорошее, да? — так и сыпала Чепель. — Хорошо ли чувствуешь себя? Каково настроение? Здорова ли?

Чепель остановилась. Взглянула сурово, потом хлопнула себя ладонями по коленям и, переменив тон, воскликнула:

— Ах, пепел на мою голову! Ах, да буду я вашей жертвой! Вы посмотрите, нет, вы посмотрите, что она, бедняжка, ест, — лук и хлеб! О горе! Везде столько фруктов, а ты что ешь?

И с этими словами старуха села.

— Ты не виновата. Лучше умереть, чем жить сиротой. Если б был жив твой отец... да что говорить!.. Ты, подобная луне, чего ради ты вышла за этого голыша? Из-за тебя у игитов... Присмотри за ребенком, упадет... Так я говорю, у игитов так болело сердце, что они с радостью жизнь отдали бы за тебя. Ох, несправедливый мир! Кривая Кысса—жена бека, и зовут ее госпожой Кысса, а такие, как Гумри, достаются батракам! Киш... Киш!.. — прервала она себя, отгоняя кур, потом продолжала трещать: —... достаются батракам и вынуждены жевать лук. Ну, разве это жизнь! Ты же совсем извелась, так истаяла, что можешь в игольное ушко войти... Несчастливая!..

Она говорила так же торопливо, как голодная курица клюет зерна. Не давала Гумри даже рта раскрыть. Разговаривая, в то же время ерзала, переходила с места на место, шарила глазами по всей избе.

— Как-то шла я по улице, заглянула в окно; вижу—эта кривая Кысса, эта мерзкая Кысса, точно скисшее тесто, расплылась и сидит. Перед ней служанки и слуги суетятся, а на скатерти чего только нет! Даже аллах бы позавидовал! Какие сливки, какое масло, чай в накладку! Белого хлеба с маслом уже не ест, говорит.—противно!

— Так уж создан свет, тетя Саялы: у одного всего в избытке, а у другого ничего нет.

— Нет, дочка, это к мужчинам относится,—возразила Саялы.—А женщина—что медовая пчела:

садится на один цветок, потом перелетает на другой. Ты только не огорчайся! Ни у кого свет не горит до утра¹. Потухнет свет и у Кыссы!..

Чепель понизила голос и наклонилась к самому уху Гумри; от нее пахло, как от долго лежавшего в сыром подвале замшелого кувшина.

— Дай муштулуг! — шепнула она.

— А что случилось?

— Дай муштулуг!

— Дай бог, чтобы с хорошими вестями, тетя Саялы! Очень беспокоюсь я. Сколько времени, как он уехал, а все никаких вестей. Время тревожное, не знаю, что с ним случилось. Ребенок тоже вспоминает его, плачет.

Чепель пренебрежительно махнула рукой.

— Ах, брось, пожалуйста! Что ты нашла в этом голыше—Гадире? Я другую приятную весть хочу сообщить тебе. Еще никто не знает. Дай же муштулуг. Я скажу тебе кое о ком, кто получше Гадира! Дай муштулуг!

Гумри молчала. Чепель, кряхтя, встала с места, кинула взгляд на окно и дверь и тихо признесла:

— Счастливица ты! Только между нами! Знаешь ли, какое счастье тебе привалило?

При этом Чепель слегка ущипнула Гумри за щечку и хотела погладить ее косы, но Гумри, которая все еще ничего не понимала, отстранилась. Чепель, ковыляя и переваливаясь, под села к ней еще ближе и продолжала:

¹ То есть счастье недолговечно.

—Счастье улыбнулось тебе. Но смотри, никому ни слова! Бебир-бек влюбился в тебя. Он умирает от любви к тебе, ах, ты, счастливица! Дожила ты до светлых дней!.. Дай бог нам хоть часть твоего счастья!

Гумри смутилась, густо покраснела, потом побледнела. Закусив губу, отошла в сторону; некоторое время стояла молча, опустив глаза. Потом во взгляде ее блеснула необычайная твердость. Было видно, что она приняла серьезное решение, которое приведет в исполнение, чего бы это ей ни стоило!

—Это не новость,—заговорила она после недолгого молчания,—ты малость опоздала. Только бек сильно ошибается, и ты вместе с ним. В чем дело? Разве у меня нет мужа? Что же из того, что он беден? Я тоже дочь бедняка! Я не променяю его ногтя на сто таких собак, как бек. Пусть пойдет, обманет эту кумушку Сакину, или эту курицу Месме. Разве у бедняка нет чести?

Гумри говорила возбужденно; с каждым словом горячилась все сильнее, слова, как раскаленные угли, вылетали из ее уст.

Высказав все, она встала и принялась убирать и подметать комнату. Это было равносильно тому, что она выгоняла Чепель-Саялы.

Та хорошо понимала это, но виду не подавала. Она не ожидала такого ответа от этой кроткой на вид, скромной жены бедняка; но сдержалась и с видом терпеливой матери продолжала:

—Замолчи, замолчи! Позор на голову того мужчины, который не в состоянии добыть для своей семьи даже кусок черствого хлеба! Ты молодая, многого не понимаешь и болтаешь попусту. Чего ради ты живешь с ним—голодная, голая, в темной избе? Бросив тебя одну, он, небось, гуляет в горах и по садам! Кто знает, с какой армяночкой развлекается он там. Неужели тебе не жалко губить свою молодую жизнь?

Чепель повысила голос:

—Да буду я жертвой того, кто установил шариат! «Кябин уступаю—считаю себя свободной!» Как говорится: «Я вышла замуж ради жизни сладкой, а не для лишений и страданий!»—Дочка моя, воспользуйся случаем, раз счастье улыбнулось тебе, не то потом будешь жалеть. Я, любя тебя, говорю.

Последних слов Гумри не слыхала, так как вышла во двор. Когда она вернулась, Саялы все еще продолжала трещать. Сурово посмотрев ей в глаза, Гумри сказала:

—По годам ты мне в матери годишься: пришла ко мне в гости—милости просим. Но если ты явилась за таким делом, если ты намерена оскорблять меня подобными предложениями, то да будет тебе стыдно! Подло поступает и бек, и те из его прихлебателей, которые болтают обо мне.

¹ По шариату так говорит желающая развестись женщина, отказываясь от суммы, которую по брачному акту муж обязался уплатить жене в случае развода.

Откройте свои уши—услышите: пусть он оставит меня в покое, понятно? Или он считает меня беззащитной и хочет воспользоваться отсутствием моего мужа? Нет, нет! Не бывать этому!

Гумри замолчала; Чепель подняла руку, точно хотела что-то сказать, но Гумри не дала ей говорить.

— Отправляйся, откуда пришла! Ты женщина в годах, побереги свое достоинство, а то я не посмотрю на то—большой он человек или маленький!

«Не видать мне ни чадры, ни лезгинской шали!»—думала Чепель, слушая эти речи.

Вернувшись домой, впала в сильное раздумье. Проверила все заговоры, которые были при ней. Наступила ночь, а она все не ложилась, глядела на звезды, творила закличание, внимательно всматриваясь в Млечный путь.

Когда вся деревня засыпала, Саялы чувствовала в ногах силу упыря, обретала вдруг прозорливость и остроту чувств. Этой ночью она ходила между домами Бебир-бека и Гумри, словно протягивая сложную основу для тканья. Сожгла кошачью шерсть и развеяла по ветру. Забросила в дом Гумри щепку от метлы. Но ее талисман и зелья действовали плохо. Повидимому, ни один из духов не соглашался помочь ей в этом деле, так как Гумри попрежнему упорствовала. Неудачу своих махинаций Чепель приписывала тому, что Бебир-бек—недостаточно верующий человек.

Бебир-бек поспешил совершить намаз и даже пожелал записать свои сердечные чувства на стих корана и запись забросить в мечеть.

Чепель все еще не отказывалась от своего намерения, хотя все ее попытки продолжали оставаться тщетными.

Когда Бебир-бек спрашивал ее, как подвигается дело, она отвечала:

— Все зависит от тебя, бек! Если ты очистишь свое сердце, сегодня же можно все уладить. И еще вот что: ребенок у нее, ребенок! Это плохо. Любовь Гумри передалась ребенку. Гумри бросила ребенка к ногам джинов, а те жалеют малютку, не подходят.

3

Чепель сошла со сцены. Тогда начал действовать молла с повязанной губой. Настоящее его имя было—Молла-Мирза-Мохаммед. Нижняя губа у него была прокушена девушкой, пытавшейся защититься от его нежностей. От укуса образовалась рана, получился нарыв. В течение двух месяцев он не мог совершать религиозные обряды. С тех пор молла закрывал заживающую рану крошечной кукольной подушечкой и перевязывал губу белым платком, за что в народе его прозвали «Молла с повязкой». Настоящим же именем—Молла-Мирза-Мохаммед—его называли лишь родные и близкие.

Ему и поведал свое горе Бебир-бек.

— Ты тоже, ахунд, испытал немало горя. Помоги же мне.

И обещал, в случае удачи, подарить ему гнедую лошадь. А молле лошадь, пусть, и не гнедая, была очень и очень нужна: ведь он обслуживал четыре села. В дни траурного месяца Магеррама, когда он пел марсие, не успевали высохнуть слезы верующих в одном доме, как уже начинали плакать в другом. Пение марсие так потрясало слушателей, что они предоставляли ему лошадь для поездок и обеспечивали ему питание.

Но он страстно хотел иметь собственную лошадь; ведь он тоже человек, у него тоже есть потребности, он мечтал о том, чтобы, подгоняя собственного коня плеткой, подыматься на зеленые горы, скакать по дороге, сопровождая кочевников, а иногда поохотиться. «попользоваться дарами природы».

Молла верил обещанию бека. Воодушевленный надеждой заработать лошадь, он явился к Гумри преподать ей урок шариата.

Покашливая (ввиде предупреждения), вошел в лачугу Гумри. С порога спросил:

— Кхэ, кхэ... Дома Гумри-ханум?

Гумри не дала ему присесть.

— Чтоб шариат поразил тебя в спину! Чего ты шляешься по домам, где нет мужчин? Проваливай к чорту!

Она говорила громко, как бы желая учинить скандал.

— Постой, погоди, — старался успокоить ее молла, — послушай, что я хочу сказать тебе. Ведь я ради твоей же пользы пришел...

Он не успел досказать. Гумри схватила железный совок для сора и такхватила его по боку, что молла ахнул. Не помня себя от страха, потеряв в бегстве один башмак, он поспешил выбраться из дома крича:

— Божье проклятье на тебя, окающая Айша!

Куры начали клевать башмак и вытащили его на двор. Потом его схватила собака соседа и выбежала с ним на улицу, точно хотела вернуть его хозяину, которого и след простыл.

В полдень, спасаясь от жары, все попряталось в тени деревьев. Башмак продолжал лежать на солнцепеке.

История с башмаком стала «притчей во языцех». Все село судачило о нем и смеялось.

Завидев моллу, жители окликали его:

— Дядя молла, почему башмаки у тебя непарные?

Всюду только и было слышно, что:

— Слыхали новость? Молла то, оказывается, покушался на честь жены Гадира!

Многие поражались, слыша это. Иные благочестивые люди не хотели верить, другие же не придавали этим словам особого значения, говоря:

— Знаем этого старого развратника!

¹ Жена Магомета; по мнению шиитов, она была легкомысленна.

— Вот бессовестный! Не молла, а настоящий банщик! Молитву арабскую так тянет, что просто уши вянут.

— Разве не эта арабская молитва—причина наших несчастий?

Этим, однако, дело не кончилось. Число его прихожан значительно уменьшилось. А сирота Акпер, взгромоздившись на забор и грозя пальцем в сторону моллы, кричал:

— Теперь ни один собачий сын не позовет тебя хоронить покойника!

Все эти разговоры сильно подействовали на моллу; он выглядел настоящей мокрой курицей. Ах, как он раскаивался, что из-за лошади пошел на это дело! Встречая близких и знакомых, он отводил их в сторону и начинал им рассказывать «суть дела»; клялся, божился, что ходил к Гумри по поручению Бебир-бека.

— Да покарает его аллах! Ведь он старшина. Как его ослушаешься? Видно, уж так было суждено!

Положение моллы было очень тяжелое. Чепель-Саялы, та хоть вышла из этой истории невинной, а этот молла не имел даже такой удачи. История с башмаком стала для него вопросом жизни или смерти. Боясь гнева Бебир-бека, он не смел выступить на народе и при всех сказать в свое оправдание.

— «Люди добрые! Я ходил к Гумри по поручению старшины. Да покарает меня меч святого

Али, если я польстился на чужую жену! Почему вы не верите мне?...»

Он не смел сказать этого вслух; поэтому, если где-нибудь ему случалось видеть нескольких человек вместе, он опускал голову и, неловко поклонившись, молча проходил дальше.

4

Объяснения, которые молла нашепывал своим друзьям, переходили из уст в уста. Дошли они и до слуха Кыссы-ханум. Сперва она не поверила им; как стояла с котелком в руке, так и застыла от удивления. Известие это поразило ее в самое сердце. Накинув чадру, она поспешила к Гумри.

Вечерело. У ворот никого не было. Отозвав Гумри к навесу около тутового дерева, она стала заклинять ее сказать правду. Узнав все подробности, вернулась обратно. Не прошло и получаса, как в центре села, на балконе красивого кирпичного дома разыгрался чудовищный скандал.

Кысса-ханум происходила из бекской семьи Багманляр. Уже двадцать пять лет, как она была полновластной хозяйкой в доме Бебир-бека. Хотя она и затевала иногда ссоры с Бебир-беком из-за его любовных походов в городе и в отдаленных деревнях, но особенного значения им не придавала, так как все это происходило не здесь, а где-то в другом месте, и она не видела этих грешков бека.

Но теперь было похоже на то, что бек серьезно задумал жениться и посадить на шею Кыссы-ханум какую-то деревенскую бабу.

При одной мысли об этом глаза Кыссы-ханум начинали бешено сверкать, и сердце готово было лопнуть от злости.

Перед ее мысленным взором еще раз прошли двадцать пять лет ее господства в этом доме. Лицо ее стало мрачно, как у человека, решившегося на самоубийство. Охваченная потребностью облегчить душу, готовая, как фарфоровую чашу, разбить все: и дом, и потомство, и счастливую семейную жизнь, она вышла на балкон. Было уже темно. Она села и, положив руки на колени, закрыв глаза и открыв рот, начала вопить, как обиженный ребенок.

— Ва-а-ай! Несчастлиная я! Все меня бросили! Кто мне поможет? Ва-а-ай!..

Прислуга растерялась. Еще никогда не случилось слышать им такие дикие вопли, тем более от Кыссы-ханум. Один лишь раз причитала так истощенно и рвала на себе волосы мать Ага-Киши у смертного одра своего сына.

Голос Кыссы вызвал на дворе переполох: испуганные лошади заржали, утки загоготали и разлетелись по всему двору; на шум сбежался кто-кто из соседей; даже жнецы, только что вернувшиеся с поля и ужинавшие под навесом, оторвались от еды и полезли на заборы.

С балкона бека доносился шум и гам, но в темноте ничего нельзя было разглядеть.

Кысса-ханум, без чадры, лежала на балконе, бесчувственная, как бревно. Подоспевшие соседи решили, что ее ужалила змея. Принесли лампу, осмотрели ее всю, но ничего не обнаружили. Тогда принялись растирать ей виски, брызгать водой, массировать ноги, руки; давали нюхать дым, словом всячески старались привести ее в чувство.

Бек стоял в изумлении.

— Что с ней случилось?

Кысса-ханум давно пришла в себя, но из злобы на бека, не открывала глаз, притворяясь мертвой.

Ее подняли и перенесли на постель.

Дети плакали, слуга, делая вид, что собирается заплакать, держал платок у своего рта.

Бек в душе радовался, думая: «Наконец-то избавлюсь от нее!» и, чтобы его надежды оправдались, дал в душе обет зарезать барана и раздать жертву бедным.

Заметив, однако, что на него смотрят, он скривил лицо, стараясь казаться убитым горем, потом поднес к глазам платок и, откликаясь на плач детей, громко зарыдал:

— Охо-охо-охо...

7. ВЕСТЬ

В этом году, опасаясь беспорядков и всяких неожиданностей, многие не поехали на кочевки. Только те, которые были хорошо вооружены и имели вооруженную охрану, могли рискнуть на эту поездку.

В начале лета Бебир-бек решил отправить семью в горы. Чтобы задобрить Кыссу, он подъехал к ней с такой речью:

— Душечка, ты изведешься здесь от жары. Дай, я отвезу вас в горы и оставлю при вас охрану. Семьи Салман-бека и Аслан-бека тоже там. Сам я не могу оставить село на произвол судьбы; но тебе и детям незачем оставаться здесь и мучиться в эту жару.

Если бы подобное предложение он сделал Кыссе в другое время, она, конечно, согласилась бы. Но теперь, понимая, что переживает Бебир-бек, она не сомневалась, что он остается здесь ради Гумри, чтобы заставить ее бросить мужа и выйти за него. Вот почему он хочет сплавить семью!

— Нет уж, извини! К чорту! Пускай все погибнет: и село и дети! Если хочешь ехать в горы, собери всех и отвези. А если не едешь сам, так молчи и сиди на месте.

Отлично зная характер Кыссы, бек понимал, что, если он будет настаивать, то ему придется выслушать кое-что и похуже этого...

К вечеру с кочевки вернулись несколько человек верховых. Как всегда, они привезли новости.

Бек велел разостлать на балконе ковер; все уселись и принялись за шашлык; покончив с ним, полакомились дыней, все время услаждая себя приятной беседой.

По словам приехавших, армяне были окончательно разгромлены. Было убито бесчисленное множество людей. Черный Аслан также погиб. Тело его нашли уже разложившимся.

— А сколько награбили вещей!.. Клянусь твоей головой, бек, я видел такие дома, что перед ними дом Насреддин-шаха — ничто! А шелковые платья, а постели!.. Короче, все, кто участвовал в походе, вернулись домой, нагруженные добром. Офицеры брали вещи, которые поценнее и полегче. Нам же было все равно. Мы хватали все, что попадало под руку. Я привез детям и жене на платье. Три дня грабили в захваченной деревне. Я видел нищих, которые удирали с никелированными самоварами на плечах. А какие там прелестные девушки! Благодаря родниковой воде, они розовы, как яблочко!..

Слушая Машади-Джангира, Бебир-бек пытался трубить и жмурился. Упоминание о хороших девушках совсем взволновало его; ему представилась Гумри во всей своей красе.

Машади-Джангир вдруг приподнялся на локте и стал рассказывать интересную историю, которую только что вспомнил.

— Когда село было взято, и перестрелка прекратилась, мы бросились грабить дома. Кое-где еще слышались одиночные выстрелы. Все старались захватить дома побогаче. Я взял в одном доме граммофон и уже уходил, когда услышал за собой женский голос:

— Братец, если ты мусульманин, возьми и меня с собой!

Я оглянулся и увидел женщину с растрепанными волосами, с полным широким лицом. В то время, как все удирали от нас, она спускалась по лестнице, направляясь ко мне.

— Я мусульманка,— сказала она,— меня взяли в плен три месяца тому назад...

Я всмотрелся в нее. И вдруг подумал о Гамбаре из Авазы. Ты слышал, что его жена исчезла в горах? Спросил, как ее зовут. Оказалось, я не ошибся, это, действительно, была жена Гамбара. Мы с товарищем переглянулись.

Женщина кинулась мне в ноги, начала умолять взять ее. Я поднял ее, хотел везти с собой. Но тут товарищ шепнул мне на ухо:

— Что ты, одумайся! Не станешь же ты брать с собой женщину, которая ходила по рукам?!

Я вспомнил, что ее касалась рука гяура. Кровь бросилась мне в голову. Я перестал владеть собой и уж не помню, как изрубил ее на куски!..

Эти рассказы, несмотря на то, что они были свежи и интересны, не занимали Бебир-бека. Он слушал рассеянно. Убаюканный шумом кипящего самовара, он унесся в свои думы.

Продолжая рассказывать об убийствах и грабежах, Машади-Джангир иногда похлопывал себя по коленям, и тогда Бебир-бек вздрагивал и, очнувшись, начинал ругать армян, желая показать, что слушает рассказчика со вниманием.

Машади-Джангиру было известно отношение бека к Гумри, но он не показывал вида, что знает о них. Сейчас он собирался сообщить беку самую приятную для последнего весть. Устроившись поудобнее, он начал с воодушевлением:

— А твой батрак ведь приказал долго жить! Армяне убили его!

— Хм... Да... дела мирские!..

Было ясно, что бек не понял.

И, чтобы разбудить его, Машади-Джангир воскликнул:

— Что за «хм, хм?» О каких мирских делах ты говоришь?

— Да о всяких, вот странно...

— Да понял ли ты, что я сказал?

— А что ты сказал? Разве не о мусульманском деле ты говорил?

— Слушай же меня хорошенько: Гадира убили!

Бебир-бек нахмурился. Перегнулся к Джангиру. Выронил трубку.

— Что-о?..

— Гадир!.. Гадир приказал долго жить!..

Черное, рябое лицо бека озарилось улыбкой. Еще ближе глядя в лицо Машади-Джангира, он прошептал:

— Гадир? Муж нашей Гумри?

— Он самый, муж Гумри!..

Последние слова Машади-Джангир произнес особенным тоном: «Муж Гум-ри!»

— Гадира?

— Гадира!

— Убили?

— Прикончили!

— Гяуры?

— Гяуры-кумовья¹!

— В горах?

— Нет, на дороге. В овраге «Чырчыл» мы задержали трех армян; в их карманах оказался паспорт Гадира; видимо, напали, когда он ехал в горы, убили и обобрали... Не бойся, я не оставил его кровь неотомщенной: наместо одного мы с троих сняли шкуру!..

¹ Обычно мусульмане, говоря про армян, называли их «кирве», т. е. кум.

Рассказывая, Машади-Джангир что-то искал в кармане под патронташом; потом вытащил из-за голенища бумажку с пятнами крови и бросил ее перед беком. Паспорт напоминал могильный камень; написанное стерлось, невозможно было прочесть.

Взяв паспорт в руки, бек почувствовал какой-то непонятный страх. Пропитанные кровью листки стали тверды, как картон. Казалось, когти смерти оставили свой отпечаток на затуманенном лице Гадира.

Через минуту прилив радости сменил страх.

Вскочив с места, бек принес Машади-Джангир тарелку отборного винограда:

— Прислали в подарок дочери Багманляра. Кому же есть его, как не такому дорогому гостю, как ты! Кушай на здоровье!

В дверь постучали. С трудом переводя дух, вошел Гамбар. Подал руку Машади-Джангир и поспешно поделовал его в лоб.

— Теперь я буду спать спокойно!— начал он.— Ты расправился с сукиной дочерью как следует! Хвала твоим рукам!.. Ты точно подарил мне весь свет!— И, не дожидаясь ответа, повернулся к беку:— видишь, видишь бек! Я говорил тебе, что не оставляю так, не позволю чтобы моя жена...

Не договорив, он хлопнул папачкой об пол; хотел что-то добавить, но от движения папачки вдруг потухла лампа, и он договорил в темноте:

— Клянусь честью, будь я проклят, я сам бы

разыскал ее и изрубил на куски, если бы этого не сделал Машади-Джангир. Я—авазинец! Во мне течет кровь Али!

— «Ты тот богатый, который вошел в сад.

Пятьдесят тысяч лягушек отправил в ад!»— поддакнул бек.

Машади-Джангир засмеялся.

— Нет, приятель, это похоже на иронию...

После ухода гостей, Бебир-бек почувствовал в себе прилив молодости и силы. Он умылся, надел чоху, повесил часы с цепочкой и вышел.

2

Весть о смерти Гадира, дойдя до низенькой избушки, повергла ее обитателей в отчаянье. У Гумри сердце словно выскочило из груди и ударилось об камень; ей казалось, будто бросили ее на дно моря и взгромодили на нее тяжелые горы. День и ночь оплакивала она своего мужа, причитала, повторяя его имя (до тех пор никто не слышал из ее уст имени Гадира) и призывая смерть.

А маленькая девочка, видя мать в таком необычном состоянии, находилась в каком-то оупении.

«Будь здорова, береги ребенка!..»—вспоминчала Гумри. Ведь это было так недавно! Всего четыре месяца тому назад, впервые расставаясь с семьей, Гадир просил ее:

— Береги ребенка!..

Печаль, тоска, нужда, голод—вот из чего состояло теперь существование Гумри. Несчастный, голодный ребенок сосал ее пустые груди, плакал, плакал и опять сосал.

Несчастье Гумри ничего не изменило в селе. Ни на кого не подействовало. Лишь всадники, скакавшие взад и вперед и все выкрикивавшие «нация», «родина», проезжая мимо дома Гумри и слыша ее горестные стенанья, посмеивались над ней.

Один Машади-Ислам сочувствовал ей, но был бессилён помочь ей. Потеря товарища, которого он любил, как брата, оглушила его.

Его жена Телли сварила кушанье, и они отправились навестить Гумри. Телли взяла на руки ребенка, чтобы Гумри могла хоть немного отдохнуть. С выражением сочувствия явились также Бебир-бек и молла. Как только все сели, молла провозгласил «фатиха». Все зашевелили губами, беззвучно произнося слова молитвы. Никто ничего не говорил, всяк ждал, что скажет другой.

Скрывая свою радость, бек хмурился, стараясь казаться опечаленным. Он даже пролил бы несколько слезинок, если б только мог. Это тронуло бы Гумри. Опустив голову и держа платок у лица, он время от времени покашливал, как плачущие, и сморкался. Молле показалось, что горе несчастной семьи подействовало и на бека. Поэтому, воздержавшись от речи, он лишь глубоко затянулся трубкой и сразу выпустил дым.

Подождав еще немного, он поджал под себя ноги и заговорил:

— Не горкй, дочка. Всякое живое существо должно вкусить смерть. Гадир погиб от руки гяуров, защищая религию. Его дух пребывает в раю вместе с нашими святыми покровителями. Терпи и утешайся ребенком.

Бек дополнил его речь:

— К чему так убиваться? Правда, Гадир умер, но ведь мы-то живы! Честь его семьи—это наша честь. Мы жизни своей не пожалеем за того, кто пал за честь нации. Мы не оставим тебя в нужде. Не сокрушайся же так сильно! Пока мы живы, тебе не о чем беспокоиться.

— Покойный был честнейший игит!—продолжал он другим тоном.—Его имя будет переходить из уст в уста, ибо он умер, защищая нацию..

Телли не дала ему договорить:

— Эх, старшина, жалеющих сироту найдется много, а вот чтобы кормить ее—на это охотников-то мало! Лучше бы Гадир не погиб, и нация бы не славил его имени!

Это разозлило бека. Как это—«жалеющих сироту найдется много?» Ведь говорит не кто-нибудь, а он—старшина!..

Но, учтя обстановку, он ответил мягко:

— Ах, Телли, Телли! Уж наверное мы понимаем, что говорим. Мы знаем, что, хоть Гадир был крестьянин, но сознательный крестьянин, способ-

ный пожертвовать жизнью ради нации. Нам известно также и то, что его имя записано и представлено губернатору. Я везде говорил и опять скажу, пусть и твой муж Машади-Ислам услышит: если бы все наши крестьяне были так же сознательны, как Гадир, наше дело пошло бы далеко вперед. Но к сожалению, большинство дерется из-за куска хлеба, грызется из-за кости...

Машади-Ислам понял, на что намекает бек. Он слышал, что в России происходит борьба между богатыми и бедными. Там появились люди, которых называют—«палшивет»¹ и которые хотят уравнивать бедняков с богатыми. От этого слова «палшивет» беки впадают в бешенство. Всякого, кто осмелится говорить о «палшиветах», бьют и сажают в подвал.

Машади-Ислам догадался, кого имел в виду бек, говоря: «грызутся из-за кости». Он хотел собраться с мужеством и ответить:

«Лучше сесть криво, но говорить прямо. А ведь палшиветы-то гозорят правду...»

Но не решился. Было неудобно говорить это в доме, где был траур: Гумри могла обидеться. К тому же он не знал точно, что значило слово «палшивет», которое его очень занимало.

Чтобы богатые и бедные были уравнены! Были уравнены! Золотые слова! Конечно, прав тот, кто так говорит, только плохо, что им дали наз-

¹ Исковерканное слово „большевик“.

вание «палшивет». Почему же они «палшивет»? Почему правдивое слово называют «палшева»¹?

Машади-Ислам никак не мог разобраться в этом вопросе; он изумлялся, почему такие умные люди не нашли лучшего имени. «Если б спросили меня,—думал он,—я выбрал бы для них прекрасное имя. Ни палшивет, ни свобода, ни нация,—я назвал бы их «справедливость». Если бы это не понравилось, то—«правое дело», или «верный путь».

Гумри, волей-неволей слышавшая эти речи, сидела, отвернувшись к стене, и тихо плакала.

Сегодня был третий день, как было получено известие о смерти Гадира. Телли хотела застегнуть ей ворот рубахи², но Гумри не позволила.

Машади-Ислам сделал жене знак, чтобы она оставила ее в покое.

После того, как бек и молла ушли, Машади-Ислам высказал Гумри искреннее соболезнование и предложил ей перебраться в его дом; но Гумри не согласилась; она предпочла остаться в своей низкой и темной избе, чтобы не дать потухнуть семейному очагу.

—Нет, братец Ислам! Ваш дом для меня все равно, что отчий. Но все же лучше мне остаться здесь. Ничего со мной не случится. Голова и руки есть; пойду работать, поступлю прислугой и буду

¹ Фальшивое.

² В первые дни траура у близких родственников покойника ворот рубахи бывает растегнут.

кормить своего ребенка,—отвечала она на его уговоры.

После «смерти» Гадира бек нисколько не сомневался, что его обет услышан и он достигнет желанной цели. Он только ждал, чтобы истекли сорок дней, и втайне от Кыссы понемногу готовился к свадьбе.

Иногда он посылал Гумри через Бездельника полный платок сдобных хлебцев. Когда Бездельник первый раз принес их Гумри, она выругала и Бебир-бека и Бездельника.

Посыльный хотел вытянуть ее разок плеткой и крикнуть:

—Держи язык за зубами!

Но вдруг вспомнил: «Ведь она уже не жена батрака; Бебир-бек бережет ее для себя. Если услышит, с живого меня кожу сдерет!»—и ушел с бекской посылкой обратно.

—Не взяла, бек, и вдобавок меня выругала. Говорит: не смей больше показываться сюда!

Бек вскипел, пхнул Бездельника ногой в живот, заскрежетал зубами:

—Разве я не приказал тебе оставить хлеб и так вернуться? Чего же ты, сын свиньи, болтал лишнее и вызывал ее на ругань?

Бек заподозрил, что Бездельник задел Гумри, как обычно задевают женщин, и в нем вспыхнула ревность; он топнул ногой и закричал:

—Сын свиньи! Я тысячу раз говорил тебе: не разговаривай! Положи хлеб и иди прочь.

После этого случая, когда Бебир-бек посылал Гумри хлеб, дыню или что-либо другое, Бездельник, не долго думая, уносил все это к себе домой. А когда раз бек спросил его, он притворился изумленным и ответил:

— Клянусь жизнью старшины, она с радостью принимает все, что вы ей посылаете!

Это сообщение беку очень понравилось. Он успокоился, решив: «Горе и нужда надоумили ее. Шутка ли, голод не свой брат! Даже льва укротит. Хлеб такая вещь, что лисицу может превратить в льва. Мир—это хлебопекарня. Кто печет, кто жрет. Каждый старается сесть поближе к тендиру».

Физзе, жена Бездельника, за последнее время каталась, как сыр в масле. Другие нуждались даже в хлебе, ей же приносили полные платки булочек, целые корзины винограда и всякой другой снеди. Сидя напротив жены, Бездельник ел, приговаривая:

— Ешь досыта, дочь коробейника! Если будет угодно судьбе, еще на свадьбе бека потанцуешь! Лишь бы нам насытиться, а остальное хоть провались!

Когда, по распоряжению бека, Бездельник должен был отправиться к приставу, он привел к Бебир-беку своего восьмилетнего сына и сказал:

— Вот, бек, если нужно будет послать что-нибудь Гумри, дай этому мальчику, он отнесет. Будь покоен, он лучше меня знает, как поступить!

3

Гаджи-Гусейн оглядывал дом и двор и в уме оценивал их. Уже второй раз приходил он к Гумри, предлагая освободить дом. Гумри просила, умоляла дать ей отсрочку до осени. Почесывая одной рукой полинявшую бороду, а другой перебирая четки, он отвечал:

— Видишь ли, дочка, как вдову, я пожалел тебя, целых десять дней молчал. Десять дней тому назад ты должна была сдать мне двор. И по шариату, и по закону я был бы вправе выселить вас. Я не сделал этого: совесть не позволила. Но дело в том, что я продал двор лавочнику, и тебе придется перебраться. Царствие небесное Гадиру! Будь он жив, я давно получил бы свои деньги. Но что я могу сделать с вдовой? Мы обязаны щадить ее честь. Так и быть, прощаю тебе квартирную плату за десять дней.

После этого он откуда-то прослышал про отношения бека к Гумри. Будучи человеком дальновидным, он сразу смекнул, в чем дело, и больше уже не осмеливался подходить ко двору Гумри.

«Все равно, — думал он, — сыграют свадьбу, Гумри увезут. И дом с двором останется за мной мирно, тихо, без всяких скандалов».

А между тем у бека шла усиленная подготовка к свадьбе. Чего только не делал бек, чтобы побороть упорство Кыссы-ханум!

— Послушай,— говорил он,— не будь душой. Я беру ее, как служанку, она будет помогать тебе по дому. Одумайся, с ума я сошел, что ли, чтобы равнять с тобой жену какого-то батрака!

Ярость Кыссы-ханум увеличивалась день ото дня. Она просто житья не давала мужу.

— Делай, что хочешь, но помни: меня зовут дочь Багманляров! Я все вверх дном переверну!

Но бек не придавал ее угрозам никакого значения. Он считал, что со смертью Гадира вопрос о Гумри окончательно решен. После того, как все будет совершенно «в полном соответствии с требованиями адатов», что может сделать Кысса? В худшем случае бросит детей и уйдет в дом родителей. Ну, и пусть!

Гораздо больше он был озабочен тем, как бы смягчить сердце Гумри. Начал подсылать к ней соседей и знакомых. Они приходили к Гумри и, каждый по-своему, уговаривал ее.

— Ты молода и прекрасна, как роза! Не век же сидеть тебе вдовой? Такое ли теперь время? Почему мужчины могут жениться по четыре и пять раз? Поздравляем тебя! Не раздумывай! Выходи с богом и будь счастлива!..

И вот однажды в ветреный, пыльный осенний вечер Гумри сидела в своей комнате и плакала. Перо в руках молло скринело, выводя кривые, косые буквы на брачном акте. Бек поручил своим свидетелям не перечить воле Гумри и записать неустойку на случай развода в таком размере, в каком она потребует.

Он говорил:

— Все, что есть у меня, да будет ей жертвой!

Гумри хотела бежать, спрятаться от своих мучителей.

— Не пойду, не пойду, не хочу я замуж! Сама прокормлю своего ребенка, сама!..

Эти слова звучали беспомощно и безнадежно, как жалобное блеяние несчастного барашка, схваченного волком. Когда она порывалась встать, женщины хватали ее за руки и «успокаивали». Чепель-Саялы, наклонившись к Телли, шептала ей на ухо:

— Ясно, что она должна плакать! Ведь ее несчастный муж умер молодым! Но в душе она довольна. Да почему ей не радоваться? Счастливица, попадет в богатый бекский дом, будет жить барыней!..

— Ты меня спроси о ней!— тихо, но резко возражала ей Телли.— Я знаю, что она, несчастная, переживает. Она терпеть не может бека. Говорит, что и мужа ее погубил этот кабан! Почему, говорит, мы знали, что такое служба? Зачем нужно было посылать Гадира в горы? Чтоб бек

онемел, чтоб он сломал себе обе ноги! Не дал ему, бедному, жить спокойно. Обманул несчастного и послал навстречу горячей пуле.

Она повторила эти слова и проклятия так же горячо и нетерпеливо, как произносила их сама Гумри.

Не кончив еще писать брачный акт, молла устремил взор на дверь, ведущую во внутреннюю комнату. Он ждал сладкого чая, но никто не приносил его. По принятому обычаю он кашлянул.

— Кхэ-кхэ!..

Под актом замысловато расписался. Подпись его была похожа на запутанный узел или на круглого, с лапками, краба. Так же расписался он и за позеренного Гумри—Телли и за поверенного бека—Чепель.

Потом, убрав перо, начал потирать руки и, так как кашель не помогал, он заржал, как лошадь:

— Имаа-иаа-аа!..

Все слышали его голос, но не догадывались; для женщин все это было непонятно. Только Машади-Ислам, ехавший на арбе, услышав с улицы ржанье моллы, понял, чего хотелось ахунду, и сердито пробурчал:

— Ах, ты, проклятый! Мало получил корму, вот и ржет!

4

Терпенье бека истощалось. Он старался еще до наступления холодов покончить с этим де-

лом. Во время приготовлений к свадьбе часто случилось что кто-нибудь чихал один раз¹! Это пугало бека. Чтобы рассеять свои сомнения, он как-то попросил Чепель погадать. Гаданье показало, что соединение утренней звезды с млечным путем предвещает счастливое окончание дела.

До свадьбы оставалось три дня.

С самых отдаленных сел съезжались друзья и приятели бека. Из города пригласили музыкантов. Послали в Геокчай за ашугом Алескером.

Женщины говорили, что на свадьбу старшины придет сам пристав и что будет даже вино. Кысса-ханум возмущалась, говоря, что не допустит в дом вина. Бек хоть и поколотил ее за строптивость, но упорства ее не сломил. Уже два дня, как Кысса, забрав детей, перебралась к своему двоюродному брату Ган-Сары. Как ни любил тот свою сестру, однако, ее приход был для него неприятен, так как ему вовсе не хотелось портить отношения с беком. Поэтому он начал умолять Кыссу:

— Дорогая сестра, я не могу взять на себя такую ответственность. Лучше тебе уйти и не подвергать меня неприятностям! Живи у кого-нибудь другого.

Куда могла пойти Кысса-ханум в такое трудное время? Она знала, что, если уедет из деревни, бек не только не будет огорчен, но, напротив, по-

¹ У суеверных мусульман один чих не к добру, а два обещают удачу.

чувствует себя совершенно свободным и преспокойно закончит начатое дело: сыграет торжественно свадьбу и возьмет Гумри в дом; чего доброго, еще откроет сундуки с ее приданым и бросит к ногам молодой жены.

Представляя себе эту сцену, Кысса-ханум из себя выходила, места себе не находила, не ела, не пила.

— Да провалится дом того, кто причинил мне это горе! Да останутся его дети сиротами!.. — проклинала она.

Видя, что не может помешать приготовлениям, она решила устроить в ночь свадьбы скандал.

Узнав об этом, Ган-Сары испугался, как бы его не заподозрили в соучастии, и под предлогом, что ему надо построить хлев для скота, уехал из села.

Жена Ган-Сары не выдержала:

— Что же! Выходит, что нам надо уходить из своего дома и поселиться где-нибудь в развалинах. Так, что ли?

— Я пробуду у вас не больше пяти дней, — мягко отвечала ей Кысса-ханум. — Я — божий гость, я только выжду, что будет дальше. Вас беспокоить не буду...

— Пять дней! Пять дней! Твой муж будет бегаться, каждый день брать по новой жене, а ты будешь по дворам ходить? Слыханное ли это дело, милая? И с чего это вы вспомнили нас, родст-

венников? Небось, когда налог распределяли, так нас и знать не хотели, а теперь?

Кысса-ханум решила, что лучше вернуться домой нежели переносить такие упреки. Дома она, по крайней мере, будет, как шип, колоть глаза мужу.

И вот однажды утром, когда бек, пыхтя и сопя, подымался с постели, увидел Кыссу, храпевшую у него под боком.

5

Женщины, ждавшие от бека подарков, чуть ли не ежеминутно прибегали к Гумри. Поздравляли ее.

Чепель-Саялы, оживившая мечту о новой чадре, просто из кожи лезла вон, извиваясь, как гармонь. Точно старшая в доме, она, расталкивая женщин, проходила на почетное место, садилась, начинала говорить, стараясь перекрычать всех.

Накануне свадьбы она чуть свет пришла к Гумри и принесла ей кисет хорасанской хны, душистое мыло, духи, пудру и банные простыни. Она хотела искупать ее. С тысячей ужимок она подробно передавала Гумри слова бека.

«Скажи Гумри, что я жизни для нее не пожалею. Попроси, чтоб она купалась в сениях; там увидел я ее во время купания и полюбил».

Страшная тоска охватила Гумри под вечер. Что-то угнетало ее; она нигде не находила себе места.

Фахира играла во дворе под тутовым деревом. Гумри разожгла очаг, чтобы испечь лепешки. Сидя у огня, она глубоко задумалась. Вспоминала прощание с Гадиром в то весеннее утро; представила себе его приветливое, веселое лицо. Глядя в одну точку и силясь вызвать в памяти образ любимого человека, она думала:

«Почему человек сам, своими руками, роет себе яму? Почему я не почувствовала тогда, какая беда ожидала Гадира? Почему сама же послала его навстречу смертоносной пуле? Если б тогда мне шепнули на ухо: «Не отпускай его! Гадир идет на смерть, не отпускай!..»—я бросила бы к его ногам Фахиру, обняла бы его и удержала!»

Мысли Гумри путались; казалось, какая-то темная завеса опускалась перед ее глазами.

Ночь для нее была полна страхов. Все спали. А мать, потерявшая сон, покой и надежду жизни, прижав к себе ребенка, слушала шопот ночи. Прорвав облака, луна осветила землю молочным светом. Ребенок взглянул вверх. Матери показалось, что это в последний раз вспыхнул потухающий светильник ее жизни. Крепко обняв Фахиру, она, наконец, заснула...

...Горе ее отвердело, как камень, и ударило бека по голове. Разорвались путы, и она, освободившись от его гнета, взлетела на небо.

В солнечной стране, на Гумлу-тепе сидит Гумри, ожидая Гадира.

На полосе света приплыл к ней Гадир и обнял ее. Взмолвленная, трепеща от счастья, Гумри хотела рассказать ему про свои мучительные переживания. Жизнерадостный смех Гадира, как яркий свет, рассеял ее страхи. Он легко, точно птичку, подхватил Фахиру и посадил себе на голову, потом, подняв Гумри на руки, полетел на крылатом коне. Они опустились в сад, полном цветов. Гадир принес ей букет прелестных роз, свежих, душистых и еще покрытых росой. Гумри погрузила в них свое лицо. Вдруг лепестки роз рассыпались и, превратившись в шелковые одеяния, легли на руку Гадира. И Гадир одел Гумри и Фахиру в золотую парчу...

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Выбравшись из чайханэ, Гадир почувствовал себя растерянным. Он шел, сам не зная куда. В этом большом городе он чувствовал себя таким одиноким и лишним, а встречавшиеся люди казались ему такими чужими! Они проходили мимо, понуриив головы, сердитые; иные поднимали на него глаза, и в их взглядах он читал глубокую ненависть и насмешку.

С усталых лошадей и мулов, через разбитые окна вагонов конки, с черепашьей скоростью тащившихся по пыльным улицам, сквозь разбитые двери домов люди, казалось, смотрели на Гадира с ненавистью; это еще больше расстраивало его. Ему все казалось, что они вот-вот бросятся и начнут бить его, валять в грязи, или с размаху швырнут его в арбу с кирпичами и закричат со злорадным смехом:

«Чего ты шляешься в этом городе?..»

Тысячи мыслей кружились в голове Гадира. «Мне не везет,—думал он.—Бросил Гумри одну и ушел. Это не может пройти безнаказанно.

Ведь она ждет, терзается беспокойством, мучается. За что бы я ни взялся, все пойдет прахом. Не будет мне светлого дня».

Гадир дошел до окраины города «Джабир-агзы». Здесь город точно делится надвое. Посмотришь наверх,—тесно прижавшиеся друг к другу дома, дымящие трубы, полуразрушенные базары, одинокие минареты, старые чинары, покрытые гнездами ворон,—неподвижно застывший город. И кажется, землетрясение превратило все вокруг в развалины, а дождь и снег пригнули их к земле. Смердный, пыльный воздух полон каких-то смутных шумов. Слышны ружейные выстрелы. Точно погребальная молитва муэдзина, они передают горам весть о том, что еще одна семья, ютившаяся в лачуге, осталась без кормильца. Печальный, скорбный город!

Начиная с Джабир-агзы и ниже, панорама резко менялась: было просторно и светло; казалось, природа предавалась отдыху.

Молодые тополи, вбивавшие корнями влагу из оврага, походили на тонкие, одинокие колосья, выросшие на клеверном поле.

Зеленели грядки лука; шелковый ус кукурузы играл янтарным блеском: под широкими, плотными листьями прятались дыни, точно ожидая кого-то; кочаны капусты отливали серебром; из садов доносился запах фруктового компота; через белую, длинную садовую изгородь свешивались на

дорогу ветви грушевых деревьев, словно приглашая прохожих:

«Пожалуйста, покушайте груш!»

Но никто не слышал их зова. Печальные, потерявшие надежду люди, проходившие по дороге, не подымали голов, чтобы услышать шопот желтых, сочных груш.

Спелые, сочные, сладкие плоды падали на землю; прохожие наклонялись, брали эти вкусные фрукты, но никто не смотрел на деревья, никто не благодарил их. А бывали и такие, что, подпрыгнув, обрывали ветви и калечили бедное дерево.

Выйдя из этих тесных переулков на открытое место, Гадир вздохнул с облегчением.

Хотелось одним прыжком перемахнуть через это поле и оказаться в своем селе, сады которого чуть виднелись вдали. Но он колебался. Ему было стыдно после шестимесячного отсутствия возвращаться домой босым, с пустыми руками. Вот он перед ним—его дом! Как выросла Фахира! Она лепечет «батьа» и ищет его.

— Батьа принесет тебе гостинца,—успокаивает ее Гумри сладким обманом.

Все, возвращавшиеся из города, тащили награбленное добро: кто из армянских сел, кто с базаров, кто из покинутых домов. Все стало вверх дном. Всяк, кто имел в руках берданку, был уже всецелен. Лишь такие, как Гадир, бедные, беспомощные люди, продолжали терпеть нужду.

Горечь этого сознания терзала его. Гадир почувствовал глубокую ненависть к старшине. Ведь это он, негодай, перевернул его спокойную, хоть и бедную жизнь. Ушло время жатвы и уборки. Впереди лютая зима, а у него нет даже горсточки муки или зерна. Время смутное. Ах, как он, негодай, одурачил его своими уговорами!

— «Чтоб тебе провалиться с твоей «нацией», собачий сын! Оставь меня в покое, дай мне заняться делом. Да онемее твоей язык, желавший мне добра! На кой чорт мне твой ислам, твоя нация? Моя «нация» — это кусок хлеба, который я должен доставать, чтобы мой ребенок не голодал! Наплевать мне на «нацию», которою верховодит такая обезьяна, как Бебир-бек!..»

Гадир шел вдоль садовых стен, в тени гранатовых кустов. Навстречу двигались арбы и всадники; одни ехали налегке, другие, перекинув через седло палас или овцу, везли их продавать. Он внимательно вглядывался в них, ища знакомые лица; и, не находя их, медленно опускал голову и робко приветствовал их.

Раскаяние, стыд перед семьей и тревога угнетали Гадира. Он не знал, как покажется семье, которую покинул почти полгода тому назад.

Солнце, стоявшее в зените, строго глядело на Гадира и многозначительным взглядом, казалось, говорило:

«О, люди! Зачем алой кровью обагрена земля?»

Этот стих он слышал в городе от одного безумного, бродившего по улицам. И думал: «Правда в устах сумасшедшего!»

Спасаясь от жары и желая достать чего-нибудь для Фахиры, Гадир перелез через забор; кусты ежевики были покрыты черной, спелой ягодой. Раздвинув палкой кусты, он вдоволь поел; хотел собрать в платок, но вспомнил, что ведь и дома у заборов ежевики много и не стоит нести ее отсюда.

В саду работали крестьяне, собиравшие виноград и груши.

— Подойди, братец, поешь винограда, — окликнули они Гадира.

Работавших было более пятидесяти человек. В круглых, похожих на офицерские папахи, корзинах они несли виноград к мастерам; некоторые ножницами очищали гроздь от гнилых ягод.

Мастера, стоя на коленях, укладывали виноград в ящики. Двое мальчиков забивали гвоздями крышки. Гадиру указали на один ящик и предложили поест. Он отправлял в рот «тавризский» виноград, таявший во рту, как сахар; ягоды были прозрачные, чистые и упругие. Казалось, что, попав в рот, они тотчас претворялись в кровь.

Не будучи в силах скрыть свою печаль, Гадир сказал:

— Пять месяцев, как я покинул свою годовалую девочку. Ах, если б я мог отнести ей хоть одну грушу!

Услыхав эти слова, рабочие принесли груш.

— Бери, бери, сколько хочешь, наполняй карманы!

Мальчик, забивавший ящик, принес спрощенные румяные яблоки. Это еще больше понравилось бы ребенку. Положив яблоки и груши в шапку и завязав виноград в платок, Гадир вышел на дорогу.

— Спасибо вам, братцы, — сказал он на прощанье.

— Счастливый путь!.. — ответили рабочие нестройным хором.

От города до Гобулара двадцать пять верст, а по почтовой дороге и того больше. Гадир шел через сады по кратчайшей дороге. До села добрался ночью. Все спали. Нигде не было видно света; низенькие хаты, как сказочные хижинки колдунов, были темны и страшны.

Не было слышно даже собак. Из конюшен доносилось фыркание лошадей и мычание быков. Пять месяцев отсутствовал Гадир и теперь, увидев родные места, почувствовал огромную радость. Представил себе дом, семью, друзей и невольно ускорил шаги. Сердце сжималось от неизвестности. Одна мысль занимала Гадира — как дома?

Перелез через забор. Когда вошел во двор, месяц, словно приветствуя его, откинул свой по-

крѡвъ и засіял над сѣлом. Во дворѣ, на паласѣ, спала Гумри, а в ее объятіях прикурнула, как котенок, маленькая Фахира. Волна радости захлестнула Гадира. Сердце учащенно забилося, лицо просіяло. Охваченный порывом отцовской любви, он наклонился к разрумянившейся щечке ребенка и поцеловал ее. Показалось Гадиру, что девочка, не просыпаясь, прошептала:

— Не целуй! Ты почему нас бросил и ушел? Я на тебя обижена.

Гумри казалась еще более печальной, чем в час разлуки. Она лежала, уронив голову на плечо, точно подстреленная голубка. Гадир взял в руки ее голову и долго, долго всматривался в любимые черты ее лица.

В это время Гумри снилось, как она, одетая в шелковое платье, жметя к мужу, вдыхает аромат чудесных роз.

Гадир перестал владеть собою, хотелось закричать от радости, но не было голоса.

Тяжелое раздумье охватило его. Где-то в глубине зашевелилась мысль, не грешно ли будить этих, так сладко спящих мать и ребенка. Не видя наяву ничего отрадного, они, быть может, хоть во сне перенеслись в иной, сказочный мир и смеются, и радуются, уверенные в счастливом будущем.

К тому же он сам был страшно утомлен дорогой; ноги зудели от усталости. Гадир принес

из постельной ниши одеяло, подложил под голову свою одежду и уснул рядом с Гумри.

2

Этой ночью Бебир-бек собирался пойти на свидание с Гумри.

Он вставал уже второй раз. Всякий раз, как он собирался взять шерстяной платок, в котором были завязаны конфеты и яблоки, и выйти, как Кысса-ханум, бодрствовавшая, точно караульный, быстро поднимала голову и, заметив двигавшуюся по комнате тень, окликала:

— Кто это?

Чтобы не разбудить детей, Бебир-бек отвечал ей шопотом:

— Это я, на двор иду, чего орешь?

И он снова ложился в постель. Безумная страсть, одолевавшая его, не давала спать. Перед его глазами появлялись нежные, как шамам, белораморные груди Гумри, предмет его любовной тоски в течение стольких месяцев! В воображении он обнимал Гумри, закрыв глаза, шевелил губами.

Сидел в темноте в постели, обняв колени и прислонившись к подушкам; и думал, думал, потел, вытирал пот одеялом и ждал, ждал, чтобы уснула Кысса. Скоро Кысса стала шуметь и свистеть носом, как бурлящий котел. Бек бесшумно встал, взял платок с гостинцами и на цыпочках спустился по лестнице. Растолкав Бездельника, приказал:

—Иди за мной, да только старайся не шуметь!

Главное было—выйти со двора. А там, если Кысса, проснувшись, обнаружит, что его нет дома, она непременно спросит жену Бездельника. А той уже было сказано, что отвечать: «Пристав, мол, вызвал по секретному делу».

А Бездельника бек брал с собой для того, чтобы тот с ружьем в руках караулил у входа, пока он сам будет любезничать с Гумри. Страстное нетерпенье подавило в нем всякий страх и тревогу. Он жаждал поскорее добраться до постели Гумри, обнять ее «мраморное» тело:

«Ради твоей любви, я готов на всякие страдания! О, красавица!»

Бездельник взвел курок.

—Иди, бек! Не бойся,—и птица не пролетит!

Бек сделал ему знак держать дуло ружья в другую сторону.

—Ничего не предпринимай и жди. Когда скажу: «Бей!»—тогда стреляй.

Бек перешагнул через изгородь; он шел на цыпочках; в руках у него болтался узел с подарками. Подойдя к постели Гумри, он заметил неподалеку завязанный в узелок платок, полный чего-то.

Переведя взгляд на постель Гумри, он опешил. Протерев глаза, взгляделся внимательно: да, сомнения не было: рядом с Гумри лежал мужчина могучего сложения и спал.

Бека охватил страх. Затаив дыхание, он попятился назад.

Бездельник, заподозрив что-то неладное, спросил шопотом:

—Что случилось, бек? Стрелять?

У бека точно отнялся язык; невозможно было разобрать его слова. Притянув к себе Бездельника за ворот рубахи, он чуть слышно проговорил:

—Беда, беда!

—А что?

—Беда стряслась со мной, чтоб чорт тебя побрал!

—Не бойся, бек! Что случилось? В чем дело?

—Рядом с нею... Что за оказия!?

—Но что же, что рядом с нею?..

—Рядом с ней мужчина!..

—Что ты, бек, тебе померещилось!—пробормotal Бездельник, давась от смеха.

—Померещилось? Я тебе говорю, лежит здоровенный мужчина!

—Да нет же, тебе померещилось!

—Ничего не померещилось. К ней пришел самый настоящий, живой мужчина с подарком, завязанным в платок. Не слепой же я. Лежит рядом, обняв ее за шею.

Бездельник едва сдерживал разбавивший его смех.

—А вдруг да явился хозяин? Дай, вернемся, придешь завтра, а то еще, чего доброго, нарвешься на неприятность!..

У бека подгибались колени, дрожали руки, сердце бешено колотилось, в глазах рябило. Схватив Бездельника за куртку, он тащил его, говоря:

— Иди сюда, иди и посмотри сам! Надо же понять, что за история такая? Что за дело приключилось с моей законной женой?

Они пошли на цыпочках, осторожно, оглядываясь по сторонам. Приблизившись к спящим, начали шептаться:

— Гляди-ка! В самом деле, а? Ну, видел?

Собравшись с духом, Бездельник хотел подойти к изголовью спящих и посмотреть внимательно, чтобы увидеть, действительно ли это мужчина.

Один из спящих зашевелился; старшина поспешил улепетнуть, пригибаясь, как огородный вор. Когда он прыгал через забор, платок развязался и яблоки покатались по улице; несколько штук упало в водоем. Лягушки прервали свой хор.

Бездельник смеялся, закрыв рукой рот.

— Бек, право же из этого ничего не выйдет!

— Не бойся, дуралей!..

— Да ведь сам видишь, занята она...

Бек молчал, не отпуская полы Бездельника.

Крепко держа его, он тянул к себе, умоляя:

— погоди! Дай же понять, что это приключилось с моей законной женой?

Держась друг за друга, они снова осторожно направились к спящим, поминутно озираясь по

сторонам. Подойдя поближе, слышали храпенье мужчины.

Бек уже не сомневался, что с Гумри спит любовник.

Честь бека была задета! Кровь бросилась ему в голову, глаза полезли на лоб.

Однако, он все еще не верил своим глазам: протирал их платком и опять глядел. Стоял у постели и, вне себя от изумления, таращил глаза на спящих.

— Бек, так и есть—хозяин вернулся!—прошептал Бездельник, потянув его за полу.— Гиблое дело, вернемся!

Серая кошка, спавшая на курятнике и испуганная их появлением, прыгнула прямо на голову ничего не подозревавшего бека. В том состоянии, в каком был бек, ему показалось, что на его голову опустился тяжелый, как камень, мягкий предмет. Но когда серая кошка запустила когти в его безволосое лицо, он бросился к забору. Споткнулся, упал; боясь, что спящие встанут и погонятся за ним, он, как змея, пополз среди колючек и кое-как выбрался со двора. Бездельник, раньше него перепрыгнувший через забор, смотрел на бледневший восток.

— Ей богу, бек!—сказал он,—дело становится опасным. Ночь на исходе. Как-нибудь потерпи сегодня, а завтра, если не удастся с этой, так подыщем тебе другую...

Бек выругал и его, и спящего мужчину.

— Поддай мне ружье! Я заставлю плакать его мать!..

Не успел он договорить, как на его голову опустилось что-то тяжелое. То была месть Кыссы ханум.

Она так заехала деревянным молотком по голове мужу, что у того затрещал череп.

— Ах, ты, старый пес!—кричала она.—Ты чего это в ночную пору шляешься по чужим дворам? Оставил дома жену и гоняешься за распутными девками? Пусть покроется бесчестьем мой головной платок, если я не заведу себе дюжину любовников!..

Крик Кыссы-ханум переполошил все село. Уже рассвело. Казалось, солнце в это утро поспешило с восходом, чтобы всему миру показать разыгравшееся на этом маленьком дворике событие.

Бек мгновенно исчез, точно испарился.

Подходившие к забору Гумри спрашивали друг друга:

— Кто умер? Что за шум?

Каждый по-своему объяснял причину переполоха; одни говорили, что от разрыва сердца умерла Гумри, другие,—что задушили ее ребенка, а третьим казалось, что это кричал человек, которому вспарывали живот.

Старый караульщик мира—солнце, поднявшись, осветило заспанные, испуганные лица.

Крики разбудили и Гадира, но опьяненный сладким утренним сном, он не обратил на них внимания и натянул одеяло на голову.

Гумри, открыв глаза и увидав рядом с собой мужчину, вскочила, как ужаленная, и, не будучи в состоянии вымолвить ни слова, как была, с непокрытой головой и босая, кинулась к калитке.

На ее вопли собрался народ. Она плакала, царапала щеки, била себя по коленям. Ей показало, что на ее постели спал старшина.

Все старались успокоить ее, хотя никто не понимал, в чем дело. Собравшимся показалось, что удар был нанесен Гумри и кричавшая также была она.

Видя, что Гумри выбежала на улицу, Гадир последовал за ней, чтобы узнать, в чем дело.

На улице происходило настоящее столпотворение. Село ходуном ходило, Гумри плакала, Кысса-ханум кричала, ругая ее.

Когда Гадир подошел поближе и, улыбаясь, протянул руку соседу Ага-Магомету, желая познакомиться с ним, тот в ужасе отскочил от него и заорал:

— Мертвец, братцы, мертвец!..

Увидев Гадира, толпа рассыпалась, как испуганное стадо. Все бросились бежать. Женщины произносили молитву. Вызвали ахунда. Переполошилось все село.

Разговоры о вурдалаке переходили из уст в уста.

Отовсюду к месту происшествия стекались новые толпы сельчан, бежали слуги с вилами; подходили господа с недоумением на лице, женщины—одни с выпачканными в тесте руками, другие с детьми на руках; стаи малышей неслись стремительно, точно цыплята, бегущие к корыту с водой.

Все хотели видеть вурдалака. Но стоило Гадиру подойти к кому-нибудь, чтобы объяснить, как тот, вскрикнув, в ужасе убегал от него.

Он остался один, как полководец, потерявший свое войско.

Узнав о воскресении Гадира, Машади-Ислам был, как и все, поражен; однако, он не растерялся и сказал:

—Над ним так ужасно надругались, что, конечно, он должен был восстать из могилы! На его месте и я бы воскрес! Это еще что! Вот погодите: придет настоящий хозяин, тогда из каждой могилы воскреснет покойник. А как вы думали? Можно ли живому лежать в могиле? Так бывает всегда, когда зло и насилие достигают предела! Погодите, вы еще не то увидите!

9. СПОР

1

Это был один из обычных вечеров в деревне.

По пыльной дороге с пастбищ возвращается сытая, довольная скотина, радующаяся не то тому, что и на этот раз избежала когтей волка, не то встрече с сосунками и предвкушению сладкого сна.

Машади-Ислам складывает снопы в стога. Мелек-Ниса заботливо донит пятнистую хозяйскую корову. Сорвавшийся с привязи теленок, захватив в рот пальцы женщины, сосет их. Двухколесные арбы, покончив с тяжелыми принудительными повинностями, передвигаются медленно, словно побежденный богатырь, стелая точно корова от родильных мук. Куры ждут зерна, собаки—похлебки, лошадь—чистки и ухода, волы—кормушки; а Гаджи-Гусейн, сидя на почетном месте у камина, крякает, в ожидании плова...

Несмотря на холодный ветер, споры и пересуды на сельской площади не прекращаются. Это открытое, засоренное навозом, место расположено между низеньким забором, разрушенной сте-

ной мечети и мясной лавкой, и считается центром села. Здесь находит верное направление путник, потерявший дорогу. Здесь ради куска хлеба теряет свою независимость батрак, жнец, рабочий. Здесь сельчане сходят с теми, кто у них украл поливную воду. Здесь же мирятся раскаявшиеся враги.

На этой открытой площади лавочник наживает, а крестьянин теряет, молла говорит, а крестьяне слушают. До самого вечера здесь никого не бывает, но с наступлением сумерек закипает жизнь. Здесь можно узнать новости со всех концов света: о войне, голоде, беспорядках, смерти, воскресении, рождении, об удачах и несчастьях. Здесь сталкиваются ветры, дующие с севера и юга, и расходятся дальше по земле; вызванные их столкновениями ливни разливаются, как водопад, и каждый может выпить глоток этой воды и найти в ней вкус, которого он ищет.

Все, собирающиеся на этой площади, принимают участие в общем разговоре. Словом, площадь выполняет роль газеты, телефона и телеграфа.

Когда распределяют воду, набирают аскеров, раскладывают налоги и собирают деньги на мечеть, здесь происходит настоящее светопреставление.

Грубые и нежные, ясные и глухие голоса еливаются, звенят, гремят, и от них, как от столкновения кремня и железа, сыплются искры.

В этот вечер собрание сильно затянулось, и народ долго не расходился.

Иные из женщин потушили огонь под котлом; другие, накрыв к ужину, сидели в ожидании хозяина, отгоняя мяукающую голодную кошку. Были и такие, что, накинув чадру, отправились на сходбище, чтобы, прислонившись к воротам, подслушать, о чем так долго толкуют мужчины.

Чем гуще становился мрак, тем громче раздавались голоса. Люди говорили, не видя лиц собеседников. Впрочем, это и не было необходимо: ведь эти лица были им так хорошо знакомы!

Предметом сегодняшних споров были не налог, не набор аскеров и не распределение воды.

Собравшиеся горячились, толкуя о вещах, которые, пожалуй, не касались их лично.

«Кому должна принадлежать Гумри?»

Случай с Гадиром заставил сельчан забыть обо всех других мелких делах. Весть о его возвращении с молниеносной быстротой долетела до ближайших сел, и всяк, повествуя, как заправский ашуг, норовил поразить своим рассказом воображение собеседника.

Высказывалось много различных мнений. Одни считали это «игрой судьбы». Другие связывали случай с воскресением Гадира с беспорядками и смутами, охватившими весь мир.

— Мир!.. Если так продолжится, то горе тому, кто имеет только одну козу¹. Многие воскреснут,

¹ Т. е., кто беден, тот скорее погибнет.

но и очень многие должны будут умереть. Еще при отцах и дедах было замечено: раз год начнется с неудачи, то за бедой пойдет беда.

Бездельник Агабала и подобные ему говорили:

— Непостижимое это дело! Невозможное!

И при этом недоуменно махали рукой.

«Кому должна принадлежать Гумри?»

Этот вопрос, точно какая-то тяжесть, лежал у всех на сердце. И каждый бился над тем, чтобы так или иначе разрешить его.

Торговец Ага-Алескер доказывал, ссылаясь на коран, что в таких случаях право на Гумри может иметь тот, кого выберет она сама. А молла с повязкой толковал иначе.

— Согласно авторитетного толкования корана, если трое почетных, справедливых людей засвидетельствуют, что муж умер, его брак считается расторгнутым.

Следовательно, Гадир оставался ни с чем, и Гумри должна была сделаться неотъемлемой собственностью бека, ибо не трое, а целых пятеро «борцов за дело ислама», вернувшихся из похода на армянские села, принесли известие, что Гадир убит.

По словам ахунда, Гадир обязан был сообщить жене о том, что он жив.

Это разъяснение многим показалось правильным; но Машади-Ислам решительно отверг его.

— Вздор!—говорил он.—Человек уехал на чужбину, а теперь вернулся обратно. Что можно возразить против этого? Все это проделки бека. Он хочет завладеть Гумри.

Гаджи-Гусейн, не вынимая трубку из рта, прервал Машади-Ислама:

— Хочет? Нет, вы посмотрите! Хочет,—говоришь? Что значит, «хочет»? Эй ты, свинопас? Разве она не законная жена бека?

— Небось, давно уже все покончили,—добавил кто-то двусмысленно.

Машади-Ислам покачал головой:

— Ай, ай! Хорошо же ты знаешь Гумри! Да она на него и плюнуть не захочет!..

— Если предоставить покойника самому себе,—возразил, крикнув, Гаджи-Гусейн,—то он гроб испачкает. Женщина дала согласие, и брак совершен. Пусть Гадир не то, что воскреснет, а хоть на небо полезет, дела все равно не поправить!..

Слова Гаджи-Гусейна сильно задели Султан-Али—товарища Гадира. Он работал тут же, неподалеку, прочищая водосток во дворе своего хозяина, и слышал все, что говорили на площади.

Султан-Али слез, держась за рамы окна, и, выслушав слова Гаджи-Гусейна, сказал:

— Конечно, гаджи, кто силен, тот и прав. Бек возьмет Гумри, а домом и двором завладеешь ты.

— Не болтай лишнего! Не твоего ума это дело! Или и ты на гаджи лаять стал? Тоже разговаривает!..

— А что, гаджи, не по-душе тебе пришлось?
— вставил Машади-Ислам.

— Дело ясное, у бедняка даже законную жену отнять хотите. Но...— начал Султан-Али гихим, но злым голосом.

Гаджи-Гусейн вынул трубку из рта. У него трясся подбородок, из рта текла слюна.

— Ты что это позволяешь себе болтать лишнее, ах, ты лиса! Или голове твоей надоело держаться на шее?

— От лисы слышу. Лишнее болтаю не я, а подобные тебе почтенные гаджи! Что ты можешь мне сделать? Кого пугаешь?..

Машади-Ислам поднялся с места.

— Кого пугаешь? Кого пугаешь? Что может быть хуже нашей теперешней жизни?

Назревало столкновение. В каприженной атмосфере запахло порохом. От шуток и прибауток, которыми всего час тому назад обменивалась толпа, не осталось и следа. Глаза налились кровью.

Гаджи посмотрел на Султан-Али, тот — на гаджи. Казалось, они взглядами хотели пронзить друг друга. Ни один из них не собирался уступать.

— Старый пес!— Эти слова, сказанные с полным убеждением, Султан-Али подтверждал уничижающим взглядом и чувствовал себя облегченным.

Вперед выступил Машади-Джангир:

— От этой свиньи мазутом несет; объелся, таскаясь по чужим дворам, вот и бесится с жиру!— произнес он.

Это придавало смелости гаджи, и он залпом выпалил слова, давившие ему сердце:

— Ах, вы, сволочи, палшивет! Что вам здесь— Арассея,¹ что ли?

— Дядюшка-гаджи, а чем это раздуло тебе брюхо?— насмешливо спросил Машади-Ислам.

Немного нехватало, чтобы Машади-Джангир проткнул пальцами глаза Султан-Али.

— Я в порошок тебя сотру: Изничтожу так, что трава на твоей могиле не вырастет!.. Раскрой хорошенько глаза и посмотри на меня!..

— Апчхи! Да не может быть!..

То нарочно чихнул Машади-Ислам в ответ на угрозы Машади-Джангира.

Стоявшие в сторонке и ожидавшие, чем кончится эта стычка, невольно рассмеялись. Это еще больше напугало и разгорячило гаджи и Машади-Джангира.

Машади-Джангир хотел схватить Султан-Али, но тот вырвался. Тогда Машади-Джангир кинулся на него, пытаясь схватить его за горло; Султан-Али, извернувшись, как угорь, ускользнул у него из рук, размахнулся и, ударив его кулаком

¹ Россия.

в висок, убежал. У Машади-Джангира искры посыпались из глаз, он зашатался и, чтобы не упасть, прислонился к стене.

Гаджи хотел броситься на Машади-Ислама, но его удержали. В это время подоспел молла с повязкой, на ходу завязывая кушак:

— Да будет проклят шейтан! Что это за ссоры в эту пору! Расходитесь!

Было совершенно темно. Косой свет из окон, пронизывая темноту, падал на суетившиеся фигуры. Услышав шум на площади, многие бросали ужин и спешили сюда узнать, в чем дело. Опоздавшие очень жалели, что не застали ссоры в разгаре.

Вернувшиеся домой мужчины за ужином рассказывали своим женам обо всем случившемся, преувеличивая и раздувая. Особенно восхищались они ударом Султан-Али.

Женщины причиной этой ссоры считали Гумри и, делая по ее адресу осуждающий жест, говорили:

— Пепел тебе на голову! Не хочешь итти в дом бека, так подыхай себе! Чего же народ мутишь?

Ночью Султан-Али ушел из села. Глаза его горели гневом и злобой, грудь теснила жажда мести, сжатые кулаки показывали несокрушимую волю к борьбе.

Гаджи долго не мог притти в себя. Казалось, сознание его было окутано туманом. Он не мог усидеть на месте и, едва передвигая подгибавшиеся ноги, поплелся к Бебир-беку.

Дотащившись до дома бека и войдя в комнату, гаджи ударил палкой об пол и заплакал:

— Я — старый пес, угу-угу!.. Я — свинья, угу-угу! Мне, угу-угу, раздуло живот! А старшина сидит себе и кушает бозбаш!

Жена бека вышла в другую комнату.

Пережевывая кусок, бек встал навстречу гостю и сальными, блестевшими при свете лампы пальцами, указал гаджи на место, приглашая его сесть.

Проходя через площадь, бек своими ушами слышал всю историю, однако, чтобы, «не осложнять дела», поспешил пройти мимо. Теперь по настроению гаджи он видел, что дело приняло серьезный оборот. Выпрямившись, он принял суровый вид и в позе «служителя нации» стал слушать гаджи.

По мере того, как гаджи говорил, его нижняя губа вытягивалась, точно резиновая, и текли слюны. Он хватал себя то за живот, то за голову, упоминал о своей чести, клялся Меккой. Его отрывочные восклицания вроде: «Помощь! До какого дня? Слуга! Зуб! Колодец! Борода! Пристав! Завтра!» — еще можно было кое-как понять, но вся речь, прерываемая хныканьем и причитаньями, была совершенно невразумительна.

Бебир-бек начал угощать его. Потом долго беседовал с ним. У него оказался готовый план борьбы с Гадиром и другими «бандитами».

— Не надо,—говорил он,—спешить и беспокоиться. Я так обделаю дело, что все уладится. Во-первых, нельзя допустить, чтобы Гадир, став снова Гадиром, свободно разгуливал по селу. Я такую заварил кашу, что Гадир вовек не забудет ее вкуса!..

Набив трубку табаком, бек умял его большим пальцем и закурил. Гаджи, пыхтя и фыркая, как сильно навьюченный осел, скривил лицо, отвернулся и зажал пальцами нос. Бек понял, что старику не понравился запах серы.

— Ты вот спички боишься, что же ты будешь делать завтра, когда выступишь на поле брани защищать интересы нации?—произнес бек.

Гаджи поперхнулся, точно принимал горькое лекарство, откашлялся, чихнул и пришел в себя.

— Ну, что,—продолжал бек,—хорошее я задумал дело? А знаешь, как?

— Как?..

— Видишь ли, дело это такое, что нужно иметь в руках доказательства. По документальным данным Гадир умер тринадцатого числа месяца сафара...

— Т. е., подход в день окаянного убийцы святых...—прервал его гаджи.

— Свидетели знают, что показать. В документе сказано: «Такой-то пал от руки армян, как

жертва». Но слово «жертва» написано по ошибке, это мы исправим... ничего. Словом, сказано, что этот человек помер. С Гумри же брак совершен по закону. Значит, конечно! Не какой-нибудь ведь прохожий «марсиехан» совершил брачный акт! Там есть подпись почтенного ахунда, и печать приложена; и неустойка в несколько сот золотых в пользу женщины указана. Все сделано по закону. Понятно? Пусть теперь идет, куда хочет. Я имею право взять к себе свою законную жену! А насчет того, что Гадир воскрес, нет ни одного свидетельского показания. Ну, что скажешь на это?

— Гм...

— Много шляется тут всяких шелопаев. Если каждый из них будет приходить и заявлять: «Я—Гадир»,—кто ему поверит? Слава богу, тут есть власти, управляющие народом. Пристав очень со мною считается. Пусть Гадир кричит, сколько ему угодно: «Я—Гадир!»—кто ему поверит? Имя Гадира вычеркнуто из списков моего села. Если кто-нибудь нарочно назовется этим именем и появится здесь, разве я сумасшедший, чтобы впустить его в село? Может ли унесенный на кладбище мертвец вернуться назад?.. Конечно, нет! Вышвырну его, клянусь твоей головой, ни одного дня не позволю остаться здесь!

Неужели, бек, тебе трудно распорядиться, чтобы бросили эту свинью в собачью конуру и покончили с ним?—сказал сердито гаджи.

— Не имею права.

— Что?..

— Не имею права.

— А как же ты смог сослать брата Тат-Гамида на остров Нарген? Неужели Гадир такой могущественный человек, что ты прав на него не имеешь?

— Нет, гаджи, я не то хочу сказать; право-то я имею. Спасибо друзьям, я могу даже все село поджечь. Пристав никогда не сделает мне упрёка. Несомненно, мы имеем права над нацией. Но дело вот в чем. Гадир умер, его нет в числе живых; если сегодня я посажу его под арест, завтра он моими же словами меня крыть будет: «Если я умер, как же ты арестовал меня? Разве можно арестовывать мертвого?» Вот почему я не трогаю его. В этом нет никакой нужды. Завтра я выгоню его из деревни. Старшины соседних сел предупреждены. Кто впустит в село мертвеца, вставшего из могилы? Так и сгинет он сам собой.

— И кончено?

— Ясно, кончено!

— Ну, и сказал!...— с этими словами гаджи отвернулся к стене.

Бек понял, что тому что-то не понравилось, силился припомнить, в чем его ошибка, но хриплый голос гаджи помешал ему.

— Ты спишь!.. Весь свет вверх дном стал, а ты почиваешь себе! Ты думаешь, Султан-Али меня поносил, или Машади-Джангиру дерзил? Нет!

Тут дело посерьезнее. Сегодня он меня ударит, завтра, глядишь, ахунду нагрубит, а послезавтра и до тебя доберется! Ни с правительством не считаются, ни шарията не признают. Так распустились, что перещеголяли даже палшиветов. Сидят на корабле, да еще капитану глаза колят.

Высказав это, гаджи умолк.

Молчал и старшина. Но скоро снова раздался хриплый голос гаджи.

— Нет, старшина,— говорил он еще увереннее.— Так не годится! Я отправлюсь в город и там поговорю. Дело не в одном Гадире... «С одним врагом справиться нетрудно, беда, если наступление поведут с четырех сторон!..»— вспомнил он стихи поэта.

Им подали крепкого чаю.

Жена позвала бека к двери; он отошел, что-то пробурчал и снова вернулся.

— Ты не понял меня, гаджи. Ты сначала узнай, что я говорю. Увидишь, что я сделаю с Султан-Али!..

— Ничего ты не сделаешь!

— Клянусь твоей головой, дело у меня в кармане!

С этими словами он вынул из кармана кисет с табаком, четки, ножик, печать; поискав еще, вытащил измятую бумажку. Наклонившись к гаджи и мигнув ему, тихо сказал:

— Если даже сто лет проживешь, все равно

не сумеешь так проникнуть в проделки Султан Али, как я. Я только не хотел открывать тебе.

Бек встал, кинул взгляд на окно, велел жене никого не впускать, сел, поджав под себя ноги, и начал шопотом:

— Тебе тоже известно, что Султан-Али—сторонник палшиветов. Пристав прислал мне секретное письмо, чтобы я проследил и раскрыл дела этого плута. Ты же слышал, что в Багмане слуга рябого Кязума убил своего хозяина и скрылся. Сына Гаджи-Агакиши зарезали. В городе начались волнения среди рабочих. Говорят, вчера на мыловаренном заводе Джаббара Кочиева разбили котлы. На вокзале рабочие бастуют и помогают деревенским бандитам. Начальник приказал приставам составить списки изменников нации. Вот мы и составляем. Поодиночке спровадим этих негодяев; твоего «приятеля» тоже «определим» этой ночью,—я про Султан-Али говорю. Его уведут сегодня ночью, а там остальных потихоньку, поодиночке... Уж будь покоен. Пусть я буду собачьим сыном, если не уничтожу это семья!.. Мы всех их знаем. Ты только не торопись. Твое дело—присматриваться, приглядываться и, если что заметишь, доносить мне. Я говорил с приставом...

В доме было тихо. Гаджи с интересом слушал бека. Когда он узнал, что ожидает Султан-Али, у него полегчало на сердце. Он думал:

«Хорошо бы, когда его арестуют, стать в сто-

роне и, плюнув ему в лицо, ударить по голове да сказать:

«Подыхай, палшивет, сын палшивета! Сгнивай в тюрьме! Ну, каково тебе?»

Бек свернул разговор на другое.

— Я хочу отпраздновать свадьбу,—сказал он совсем иным тоном.—Что ты скажешь?

— Отчего нет, отпразднуем!

— Будь уверен,—отпразднуем ее так, как твоей душе угодно!—воскликнул бек, вставая.

3

Так и не пустили Гадира в деревню. Все—и взрослые и дети,—завидя Гадира издали, кричали: «Хортдан!» Вышедший из могилы мертвец наводил на всех ужас. Никто не подпускал его близко. Лишь в своей семье и среди друзей он встретил сочувствие и поддержку. Однако, это еще не давало прайза на жизнь. Один из друзей, услышав в соседнем селе о воскресении Гадира, так выразился о нем:

— Очень глупо сделал, что воскрес. Он думал, что будет халву кушать? Несчастный, отказался от такой благодати, как смерть, и прибежал сюда! Жить, мол, хочу! Ну и живи, чорт с тобой! Околевай за день сто раз, тогда поймешь, что значит могильный покой!

И все-таки, вопреки всему, Гадир страстно хотел жить. Он хотел, собрав все силы, сколько

их у него было, крикнуть на весь свет, что он жив, не умер и не хочет умирать; но не хватало голоса. Ему казалось, что люди, дома, улицы, воды, деревья, все, все готово подтвердить слова бека. Все, даже многократно им вспаханные и скошенные поля, получив дар слова, насмехались над ним, говоря:

«Вы поглядите на него! Что нужно здесь этому мертвецу?»

Переживания первых дней, казавшиеся Гадир сном, постепенно превращались в действительность. Ни его фактическое существование, ни его уверения, ни заявления свидетелей не могли доказать его право на жизнь. Старшина настаивал на своем. Трудно было зачеркнуть то, что было записано. Гадир пошел к служителю религии—ахунду и попросил помочь его горю. Он требовал, чтобы шариат рассмотрел его дело и высказал свое отношение ко всем беззакониям, которые были допущены против него.

—Слышал, сын мой, слышал,—сказал ахунд,—на том брачном акте есть и моя печать. Дело очень сложное. Говоря по справедливости, и тебя винить нельзя; ведь ты тоже не знал. Но три всеми уважаемых человека подписались на свидетельстве о твоей смерти, и брак был совершен; на нем имеется подпись духовенства. Все в точности, по закону. Я прямо поражен твоим воскресением.

Гадир ничего не понял из разъяснений ахунда.

—То-есть, как это, ахунд-ага? Ведь я не умирал, чтоб воскреснуть! Поймите, я не умирал! Не знаю, кто это выдумал? Благодарение аллаху, со мной ничего не случилось! Неужели вы не видите, что я жив и здоров?

—Нет, сын мой, дело не в этом. Умер ли ты или жив—это безразлично. Раз три заслуживающих доверия свидетеля, духовенство и почетные лица подписались и решили, что можно возразить против этого? Ты—один, а это—решение десяти. Ты—Гадир, а они: Бебир-бек, Машади-Джангир, Мир-Гамбар и другие важные персоны! Глава шариата не станет из-за одного человека жертвовать пятью другими и не выставит их лжецами. Твоя смерть прилась очень кстати. Что ж из того, что ты не умер! Разве мало места на земле? Иди, куда тебе угодно, и устраивайся. Кто его знает, много ли осталось тебе жить в этом бренном мире. Что тебе нужно от этих людей?..

—Ахунд, я с этим не согласен. Умный человек так не станет говорить. Я пойду к самому шейх-уль-исламу и открою ему все. Пусть узнают они, как вы в деревнях искажаете шариат, как вы поддерживаете сторону старшин, попираете истину и не хотите видеть меня—здорового, живого человека! Я все ему скажу и попрошу у него ответа. Посмотрим, кто достоин смерти.

—Воля твоя!

— Хочу попросить вас об одном.

— Исполню, если это мне по силам.

— Я прошу, чтобы до получения ответа от шейх-уль-ислама вы не позволили справить свадьбу Гумри. Если городские власти и шейх-уль-ислам тоже не признают меня живым, тогда делайте, как хотите!

Ахунд подумал и, кивнув головой, сказал:

— Пусть будет так.

И Гадир с Машади-Исламом отправились в город.

10. ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

1

Воскресение Гадира хоть и не вырвало Гумри из рук старшины, но свадьбу задержало надолго. Молла с повязкой, приведя толкование Фазили-Дербенди¹, доказывал, что в подобных случаях необходимо подождать решения главы духовенства.

Поэтому, чтобы обезопасить Гумри и от Гадира и от старшины, решили временно поместить ее в дом какого-либо почетного человека.

И вот ее с ребенком на руках, с заплаканными глазами, отвели в дом ахунда. Гаджи-Гусейн поспешил завладеть домом Гумри и, разостлав во дворе под тутовым деревом палас, устроил на радостях угощение.

Гумри не хотела идти в дом ахунда. Она предпочитала остаться в своей бедной лачуге, где она жила со своим любимым мужем хоть и впроголодь, но все же счастливая. Ей хотелось остаться одной под закоптелым бревенчатым потолком своей избы и плакать, чтобы в горячих

¹ Известный в свое время мракобес, ученый теолог.

слезах излить терзавшее ее горе. Но ей отказали даже в этом утешении и, ссылаясь на «честь, стыд, совесть» и священные законы шариата, отдали ее в дом ахунда в качестве аманата.

Жена ахунда — Ширин — была приветливая и гостеприимная женщина. Проникшись жалостью к Гумри, она всячески старалась утешить ее.

В этот вечер в доме ахунда встретились два человека с совершенно разными настроениями. Насколько печальна и грустна была Гумри, принесшая в этот дом слезы и унынье, настолько весел и жизнерадостен был ахунд. Совершив омовение, он с мокрой красной бородой, с которой капала вода, и с засученными рукавами прошел через комнату Гумри и, поздоровавшись с ней, сказал:

— Дочка, считай, что это — твой собственный дом. Не надо горевать. Как велит глава шариата, так мы и поступим. Дело совсем не такое сложное. Не падай же духом!

Чтобы утешить Гумри и в то же время выполнить веленье божье, он разложил перед собою большие, толстые книги в кожаных переплетах и принялся выбивать из них пыль; потом уселся и, скрестив ноги, раскачиваясь, начал читать авторитетные толкования. Все, что читал ахунд, было посвящено добродетельным женщинам, временным бракам, брачным актам.

Вечером в одной из книг он прочел следующий рассказ:

«Езид — сын Моавие, влюбился в жену Абдуллы — сына Кэба. Он поведал отцу о своем горе. Моавие вызвал Абдуллу из Медины и назначил его на важный пост. Затем призвал его к себе тайно и сказал ему:

— Мой сын Езид, к несчастью, вырос дурнем. Я решил лишить его наследства, сделать тебя моим наследником, и мою единственную дочь, сокрытую от людских взоров, отдать тебе в жены. Разведись же с женой и переезжай сюда из Медины.

Абдулла — сын Кэба — от радости упал в обморок. Пригласив к себе моллу, он поручил ему отправиться в Медину и развести его с женой.

Тому же самому молле Моавие втайне от Абдуллы поручил, чтобы он, разведя Абдуллу, тотчас же обвенчал его жену с Езидом.

Молла был рябой, некрасивый и нищий старик.

Явившись к жене Абдуллы, сына Кэба, он сказал ей следующее:

— Если желаешь пользоваться всеми благами жизни, жить в богатстве и довольстве, окруженная слугами, то выходи замуж за Езида. Если же хочешь прожить на этом свете скромно, но зато быть счастливой в будущей жизни, если хочешь в день пришествия благоденствовать в раю, наслаждаться вечным счастьем, беседовать со святыми, пить священную воду и гулять в раю, то выходи замуж за меня...»

Тут молла с повязкой прервал чтение, поднял голову и многозначительно посмотрел на Гумри. Прикурнув в углу, Гумри кормила ребенка. Чтобы привлечь ее внимание, молла кашлянул:

— Ты посмотри, как поступила достойная жена Абдуллы...

— Как же она поступила?

— «Жена Абдуллы, будучи добродетельной и верующей женщиной, подумала и сказала:

— О, пресветлый шейх, пусть Езид подавится своим богатством, а на верность Абдуллы мне наплевать! Я желаю выйти за тебя. Читай же молитву о браке!»

Кончив чтение, молла с повязкой опустил голову, потом, кинув исподлобья взгляд на Гумри, отхлебнул чаю.

— Ну, каково, Гумри-ханум?

— Да что же! Рассказ!..

— Да, рассказ, но очень важный. Ты видишь, какие бывали добродетельные жены? Да-а-а, не чета теперешним женщинам, которые прельщаются богатством и прочей суетой. Не то было в те времена!..

Не успел ахунд снять очки, как в комнату вошел старшина; отряхнув о дверной косяк свою большую желтую бухарскую папаху, он сказал:

— Ужасный дождь!

И стал вытирать ноги.

Ширин поспешила встать. Ахунд что-то пробормотал в ответ. Ему показалось странным появ-

ление старшины в такой поздний час и он сказал:

— Что случилось, бек? Какими судьбами?

— Ничего, все благополучно.

Бек сел, Ширин наострила уши, надеясь услышать что-нибудь новое.

Муки Гумри возобновились. Ее охватило возмущение, но ей ничего не оставалось, как молчать.

Ахунд поднял глаза на старшину. Старшина видел, что тот не догадывается об истинной причине его прихода. Довольный этим, он решил действовать осторожно и, чтобы цель его посещения показалась еще более значительной, стал попыхивать трубкой, обдумывая в то же время, с чего начать разговор. По дороге сюда он подготовил уже тему для беседы, но, при виде Гумри, все вылетело у него из головы.

И вот, дымя трубкой, он старался вспомнить, о чем хотел говорить. Ахунд же, думавший, что разговор опять будет про убийства, сгорал от любопытства.

— Так вы говорите, бек, что все благополучно? — переспросил он, не стерпев.

— Конечно, благополучно. Что же могло случиться?

Снова воцарилось молчание. Ахунд не сомневался, что бек собирается говорить об очень важном предмете. Весь превратившись в слух, он уставился на гостя.

— Да, так вот, э-э-э... Что я хотел сказать?.. Ах, чорт побери, все мои мысли спутались! — на-

чал бек, чувствуя, что больше молчать нельзя. Но снова замолчал, так как никак не мог найти тему для разговора.

Ахунд забеспокоился. Может, его жена и дети позволили себе что-нибудь такое, что обидело бека? Он пристально оглядел жену с головы до ног. Как будто ничего; только вот видны пальцы ног, выкрашенных хною. Как только он кашлянул, Ширин своей широкой и длинной юбкой прикрыла их.

Старшина начал:

— Да, м-м-м, ахунд, ты совершенно не интересуешься судьбой нации.

— То есть как?

— Да, так!

— Может, опять есть какие-нибудь известия насчет армян?

— Конечно, есть!..

— Уж не взят ли Аскеран?

— Будет взят!..

— Когда же? Или мусульмане уже вошли в город?

— Бог даст, и в город войдут, и в село войдут. Почему бы им не войти?..

Тема для разговора была найдена. Бек успокоился и заговорил увереннее.

— Я страшно волнуюсь. Я предпочел бы быть закованным в цепи, чем переживать это. Сколько ни просил пристава отпустить меня на фронт, ни за что не отпускает. «Если, говорит, и ты оста-

вишь село, что же будет с женщинами и детьми?» Но, клянусь святыми, ахунд, я не выдержу! Как? Быть побежденным? Подобаает ли это игиту? Раз отправляюсь на фронт, или умру, или одолею врага. Я пришел узнать, что ты мне посоветуешь?

Ахунд прервал его:

— М-м-м, я вас знаю. Да благословит вас аллах, вы обладаете мужеством Али. У кого чистая кровь, тот лопатками не коснется земли. Я советую ехать. Если тебя увидит Мехмандаров¹, поспешит прижать тебя к сердцу.

Бек решил, что приятель хочет спровадить его, чтобы потом самому овладеть Гумри. «Так нет же, старая лиса,— сказал он про себя,— не удастся тебе попользоваться Гумри! Не по зубам орешек! Где уж ослу понять вкус шафрана. Нет, извините!»

Был поздний час. Бек собрался уходить; никто его не задерживал. Ахунд был очень обрадован: ему казалось, что бек немедленно отправится воевать с армянами.

Пора была укладываться спать. Из уважения к Гумри ахунд приказал постелить себе в маленькой комнате. Гумри вышла во двор; проходя через сени, она услышала какие-то звуки, точно с крыши счищали снег. Но, войдя в комнату, поняла, что это ахунд почесывается в постели.

Он велел Ширин постелить для Гумри шелко-

¹ Мусаватский военный министр.

вую постель, говоря, «она—божий гость, надо быть с ней любезными».

Потушили лампы. Все затихло. Словно тяжелая нужда, сон закрыл дома черными крыльями.

Все живое сомкнуло глаза. Только серебряные часы ахунда с портретом шаха на крышке тикали в кармане его архалука.

Ахунду не спалось; лежа в темноте, он перебирал в памяти одно за другим все существующие в мире блага и пришел к выводу, что женщина—это «царица всех благ». В особенности такая, как Гумри—«королева красоты». Поистине—это настоящая гумри!¹ «Да буду я жертвой матери, давшей ей это имя!»

Ему показалось, что прочитанный вечером рассказ не остался без влияния на Гумри. Ее покорное молчание и почтительное поддакивание доказывали, что Гумри одобряла образ действия жены Абдулы.

Желательное предположение сильнее нежелательной истины!

Страсть сжигала ахунда.

«Каждую из быстротекущих минут используй по своему желанию».

Когда он вспомнил это двестише Омара Хайяма, ему показалось, что у него выросли крылья. Он встал; чтобы не производить шума, не стал

¹ Райская птичка.

одеваться; лишь набросил на себя ночной халат и вышел в переднюю. Взявшись за ручку двери, произнес молитву и осторожно приоткрыл дверь. Потом бесшумно, как вор, боком проскользнул в комнату, где спали женщины, и остановился, чтобы осмотреться. Если бы кто-либо проснулся, он притворился бы, что ищет спички. Убедившись, что все спят глубоким сном, он произнес еще молитву и лег на пол. Потянулся рукой к шелковой постели у окна; проведя рукой поверх одеяла, определил положение спящей. Затем, согрев руку подмышкой, осторожно просунул ее под одеяло; пальцы его коснулись теплых, мягких икр спящей; сердце у ахунда сильно забилося. Представилась ему Гумри, с ее нежным взором и чарующими глазами. Он хотел откинуть страх и благоразумие и обвиться поясом вокруг ее нежного стана. Но воздержался и вздохнул. Так как прикосновение его руки не встретило сопротивления, то он утвердился в убеждении, что вечернее чтение благотворно повлияло на Гумри и что она согласна принадлежать ему. Оставалось прочесть лишь молитву о временном браке, чтобы все было по закону!.

Довольный и радостный вернулся ахунд в свою постель. Опьяненный победой, он почувствовал прилив бодрости и сразу осмелел.

«Недаром меня называют «молла с повязкой!»—говорил он про себя.—Пусть Бебирбек

хоть головой об стенку бьется, а Гадир пусть сколько хочет воскресает. Все равно истина возьмет верх! Гумри, переносящая адские муки, будет, точно в раю, наслаждаться в моих объятиях. А если после этого она не захочет быть моей, это — неважно! Как говорят: «сорви цветок, отбрось шипы».

Однако, от этого сравнения его покорило. В самом деле, разве можно сравнивать белоокаменное, благоухающее тело Гумри с шипами? И опять ожили перед его взором ее прекрасные формы. На этот раз на ней не было ни чадры, ни одежды. Как обнаженная египетская статуя, стояла она и ждала свидания с ахундом.

Это придало ахунду мужества. «Как знать, — подумал он, — может больше не представится такой удобный случай? Зачем же зевать, почему не выпить еще живительной влаги, раз есть возможность?»

Он снова встал с постели и, не накрывшись ничем, быстро направился к шелковой постели, где должна была ждать с распростертыми объятиями Гумри.

Полез под одеяло, обнял женщину. Казалось, все окружающее завидовало ахунду. По двору пронесся ветер; что-то сорвалось с дерева и, упав, зазвенело. Прокричали петухи.

Ахунд боялся, что проснется его жена. Но он ошибался: ему следовало бояться собственного пробуждения. Но неизбежное случилось. Он

проснулся. С трудом оторвался от блаженного сна, раскрыл глаза и... так и застыл.

Женщина, которую он держал в объятиях, была его жена Ширин! (Обычно, он месяцами не подходил к ней, так как она ему была противна). Ширин удивилась поведению ахунда в эту ночь, но истинного смысла его не поняла.

Раздосадованный, сконфуженный, вернулся он к себе, проклиная сатану. Никогда еще не бывал он так обманут и посрамлен!

Одно лишь утешало его, что никто, кроме него самого, не знал, как жестоко он обманулся.

2

Воскресения Гадира в городе не признали, а за то, что он попытался воскреснуть, его посадили туда, откуда не было возврата.

Когда об этом было получено извещение «главы шариата», старшина взялся за дело. Всех приходивших к нему гостей он теперь угощал сладким чаем и жареным барашком. Начались усиленные приготовления к свадьбе.

— Ребята, — говорил он, — вы не смотрите на то, что я женат. Моя настоящая свадьба будет только теперь. Я женюсь на такой прелести, как Гумри. Чего там болтает Кысса-ханум? Я сделаю ее рабыней Гумри и заставлю прислуживать ей!..

Так говорил он для того, чтобы заставить замолчать злые языки, которые называли его «лжети десятилетним юношей».

Когда это дошло до ушей Кыссы-ханум, она чуть не лопнула от злости. В кровь разбила себе голову и, забрав троих детей, хотела босая уйти из дому, но ее удержала Гумри:

— Не бойся, Кысса-ханум. Мне совестно перед тобой и твоими детьми, но в то же время я удивляюсь твоей наивности. Будь у меня тысяча тел, и все покрыты паршей, и тогда бы я не допустила к себе Бебир-бека! Пусть эти приготовления не огорчают тебя. Эти приготовления—не к свадьбе, а к чьему-то трауру!

Кысса-ханум поверила словам Гумри, которая, точно арестант, была заперта в отдельную комнату. Верила она потому, что Гумри была честна, искренна и правдива. После этих слов Кысса почувствовала к Гумри симпатию; она заходила к ней, ласкала ее ребенка. Но чувство ревности и ожидание чего-то тревожного продолжали мучить ее. Ей было невдомек, чем кончатся эти приготовления: не то к свадьбе, не то к беде. Стоя на балконе и скрестив руки на груди, она глядела на предсвадебную суматоху и думала, думала...

В последнюю среду перед наступлением нового года бек раздал нищим рубль двадцать копеек. Вечером приказал Бездельнику зажечь за домом костер. Пламя разгорелось, все крутом окутало дымом. Пускали фейерверк, весело кричали. Дети и женщины с шумом и гамом прыгали через костер. Бездельник брал вилами горящие

колючие ветки и подымал кверху; золотые искры сыпались на землю.

Совершив омовение, бек вышел во двор; он хотел прыгнуть через костер, чтобы стряхнуть с себя все возможные неприятности. Подобрал полы и высунув язык, он разгреб палкой огонь и начал прыгать направо и налево, приговаривая:

„Гори, гори, чершенбе¹,
Дай мне счастье, чершенбе,
Возьми мою болезнь, чершенбе,
Дай мне счастье, чершенбе.
Боль и немочь уничтожь,
Счастье мое открой!..“

Обряд прыганья через костер ему удался, и он совершенно уверился в своем успехе.

Довольный собою, он оделся в новое платье и пошел подслушивать у дверей².

¹ Чершенбе—среда. Последняя среда перед наступлением нового года (весеннего равноденствия, новруз байрама) считается большим праздником.

² Под праздник загадывают что—нибудь и подслушивают у дверей (прим. ред).

11. УВЕРЕННОСТЬ

1

Гадир с Машади-Исламом очень спешили. Им не терпелось поскорее добраться до города, чтобы разоблачить проделки Бебир-бека и «моллы с повязкой». Уверенные в своей безнаказанности в этой глухой стороне, они и подобные им люди попирают закон и шариат и делают все, что им угодно. Нельзя терпеть это! Пусть те, кто издает законы, а также глава шариата узнают, что творят эти люди в селах над несчастным народом!

Прежде всего надо было явиться к шейх-уль-исламу. Пусть он собственными ушами услышит, что приходится терпеть беднякам.

Гадир шел, понунив голову, и думал: «Он повернет к нам свое светлое, благостное лицо и спросит нас участливо:

— Ну, какво живете? Не беспокоят ли вас бандиты и разбойники?

Откинув страх и смущение, я начну говорить и выскажу все, что у меня наболело. Я его уверю, что «молла с повязкой» думает только о своей утробе. Старшина, вместо того, чтобы защищать честь народа, прибегает ко всяким хитростям,

чтобы завладеть женами бедняков. Агсакаллы же села все заодно с ним, не хотят признать живым такого здорового мужчину, как я. Сами пишут бумажку, сами же подписывают, прикладывают печать, а меня не пускают в мой собственный дом. Какой шариат допускает это? Разве так говорит закон? Будь у меня деньги и возможность, я поехал бы в Баку и рассказал бы все Насиб-беку. Не стыдно ли было бы тогда вам?

Шейх-уль-ислам удивится, не поверит. Тогда я скажу:

— Пошли с нами кого-нибудь, пусть он поедет и собственными глазами убедится, что я говорю правду. И вы, во имя нации и ислама, накажите этих изменников, чтобы другим было неповадно!»

Машади-Ислам, что-то говорил, но Гадир не слушал его.

Наконец, они добрались до города. Был дождливый день. На тротуарах грязь была по колено. Увязая в ней, они с трудом продвигались вперед. Проезжавшие фаэтоны обдавали их брызгами. Люди, подобрав полы, пробирались осторожно, как кошки, боящиеся замочить лапки. Они спешили в мечеть, рассчитывая найти там шейх-уль-ислама. Гадир шел, хлюпая по лужам и брызгая грязью на прохожих. Те кидали на него сердитые взгляды и кричали:

— Осторожней, ты, деревенский осел!

Гадир не обращал на это внимания; через две минуты он должен был в присутствии шейх-уль-ислама доказать, кто именно осел.

Из мечети они вернулись разочарованные: оказалось, что шейх-уль-ислам поехал на свадьбу каких-то беков и не скоро вернется.

— Пойдем прямо к приставу, — сказал Машади-Ислам.

Делать нечего, Гадиру пришлось согласиться с его предложением. Канцелярия пристава находилась на площади, рядом с городской думой. На расспросы путникам ответили: «Управление Элес-бека?» и указали, как пройти к нему. Дойдя до него, они увидели у дверей целую толпу, которая под дождем ждала приема. В дверях стоял городской, впускавший просителей. Господа с длинными усами, в серебряных погонах входили без очереди и с беспечным смехом выходили оттуда.

Сидевшие в очереди у стены крестьяне держали в руках какие-нибудь приношения. На многих из них был наложен штраф. Были тут и пришедшие с жалобой. Одни были с хурджунами, другие принесли барашков, турачей и т. д.

Только теперь спохватился Гадир, что он явился с пустыми руками.

— Давай вернемся!.. — шепнул он Машади-Исламу, заранее зная, что их прогонят с позором. Но тот не согласился:

— В чем дело? У одного есть — приносит, а у другого нет. Он — наш начальник. Кому же мы можем рассказать о наших нуждах и горе, если не ему? Пусть услышит и увидит, как тяжело нам приходится. Разве дают нам возможность приходить с полными руками? С голоду мне подвело живот. Что же я мог принести, чужак ты этакий!

Нищая женщина, с истощенным, голым ребенком на руках, прислонясь к наружным дверям, просила милостыню. Но всем было не до нее. Городовой, закрывая дверь, сердито кричал:

— Иди, иди, бог подаст!

Женщина щипала ребенка, тот отчаянно визжал, а она нарочно хриплым страдальческим голосом умоляла:

— Пожалейте, с голоду помирает!

Гадир был самый последний в очереди. Городовой, окинув его взглядом, спросил:

— А у тебя что же, ничего нет с собой?

— Нет, ничего нет, — ответил Гадир.

Очередь уже подходила к ним. Чтобы предстать перед приставом в приличном виде, они застегнули пуговицы и оправили на себе одежду. Сердце Гадира сильно билось. Он повторял про себя свою жалобу, чтобы не растеряться. Но городской, взяв в руки ружье и укрепляя на задвижку одну половинку двери, объявил:

— Прием кончен. Кто не попал сегодня, пусть придет завтра!..

С этими словами он вошел в дом, а путники, огорченные и раздосадованные, вернулись обратно.

На следующее утро, чуть свет, они торчали у дверей канцелярии пристава. На этот раз день выдался погожий, показалось солнце; но дул северный ветер, и было очень холодно. Стараясь согреться, они переступали с ноги на ногу. Не было настроения говорить. Почему-то в такое время человеку минута кажется целым годом. День, как в месяц поста, тянулся бесконечно долго. Скоро выстроился целый хвост просителей. Сего дня, кроме простолюдинов и крестьян были и «казенные» люди. Один из них, старик в чохе старинного покроя, с засаленным воротником и в потертой бухарской папахе, говорил о высоких материях. Один из багманлярцев, стоявший около Гадира, шепнул ему на ухо:

— Это — служитель нации, Машади-Фарзали.

Гадир стал внимательно разглядывать его. Под глазами у того были черные круги, кончик носа красный, как перец, губы толстые и отвислые; в мутных глазах заметно какое-то волнение, хотя трудно было понять, чем оно вызвано. Гадиру показалось, что забота о нации причиняла ему массу хлопот. От частого повторения слова «нация» у него вытянулась шея. Подошли нищие, прося подавания. Кто-то полез в карман и дал им два пятака. Но «служитель нации» вдруг рассердился.

— Эй, любезный, не давай милостыни! Брат мой, не давай! Господин мой, не давай!

Все обернулись к нему. Он напустился на давшего подавание и, размахивая руками, говорил так громко, как-будто произошло что-то особенное.

— Господин мой, отдаешь ли ты себе отчет, какой поступок ты совершил? Если у тебя завелись лишние деньги, так купи кислого молока и вылей себе на голову! О, несчастная нация! Когда ты проснешься?.. Дай милостыню Вартазару, подай Амбарцуму, подай Айкануш! Пусть они привыкают! Пусть нищими будут враги религии! Но зачем вы приучаете к попрошайничеству своего же брата—мусульманина?! Не довольно ли? Такие вот, как вы, и сделали нацию несчастной! Глупцы!..

Хотя и наступила очередь Гадира, но почему-то проходили другие. Гадир посмотрел на городского, хотел что-то сказать; тот понял без слов и отвел глаза. Машади-Ислам шепнул Гадиру на ухо.

— Надо что-нибудь бросить в пасть этой собаке, иначе нас не пропустят.

Гадир показал городовому порванную десятирублевку; тот зевнул, повернулся к нему боком, и Гадир незаметно сунул бумажку в его карман. Делая вид, что достает папиросу, городской проверил карман, после чего пропустил Гадира с товарищем.

Вот он—Элес-бек, этот, сидящий против них! Красивый, статный мужчина с холеными закрученными вверх усами и черными блестящими волосами. Около него сидели двое: один с проседью, в мохнатой шапке; его длинное, черное, как сапог, лицо показалось Гадиру знакомым. Из задней комнаты то и дело входили и выходили изящно одетые женщины, а также писаря.

Элес-бек не обращал на них внимания, как будто не замечал никого. Он был занят беседой с женщиной в мохнатой папахе. Гадир с товарищем стояли у дверей, сложив руки на животе. Пришла одна ханум. Элес-бек прервал беседу, проводил ее. Затем вошел городской и доложил, что в лесу нашли два трупа. Элес-бек мотнул головой и пробурчал:

— Отправить в мечеть!..

С криком и воплями в комнату ворвалась женщина в черной чадре. Вбегая, она так сильно ударилась плечом об Гадира, что, глот чуть не налетел на пристава. Не говоря ничего, она бросила перед Элес-беком какой-то сверток. Машади-Ислам, вздрогнув, пробормотал: «О-о-о!» Испугался и Гадир, думая, что это бомба; чего доброго еще заподозрят их в соучастии. Но оказалось, что это—ребенок. Упав на стол, он запищал слабым, слабым голосом. Бросив ребенка, женщина начала горько плакать. Мужчина с проседью поставил кальян на пол; Элес-бек в недоумении смотрел на женщину.

— Что случилось, женщина, в чем дело?

— Скажи же, сестра!..

— На что ты жалуешься?

— Не плачь! Говори, не бойся!

Она заговорила то-опливо, прерывающимся голосом. Оказалось, что ее мужа и брата послали на войну «за нацию и религию», и сегодня она получила известие о том, что оба убиты.

— Три дня я голодаю, ребенок умирает, никто не хочет помочь; из присутственных мест гонят!

Мужчина с проседью улыбнулся.

— Послушай, ты, мусульманка! Ты еще молода. Мужчин на свете много, выйди за кого-нибудь замуж, и все тут!

А Элес-бек, махнув рукой, сказал:

— Времена, сестра, тяжелые. Мы тут о нуждах нации печемся, а ты приходишь с какими-то грошовыми расчетами! Иди, иди!

По его знаку городские вывели женщину; один из них подхватил ребенка, завернутого в грязные тряпки, и передал его матери; ребенок снова запищал.

Видя, что так они могут простоять до бесконечности, Гадир мигнул Машади-Исламу:—надо, мол, действовать!

Сделав шаг вперед, они оказались перед приставом. Представив ему приказ, выданный старшиной, и паспорт, Гадир стал излагать свою жалобу, стараясь говорить по возможности ясно.

— Прошу вас рассмотреть мое дело по закону. Какое имеет право старшина отнимать мою жену? Как говорят, если я и умирал, то теперь ожил и не позволю, чтоб надо мной чинили такое беззаконие!..

— Что ты там говоришь, не понимаю.

Слова Элес-бека ошеломили Гадира.

— Разреши, я начну сначала.

— Говори!

Все трое слушали со вниманием.

— У меня жалоба. Я поехал на службу на эй-лаг, на казенную службу. В деревне пустили слух, что я умер. Вот тот самый старшина Бебир-бек, что расписался здесь...

Повидимому тон, слова и жесты Гадира не нравились Элес-беку.

— Ну, и что же ты хочешь, что? — прервал он Гадира.

Тот опять смутился. Чуть язык не отнялся.

— Разреши, я начну с самого начала.

Элес-бек сделал кислое лицо.

Мужчина с проседью поджал губы, потом оба сразу закричали:

— Что же ты хочешь, что?

— Я хочу сказать, что я ожил и не позволю такому волку, как Бебир-бек, трогать мою семью!

Как у него вырвались эти слова, он и сам потом не мог объяснить. Должно быть, это случилось потому, что человек, на которого он возлагал столько надежд, обманул его ожидания.

Он был красен и взволнован. Он был готов на все.

Элес-бек, оттого ли, что почувствовал раздражение Гадира, или по какой-либо другой причине, ударил кулаком по столу, встал, посмотрел на товарищей, рванулся вперед, точно хотел перевернуть весь мир, и громко позвал:

— Эй, Мири-бек, Габиб, сюда!

Мужчина с проседью, приблизив лицо к его уху, что-то шептал ему, прикрывая рот рукой, чтобы другие не слышали.

Машади-Ислам, отступив назад, хотел незаметно улизнуть. Гадир замер на месте, не зная, чем объяснить такое поведение пристава. Тем ли, что проситель нарушил здешние порядки, или Гадира приняли за другого. А может он неосторожно проговорился.

Открылась внутренняя дверь, и вошли несколько человек в бурках; одни с оружием, другие — без; это были люди Элес-бека.

— Слушайте! — сказал он им и повернулся к Гадиру. — Говори!..

— Что сказать?

Мужчина с проседью рассердился и заорал на Гадира:

— Жалобу, жалобу свою выскажи!

— Разреши начать сначала.

— Только поживее!

Гадир обрадовался, решив, что его слова подействовали на Элес-бека. Ему показалось, что

пристав хочет довести до сведения этих людей о безобразиях, которые творятся в селах, и дать им соответствующие распоряжения. Вот, когда он расправится с этими злодеями—старшинами! Так им и надо!

И Гадир заговорил еще смелее и громче:

— Да будет бек здоров! Я хотел сказать, что меня сочли за умершего и разорили мой дом и имущество. Старшина совершил брачный акт с моей женой. Я пришел доложить вам. Удостоверьтесь, что я жив. Ни один сукин сын, не при вас будь сказано, не имеет на это права. Разве у батрака нет чести? Что это за ислам, что за игра в нацию?..

Не успел Гадир досказать, как бек загремел:

— Молчать, оwoлочь!

Гадир смолк. Воцарилась полная тишина. Все смотрели на Гадира, а тот—на бека.

Гадир хотел было попросить прощения, спросить, в чем он провинился. Но бек, шагнул вперед, заложил одну руку в карман, вытянул другую и, оглядев Гадира с головы до ног, сказал, обращаясь к своим людям:

— Нет, вы посмотрите! Видите? Нет, вы на его голову поглядите, на уши, нос, рот! Ожил!..

И, переменяя тон, заорал, как бешеный:

— Кто оживил тебя, свиное отродье, кто? О, праведный аллах!

Один из присутствующих, с коротко остриженной бородой, страдавший одышкой, добавил:

— Эй, ты, мусульманин! Жалкий мусульманин! Такого бы, как ты, мусульманина вниз по реке пустить, да вверх на поиски отправиться... Скажи, бритая рожа, уж не русский ли воскресил тебя? Каким образом Николай стал для тебя таким мудрым мучителем? Ах, ты, волосатый прихвостень русских!

Мужчина с проседью вышел из себя и ударил папашой оземь. Когда голова его заблестела, как луженый котел, Гадир сразу узнал его и вспомнил пощечину, полученную от него в горах. То был Машадн-Сулейман, который, видимо, давно узнал в жалобнике человека, свалившего его тогда одним ударом. Устремив на Гадира голубые глаза и скрежеща зубами, он завопил:

— Ах, ты, негодяй! Это тебе не горы! Сын палшивета и сам палшивет!..

Обратившись к беку и переменяя тон, добавил:

— Эту лису я давно знаю!

Затем снова повернулся к Гадиру и стал разглядывать его.

— Палшивет!

В это, мало понятное для Гадира, слово он вкладывал всю свою ярость, все негодование. Он даже подпер руками бока, весь затрясся, подпрыгнул. Слово вырвалось у него, как пробка из бутылки со скисшим квасом, и пронеслось над головой Гадира..

Заговорили и остальные. Слышны были возгласы:

— Надо выпустить ему кровь!

— Отрезать ему язык!..

— Неужели все еще живы эти изменники?..

Гадир поднял руку, собираясь возражать, спросить, в чем его обвиняют. Но пристав с такой силой ударил по столу линейкой, что у Гадира в ушах зазвенело.

— Уберите с моих глаз этого мерзавца большевика! Я велю вырвать у тебя язык, тогда «воскреснешь»!

Гадир остолбенел от изумления. Он впервые слышал это слово «большевик», которого все эти господа боялись, как меча. Оно сильно заинтересовало его. «Надо расспросить, понять это слово», — решил он про себя.

2

С того дня их лишили дневного света. Сперва отвели в подицию; десять дней продержали в подвале во дворе караван-сарая. Там была собрана самая разношерстная публика. Они нашли здесь Султан-Али. По его словам, с тех пор, как он убежал из села, уже второй раз попадал в руки полиции. Первый раз его отпустили на поруки, теперь же держали строго, даже во двор не выпускали.

Гадир сказал ему, что очень интересуется значением слова «большевик» и что хотел бы узнать,

кого так называют и почему беки так боятся этого слова. Султан-Али отвел Гадира в сторону и стал шептать на ухо:

— Большевики стоят за бедноту, любят бедняков. Мы покажем богатым. Ты в партию записался?

— Что такое партия?

Султан-Али стал объяснять Гадиру:

— Бедняки объединяются против беков. Рабочие создали свою партию, надо вступить в нее. В ней много известных, пользующихся влиянием людей. Все они стоят за правду. В России рабочие подняли знамя восстания и стали большевиками. Сбросили власть богачей и прогнали их. Мы здесь хотим сделать то же самое. Из Баку к нам тайно приезжают товарищи, учат нас и помогают.

«Большевик!»

Это слово показалось Гадиру добрым врачом, ласково смотревшим на его скорбное лицо. Ему хотелось пожать руку этому врачу; желание стать под красное знамя стало отныне самым сильным желанием Гадира.

Гадир вспомнил, как непростительно наивен был он до сих пор, как легко поддавался обману. Ему стало стыдно. «Почему, — думал он, — вот эти, мои дорогие и отважные товарищи, вроде Султан-Али, не упрекают меня за мои глупые поступки? Почему не плюют мне в лицо, говоря:

— Глупый ты, глупый! Полжизни уже прожил,

а все еще не научился узнавать врага! От Бебир-бека ждешь благородства и милосердия?

Они не бросают мне такого упрека, но я сам сознаю мою оплошность, и потому мне еще тяжелее».

Его радовала дальновидность Султан-Али; ненависть и презрение к Бебир-беку с каждым днем росли и крепили в его душе. И он жаждал превратиться в орла, полететь туда, в село, и острыми когтями растерзать его сердце.

Машади-Ислам был очень печален. Его больше, чем даже Гадира, волновало то, что в таком критическом положении Гумри осталась без помощи. Им помог Султан-Али; он что-то сунул в руку городского, и, так как Машади-Ислам не был, в сущности, ни в чем виновен, то ему помогли, и он был освобожден.

Тотчас же по освобождении он должен был отправиться в село за Гумри.

3

Гадир кончил свое печальное повествование.

—Что случилось дальше, не знаю,—проговорил он в заключение.—На следующее утро меня доставили в эту тюрьму. И я так рад, что встретился тут с вами...

В камере воцарилось долгое, напряженное молчание.

Трагедия Гадира глубоко тронула слушателей, повергнув их в тяжелую задумчивость. Молчал и Гадир.

Первым заговорил Гияс.

—Милый друг, да это настоящий г'оман!—воскликнул он.

Снова воцарилось молчание.

Все были заняты одной мыслью, каждый по-своему повторял в уме одни и те же слова:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни царь, ни бог и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!..»

Когда Гадир впервые услышал эти слова от Гияса, он очень заинтересовался ими.

—Какой поэт сочинил эти стихи?—спросил он.

Гияс улыбнулся:

—Это сочинил поэт-поэтов. Это—произведение людей с мозолистыми г'уками. Я отведу тебя в одно место, где ты еще и не то услышишь!

Гадир попросил его еще раз спеть.

И они хором, вполголоса, еще раз пропели эти стихи.

12. ПОЖЕЛАНИЯ

В этот день кончался срок Гияса, и его должны были освободить из тюрьмы.

— Я ухажу,—шепнул он на ухо Гадиру,—но в канцелярию не заявлюсь и не г'аспишусь в книге об освобождении. Сп'ячь в каг'ман это удостоверение, п'ими мое имя. Завт'а поймай дело. вода и попг'оси его... Я буду в депо, напг'отив хлопкового завода. Буду ждать. Как выйдешь, г'азыщи меня. Пока!

Прятели расцеловались, как братья, и простились. В эту ночь Гадир не мог уснуть от радости.

На утро он наседа на караульного:

— Мой срок еще вчера истек. Почему не докладываешь? Или хочешь, чтобы я сгнил здесь?..

Караульный ничего не ответил и пошел за делопроизводителем.

— Господин, мой срок кончился вчера. Комендант вчера сам сказал. У меня так разболелся живот, что я не узнал, когда освобождали других. Прошу освободить меня.

Делопроизводитель заглянул в списки.

— Гияс Демиров?..

Место для росписи против этой фамилии было пусто. Он посмотрел на удостоверение и, подвинув список к Гадиру, сказал:

— Распишись!..

Гадир обмакнул палец в чернила и приложил к указанному месту.

— Эх, ты, пачкун!—сказал презрительно делопроизводитель и, позвав караульного, приказал:

— Отбери у него казенные вещи

Гадир поверил в свое освобождение, только переступив через порог тюрьмы. И дал ходу, все прислушиваясь. Боялся: вдруг караульные погонятся за ним, вернут обратно и начнут бить прикладами по спине, говоря: «Куда бежишь? Ты кого хочешь обмануть?..»

Лишь выйдя на одну из самых отдаленных улиц, он сел на камень и свободно вздохнул.

Близилась весна. Снег уже сошел. Изумрудное небо было чисто и прозрачно, как родниковая вода. На деревьях набухали почки.

Гадир направился к месту, где была назначена встреча с Гиясом. Шел, жадно разглядывая все кругом; хотел увидеть что-нибудь новое, но все было, как раньше. Так же шли на базар гурты навьюченных ослов; проезжали извозчики; у арбы со сломанным колесом стояла измученная кляча и, повернув морду к солнцу, вздыхала, словно раненая. Сгорбленные нищие ожидали милостыни. Медленно ступали, переваливаясь, женщины.

ны в черных чадрах, похожие на ворон. Должно быть, шли из дома, где был покойник, или с траурного собрания. Ничего не изменилось за эти четыре месяца.

Гадир, отвыкший в тюрьме от ходьбы, оставался на каждом шагу. Беспокойство о Гумри, тревога за нее сказывались на воле сильнее, чем когда он был в тюрьме. Но нечто новое подавляло в нем все прежние чувства и желания.

«Борьба, мщение!..»

Он зашагал на станцию к Гиясу, дружба с которым, казалось, скинула с его глаз какой-то покров. А может быть, то был не просто покров, а толстая кора, выросшая на его сознании за долгие годы холода, голода, нужды и унижений. И стоило соскоблить эту кору, как он почувствовал себя проснувшимся, его представления и мечты приняли совсем иной облик.

«Никто не даст нам избавленья,
Ни царь, ни бог и ни герой!..»

Эти слова, горячо и страстно произнесенные Гиясом, понравились Гадиру, как мелодия самой жизни. Он не мог представить себе беков и старшин, лишенных власти. Ведь у них были стражники, городовые, аскеры, оружие, все это—огромная сила, которая будет препятствовать осуществлению его сладких надежд! Но пусть борьба будет трудная и долгая,—он ни за что не откажется от своих надежд!

13. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

1

Заиграла музыка. Началась пышная свадьба, достойная высокого положения бека.

Громкая молва об этой свадьбе давно перелетела за заборы села Гобулар. Из дальних мест приехали беки в поясах, отделанных слоновой костью, гаджи в хорасанских шубах и в архалуках из дорогой шали, сельские головорезы, грудь которых была сплошь покрыта патронташами.

Зурну сменял саз, услаждавший слух людей, повествуя в нежной мелодии сказку о принце Абдул-Азиме...

Каждый, входивший в гостиную Бебир-бека, до потолка увешанную коврами, тотчас же забывал о внешнем мире, попадая под чары чудесной музыки.

Как только стихала музыка, раздавалось щелканье бича распорядителя свадьбы.

—Подать сюда сына Гаджи-Курбана! Штраф шестьдесят рублей!

Приказ распорядителя — закон. Деньги взимаются, бубны наполняются, карманы опустошаются. Кто радуется, а кто и досадует. Аромат

шафрана, долетающий на улицу, останавливает прохожих. Повара с засученными рукавами суетятся вокруг котлов; топят масло, подбрасывают в огонь дров, режут лаваш, раскладывают тарелки, моют зелень, чистят лук...

Иное видит Гумри. В маленькой комнате на столе стоят парные лампы, дорогие зеркала, цветочные вазы, флаконы с духами. Все это ждет церемонии обрядов Гумри. Ее должны украсить и нарядить, как жертвенного барашка, чтобы отдать на растерзание лютому волку. Гумри ничего не чувствовала и не сознавала. Ей хотелось превратиться в камень или растаять, как свеча. Последняя надежда ее была на Машади-Ислама.

Жене Машади-Ислама, Мелек-Нисе, было поручено нарядить и приготовить невесту. Она еще с вечера просила бека, чтобы никто не входил в комнату, где будет происходить обрядов невесты.

— Посетители страшно мешают! — говорила она. — Если хочешь, чтобы я сделала все, как предполагается, и чтобы ты, заключив Гумри в свои объятия, сказал: «Молодец!» — прикажи не беспокоить меня! А то растеряться можно. Предоставьте невесту мне.

Бек так и сделал. Никого, даже кошку, не впускали в комнату Мелек-Нисы. Лишь в сумерки, в разгаре свадебного пиршества, Машади-Ислам кашлянул под окном:

— Кхэ, кхэ!..

Тогда Мелек-Ниса, передав Гумри ребенка и потушив свет, шепнула:

— Беги!

Машади-Ислам, появившийся, как темный призрак, что-то прошептал и, схватив ребенка, исчез из виду. Ребенок сладко спал. Биение сердца Машади-Ислама, его осторожная, но торопливая поступь словно убаюкивали мерно дышавшего ребенка. Гумри следовала за ним. Малейший шорох, каждая мелькнувшая тень пугали ее, вызывая в ее душе тревогу и подозрение.

Не прошло и пяти минут, как они были за селом.

Мелек-Ниса снова зажгла лампы. От волнения у нее тряслись руки, подгибались ноги. Когда кто-то, открыв дверь, заглянул в комнату, она вздрогнула.

Увидев Бездельника, попросила:

— Брат Агабала, пожалуйста, позови Гумри.

Тот не расслышал. В предвкушении вкусной еды, он торопливо прошел в кухню.

Прошло полчаса. Еще громче заиграла музыка, еще больше собралось народу, стало еще шумнее и веселее. Далеко за полночь затянулась свадьба Бебир-бека.

Мелек-Ниса еще раз подошла к дверям.

Деревенские девушки с толстыми косами, в красных кофтах и фиолетовых платках толкались

у входа, желая разглядеть музыкантов и танцующих. Попрежнему пахло шафраном.

Была мягкая, звездная ночь.

Мелек-Ниса окликнула жену Бездельника:

— Послушай, Физзе, где же подружки? Чего не идут? Пора ведь!

К ней подошла Мина, доверенное лицо бека. Мелек-Ниса взяла ее за руку. Та на радостях обняла и расцеловала ее.

— Ах ты, чертовка! Ты должна поделиться со мною подарками! Я тоже поделюсь с тобой. Дай бог здоровья беку! Где еще найдешь другого такого щедрого человека!

— Послушай, Мина, позови Гумри. Пора одевать ее.

— Где же она?

— Только что вышла во двор.

Мина стала искать в толпе женщин, обошла весь дом, но Гумри нигде не оказалось. Позвала жену Бездельника, и они вместе вошли в гостиную, поискали во всех потайных местах. Ни Гумри, ни ребенка не было.

Послали человека в дом Гумри. Он тоже вернулся ни с чем. Еще раз обошли все комнаты, обыскали везде, где только можно было. Нет и нет! Не прошло и часа, как слух о бегстве Гумри распространился по всей деревне.

— Гумри бежала!..

Эта весть, как орел, пронеслась над всеми и

прервала празднество. Словно камень с неба, она поразила всех.

Песнь ашуга замерла на его устах.

Палочка барабанщика выпала из рук.

Зурначи, набрав воздуха, так и остались с надутыми щеками.

Танцор застыл на месте.

Кысса-ханум, уединившись в уголок, с трудом скрывала свое злорадство

Повар, видя переполох, поспешил отправить в рот петушину ляжку и, наполнив большую миску топленным маслом, шепнул жене:

— Не зевай!

Свадебный распорядитель нахмурился. Воспользовавшись тем, что взоры всех были устремлены на дверь, хапнул горсть денег из бубна и поспешно спрятал в рукав чохи.

Жена Бездельника, войдя в комнату невесты, схватила пудру, флакон с духами, коробочку с блестками и унесла к себе:

— Может, бек еще раз женится, пригодится!..

Еще пять минут тому назад предмет всеобщего внимания и лести—Бебир-бек теперь напоминал мокрую курицу. Как потерянный, ходил он среди взволнованных гостей.

Месяцами лелеемая страсть превратилась в камень. Кто-то, подняв его, бил бека в висок, в висок. От этих ударов он был совершенно оглушен, ничего не слышал, ничего не соображал. У

него кружилась голова, как у человека, очутившегося летом в Евлахе.¹

Видя, что свадьба расстроилась, музыканты пристали к Машади-Джангиру:

— Ай, машади, нам далеко итти, сделай милость, скажи, чтоб нас рассчитали. Бог даст, невеста найдется!

Машади-Джангир был вне себя от негодования. Чтобы еще лучше доказать свою преданность Бебир-беку, он вышел на балкон и три раза выстрелил в воздух.

— Идемте! Кто со мной, пусть идет!..

Бебир-бек, а за ним и его племянники сели на коней.

— Пусть покроется бесчестьем эта папаха, если...

Разделившись на три партии, всадники тронулись в разных направлениях.

Машади-Джангир наказал всем не шуметь, чтобы не вспугнуть беглецов, которые могли спрятаться, пользуясь темнотой.

Бебир-бек и Машади-Джангир с товарищами поскакали по шоссе.

Мрак густел, становилось холодно. На полях лежала мертвая тишина.

¹ Железнодорожная станция на болотистой низменности. Страшная жара, духота и комары делали невыносимым пребывание в этой местности. Ныне она оздоровлена и благоустроена.

Отведя Гумри далеко от села, Машади-Ислам хотел было спрятать ее в кустах, чтобы обмануть и отвести погоню. При нем была берданка с семью патронами, которые он берег на самый крайний случай.

Немного подумав, он решил, что ребенок может выдать их своим плачем и что лучше укрыться в каком-либо доме. Они спустились к селению Каграманлы и по тропинке пошли к домам. На них набросились собаки. Ребенок проснулся и начал кричать; Гумри растерялась от страха. Машади-Ислам успокаивал ее, говоря:

— Не бойся, сейчас выйдет хозяин дома.

Они постучались в один из домов. Собаки не отставали; загнав путников к стене, казалось, хотели съесть их. Держа в одной руке ружье и отгоняя им собак, Машади-Ислам другою стучал в дверь.

— Кто там?— слышалось из дому.

— Откройте! Мы гости божьи!

— Проходите, проходите! В такое позднее время гости не приходят!..

— Открой, хозяин, мы сбились с пути!

— Проваливай, не то плохо будет. Кого надуть хочешь? Не на таких напали!

И говоривший, щелкнув затвором ружья, подошел к окну. Гумри затряслась и заплакала. Машади-Ислам стал клясться и поднял ребенка, чтобы показать его.

— Братец, клянусь Хазрат-Аббасом, мы не те, за кого ты нас принимаешь! Разве не видишь женщину с ребенком. Вот грудной ребенок. Открой же дверь, пожалей, дитя совсем заоченело от холода!..

В доме стихло. Потом послышался шопот. Должно быть, хозяин советовался с женой.

Тогда заговорила Гумри:

— Братец, мы вырвались из волчьих когтей, пожалей нас!

Из дому выбросили коробку спичек:

— Зажгите, посмотрим, кто вы такие.

Машади-Ислам зажег спичку и осветил сначала себя, потом Гумри с надрывно плакавшим ребенком. Взглянув на побледневшее личико Фахир, вымокшее от слез, Гумри не сдержалась и тоже заплакала.

— Брось ружье в сторону!.. — приказали из дома.

Машади-Ислам бросил ружье и, подняв вверх руки, сказал:

— Если не веришь, брат, выйди, убей меня, сделай со мной, что хочешь, только пожалей женщину и ребенка.

Послышался женский голос. Им открыли. Первой вошла Гумри с ребенком на руках. Хозяйка зажгла лампу и, внимательно оглядев их, успокоились. Машади-Ислам сел и закурил папиросу.

Когда двери снова заперли, и собаки затихли, опять воцарилась ночная тишина. Только сер-

где Гумри билось попрежнему тревожно. Хозяйка дома—женщина средних лет, была матерью двух детей. Она пристала к Гумри с расспросами, откуда они и куда идут.

— Мы пережили много горя, сестра. Утром я все тебе расскажу,—сказала Гумри, чтобы поскорее отделаться от нее.

2

Всадники, прорывая ночную тьму, обрыскали всю местность. Они искали жертву, которая исчезла, словно голубь, вырвавшийся из когтей лисы. Казалось, непроницаемо черный небосвод, соединившись с землей, нарочно образовал темную завесу, чтобы укрыть Гумри, пока не появится солнце. Чтобы поддержать в сердце старшины надежду, всадники не прекращали поисков.

— Да не буду я сыном своего отца, если сейчас же не найду ее, как раненую птицу!—говорили одни.

Другие же, вспоминая оставленную дома теплую постель и жену, проводящую бессонную ночь, думали:

«Чорт бы его побрал! Неужели искать его жену—тоже обязанность крестьян?»

Двигаясь по направлению к Куре, другой отряд доехал до Хамарлы и здесь остановился. По словам мельника, сюда приходила какая-то

женщина, но кто она, он не знал. Накинув на себя выпачканный в муке тулуп, он вышел и показал им дом, где укрылась женщина.

Сорвав дверь с петель, вооруженные люди ворвались в избу. Послышались плач и вой.

— Не бойтесь, сестры,—начал главарь отряда Алекпер,—нам нужна ваша гостья. Выдайте ее нам, и мы не тронем вас!

Хозяин дома, старик, встал с постели и начал просить пощадить гостью. Хозяйка же, желая избежать неприятностей, тотчас же показала на нее и сказала:

— Вот она! Мы ее не знаем! Берите и уходите!..

Подхватив женщину, они поволокли ее во двор. Алекпер был очень рад, так как был уверен, что за эту удачную находку Бебир-бек ничего не пожалеет. Но когда зажгли спичку и поднесли к лицу женщины, то увидели рябую черную цыганку, с фальшивыми родинками. Она скалила зубы, не понимая причины этого шума и возни.

— Что вы, что вы? Разве это Гумри?—раздались удивленные восклицания.

Женщина приняла их за любителей гаданья.

— Дайте, я вам погадаю. Счастье ждет вас, эй, смелые игиты!

Разочарованные, сконфуженные всадники хотели бросить ее и вернуться.

Но Алекпер подумал:

«Может быть, это—Гумри и лишь притворяется?» Он поделился этой мыслью с товарищами, но те не поверили.

— Да нет же! Не может быть, чтоб Гумри была такая рожа!

— Что ты, дорогой. Если б это была она, разве Бебир-бек обратил бы на нее внимание?

Но Алекпер не послушал их и решил забрать с собой женщину и показать ее Бебир-беку. Он посадил цыганку на коня позади себя. Поехали назад. При каждом толчке женщина все плотнее прижималась к Алекперу. Это будило в нем смешанное чувство удовольствия и досады. И сам он невольно откидывался назад.

Всадники, поехавшие по верхней дороге, вернулись к утру ни с чем. Они надеялись, что, может быть, другим удалось напасть на след беглецов.

Партия, которую вел Бебир-бек, обрыскала всю дорогу в город. Прислушивались к малейшему шуму, прослеживали до конца каждый след, но все тщетно.

Бебир-бек молчал, не то от огорчения, не то от злости или стыда. Его раздраженные, взбудораженные мысли неизменно возвращались к атлас-

ным, беломраморным и нежным, как шамам, грудям Гумри.

Он не мог взять в толк, почему Гумри отвергает его.

«Дом у меня—полная чаша. Ешь, одевайся, пользуйся всем, что твоей душе угодно. Сам я—бек, над всем селом старший. Во имя чего же она, отвергая меня, льнет к тому голышу?»

Вспомнились слова Чепель-Саялы:

«Ее любовь перешла на ребенка. Не будь этого, ничего не стоило бы зажечь в ней любовь к тебе».

Машади-Джангир из кожи лез вон, чтобы доказать свою преданность Бебир-беку в эти трудные для него минуты: въезжал на коне в самую чашу колючих кустарников, злобно хлестал плетью по деревьям, сбивал птичьи гнезда, искал Гумри.

Ночь умирала. Горизонт светлел. Небосклон расцветал, как абрикосовое дерево. Всадники были довольно далеко от села. Уже со стороны города доносились слабый скрип ароб и шум мельниц.

Утомившись, они повернули коней. Вдруг впереди послышался чей-то голос. Придержав лошадей, прислушались.

—Токууш!.. Эй!.. ошш!.. — кто-то погонял осла.

Всадники подождали. Погонщик приближался. Он ехал из близкого села в город.

Увидев верховых и приняв их за разбойников, он хотел бежать. Но Машади-Джангир, направив на него ружье, заставил остановиться.

—Сегодня ночью похитили женщину. Ничего не слышал об этом?

Перепуганный крестьянин поспешил сказать правду:

—В наше село Каграманлы в полночь пришли какие-то люди. Собаки долго лаяли. Кажется, они остановились в доме абушлинцев. Спустились по той вот тропинке. Это будет четвертый или пятый дом. Там вы найдете их...

Казалось, Бебир-беку дали жизненного эликсира. Поблагодарив его, всадники погнали коней.

Машади-Джангир в пять минут доскакал до селения Каграманлы. Светало. В селе кое-кто был уже на ногах. Узнав от выезжавшего из села аробщика, где дом абушлинцев, они направились к нему.

3

Гумри провела ужасную ночь. Ей казалось, что горы, доли, все окружающее, превратившись в огненную лаву, залило ей грудь. Жизнь представлялась ей чашей, полной яда. С каждым вздохом она пила глоток этой отравы, но почему-то не умирала.

В эту темную ночь, когда за ней гнались преследователи, она не могла, конечно, сомкнуть глаз. Гнетущая тревога томила ее. Укрыться в доме беззащитного крестьянина—значило ли это спа-

стись? Мрак и мертвая тишина ночи еще больше усиливали ее тоску. Ни на небе, ни на земле не было никого, кто бы мог помочь ей в ее горе.

Под мрачным небосводом, свидетелем тысяч трагедий на земле, пропитанной кровью и поросшей колючками, единственным существом, протянувшим ей руку помощи, был Машади-Ислам. Этот простой, одинокий человек ради чести Гадир — своего товарища по труду и борьбе, во имя благополучия таких же, как он, одиноких и угнетенных бедняков, бросил все, что имел, и не остановился даже перед тем, чтобы пожертвовать жизнью.

— Не бойся, Гумри! Пока я жив, не бойся! Пусть я один и беспомощен, но я все-таки жив. Я готов отрубить поганые руки, которые потянутся к тебе. Не бойся! Я надеюсь, что к утру доставлю тебя в город к друзьям, защищающим обиженных, беспомощных бедняков... Я уверен, что Гадир уже спасен и тоже стал большевиком. Сила — у нас! Будущее принадлежит нам! От самой России и до наших сел у всех бедняков истощилось терпенье. Все они объединились ради одной общей цели. Недолго уже ждать. Скоро люди, проливающие нашу кровь... Потерпи, сестра... потерпи...

Гумри с нетерпением ждала утра. Пусть хоть вспыхнет пожар, только бы стало светло! Может быть, тогда рассеются эти кошмарные виденья, сводящие ее с ума!

Наконец, наступило утро. Но когда первые лучи солнца осветили окно, страх и тревога Гумри стали еще сильнее. Только теперь поняла она, что темнота порой является препятствием для охотников.

Как будто кто-то шепнул ей на ухо: «Чего вы медлите? Сейчас вас найдут здесь!»

Машади-Ислам тоже встал. Хозяин дома дал им понять, что был бы рад избавиться от них.

— Не бойся, брат. Мы уходим. Потревожили вас, простите. Будем живы, в долгу не останемся.

И они покинули село. В двух верстах они увидели заросли камышей и решили до полудня спрятаться здесь, чтобы сбить врагов со следа.

Была холодная и немного ветреная погода. Камыши волновались и шумели, как море.

4

Всадники окружили дом абушлинцев. Выйдя к ним, хозяин дома просил пощады. Он сообщил им о том, что Гумри ночевала у них и рано утром со своим спутником направилась в сторону города. Выведав у хозяина все нужные сведения, Машади-Джангир стал избивать его плеткой, приговаривая:

— Кто позволил тебе давать приют убегающим от законной власти?

Потом его схватили и отправили в тюрьму. Продолжая поиски, всадники поехали к городу.

Ребенок не успокаивался. Оставшаяся столько дней без достаточного присмотра, худенькая и голенькая, как только что вылупившийся птенец, девочка, глядя на мать, хныкала, плакала, плакала. Ни грудью, ни лаской и уговорами не удавалось успокоить ее. Она требовала, чтобы все время носили ее на руках.

Плач девочки очень тревожил Машади-Ислама. Взяв ее на руки, он, согнув спину, кружился на крошечной площадке, укачивая ее.

Вдруг послышались конский топот и ржанье. Передав ребенка матери, Машади-Ислам зарядил ружье и лег на землю.

Всадники не поехали по дороге, а рассыпались в разные стороны.

Ребенок молчал; как будто и он понял, что это—враги, и пожалел мать.

Машади-Ислам лежал лицом к дороге. С правой стороны топот доносился все явственнее. Послышалось хлюпанье копыт по топи.

Увидя, что всадник въехал в камыши, Машади-Ислам стал утешать себя мыслью, что он, может быть, проедет мимо и не заметит их.

Но всадник почему-то направлялся прямо на него. Молодой, еще не разросшийся камышник был не очень высок. Подняв голову, Машади-Ислам увидел уши лошади и ружье. Гнедой конь Машади-Джангира чуть не наехал на Гумри. Раздался выстрел. Машади-Джангир, словно подруб-

ленный чинар, свалился наземь и зарычал, как медведь.

Перестрелка началась. Машади-Ислам, не боясь пуль, заслонил своим телом Гумри и ребенка. Он стрелял редко, но без промаха.

—Убейте собачьего сына!

Зычный голос Бебир-бека подбодрил всадников. Они стреляли с таким остервенением, точно имели дело с целым отрядом...

Похожее на снаряд, выпущенный из далеко бойного орудия тысячу лет тому назад и еще не остывший, поднялось над горами и высокими тополями солнце.

Всюду, кроме камышника, где происходила перестрелка, царил торжественная тишина.

Старый мир, жестоко истоптанный на протяжении веков, в это утро почему-то дышал невозмутимым покоем. Ни малейшего дыма на горизонте, ни клочка тумана на долинах, ни облачка над горами. Не слышно ни вздохов людских, ни стонаний. Точно мир, утомленный борьбой и войнами, не прекращавшимися со дня его рождения, теперь, получив передышку, предавался продолжительному отдыху.

Казалось, водворившаяся на миг тишина писала заголовки страшных и великих событий.

Нет, так казалось, но не было так. Вселенная умолкнув, вся превратилась в слух. Старуха-история предоставляла слово новому, великому оратору—красному властителю нового мира. Кто

был он, этот оратор? Солнце ли, поднявшееся над горизонтом, радость ли, кипящая в сердцах, или утро, открывшееся перед взорами людей? Неизвестно. Одно лишь было несомненно: повсюду, все и вся стремилось услышать этого оратора, его голос, чистый, как небо, и видеть его лик, обещающий спасенье.

Тишина продолжалась недолго. Веселые и радостные голоса со стороны города, как поток лучей, залили все...

14. ПРИЕМ

1

Гияса в депо не оказалось. Справившись у дежурного, Гадир узнал, что тот будет вечером. Из предосторожности, он не вышел к поезду. Просидел весь день между старыми вагонами на запасном пути.

Вечером привиделся с Гиясом; они обнялись и поцеловались. Гияс повел его к себе на квартиру. Он с двумя товарищами занимал одну маленькую, теплую и уютную комнату в конце станции.

Гадира очень интересовала жизнь этих товарищей, рабочих. Обвел глазами комнату, взглянул на портрет Гияса, снятый в молодости.

Гияс приготовил чай из айвовых корок, наполнил сахарницу кишмишом, достал хлеб. Пошли. Гадир, чувствовавший себя очень утомленным, лег на тахту. Гияс начал говорить:

— Как хог'ошо, что мы спаслись! Но надо быть начеку! Полицейские неп'ег'ивно следят за нами. Люди Ага-бека ходят кт'угом и подслушивают

Гияс произнес это шопотом, кинул взгляд на окна и дверь и продолжал спокойнее:

— Я гово́рил насчет тебя. Тебя пѓимут в нашу паѓтию. Но ты должен много учиться, чтобы войти в куѓс всего нашего дела. Миѓ г'азделился надвое: на богачей и на бедняков. Г'абсчие гово́рят: «Почему вбивают нам в голову, что аѓмянин это—одно, мусульманин—дѓугое, евѓей—тѓетье? Зачем хотят посеять между нами ѓознь? Ничего не должно быть. Бедняк есть бедняк, а богач—богач. Г'азве аѓмянина-бедняка не жалко? Г'азве у него нет жены, детей?

Эти слова произвели на Гадира ошеломляющее впечатление. Он вспомнил свою семью. Какому бедняку незнакома эта горечь?

Занятый этими мыслями, он не слышал, что говорил Гияс дальше. Но последние его слова опять заинтересовали Гадира, и он спросил:

— Как ты сказал, Гияс? Неужели и правительство будет из нас самих?

— А как же! Почему и не быть? Все на свете делается нашими ѓуками: мы пашем, мы жнем, пѓоводим железную доѓогу, стѓоим фабѓики, все—мы, почему же пѓавить должны не мы?..

— Трудное это дело!..

— Дело тѓудное. Но если будем ѓаботать, не будет тѓудно. Все зависит от нас самих.

Гадир не мог согласиться с этим.

— Ну, брат, управлять страной не так-то легко. Позволят ли нам аскеры, юнкера?.. Артиллерия, пулеметы... Разнесут нас. Это, брат, не шутка...

— Ты не понимаешь,—прервал его Гияс.—Ведь кто такой аскег? Такой же бедняк, что и ты. Г'азве сыновья беков пойдут в аскегы? Они в офицерѓы идут, чтобы бить и муштѓовать аскеѓа. А аѓтиллеѓия и пулеметы—г'азве это не наших ѓук дело? Все это создается ѓуками ѓабсчих. Хозяева уничтожают нас оѓужием, сделанным нашими же ѓуками!..

Открылась дверь, вошел Мир-Ага. Гияс, указывая на Гадира, сказал:

— Познакомься: это мой тозаѓиш по тгю́гме.

Мир-Ага поздоровался, сел.

Последние слова Гияса понравились Гадиру.

«Хозяева уничтожают нас оружием, сделанным нашими же руками». Эта мысль, казалось, давно дремала в мозгу Гадира, покрытая толстой пеленой. Слова Гияса разорвали эту пелену и прояснили его сознание.

Многое стало казаться ему в ином свете, чем раньше. Он ясно представил себе село, арестный дом, куда Бебир-бек сажал несчастных бедняков. «Не мы ли выстроили его своими руками? Не эти ли мозолистыми руками таскал я для него камни и кирпичи? Это было в то время, когда только что возникли разговоры о нации. Стегая нас плеткой, гнали на постройку тюрьмы, говоря, что селу без этого не обойтись. А дом старшины из красного кирпича, кто его выстроил? Разве не рассказывал отец, как все крестьяне были насильно согнаны на постройку этого дома? Мы, мы, бедняки,

строили его, а теперь в этом же доме Бебир-бек собирается отнять у нас наших жен!..»

От этих мыслей Гадира бросало в жар. Разболелась голова. Не заметил, как до крови искусал губу. Гияс знаком указал ему на окровавленную губу. Вытерев платком рот, Гадир встал.

— Пойдем, уже поздно.

Они вышли.

Опускались сумерки. Гияс распорядился идти по одному. Сначала ушел Мир-Ага. Когда он исчез из виду, двинулся Гадир. Гияс велел ему выйти мимо бассейна к русскому кладбищу.

2

Было пасмурно. Собирался дождь. Стемнело. На станции все стихло. Порой проходили товарные поезда. С пронзительным свистом носился взад и вперед отдельный паровоз, будто спавшая в мышеловку мышь искала выхода.

Люди с хурджинами на плечах бродили по путям, пытаясь сесть на редкие товарные поезда.

Гияс и его товарищи смешались с рабочими, сидевшими в саду под цветущими абрикосовыми деревьями.

Гадир никогда не бывал на собраниях. Тем более не бывал он на собрании этих близких и дорогих ему людей. Он присматривался к каждому жесту, вслушивался в каждое слово. Ему страстно хотелось все понять, во все вникнуть. Люди в темноте казались теньями. Один, поставив

на землю корзину, достал из нее стаканы, блюда, чайник, хлеб и сыр.

Все уселись.

У дерева на камне сидел, обняв колени, почтенного вида человек со смуглым лицом. Первым заговорил он. Гадир не мог разобрать черты его лица, но хорошо видел его жесты и горящие, как пламя, глаза. Когда тот кончил, выступил вперед Гияс. Он говорил медленно:

— Пр'обил час! Настали последние дни наших вг'агов. Наши г'усские товаг'ищи, г'абочие и кг'естьяне, идут нам на помощь. Товаг'ищ Ленин пог'учил им и здесь высоко поднять знамя спг'аведливости. Пг'ибыли газеты, надо нам пг'очесть их и исполнить наш долг. Пусть товаг'ищ Миг'-Ага читает.

Гадиру стало ясно, что Гияс пользуется большим авторитетом среди железнодорожных рабочих.

Гияс протянул Мир-Аге пакет. Тот вскрыл его и вынул сложенную газету. Кинув по сторонам взгляд, зажег свечу и начал читать. Все молча слушали. Никто не кашлял и не курил.

„Товарищи,—читал Мир-Ага,—товарищи рабочие и крестьяне! Вы не забывайте, что мир разделен на два лагеря, с одной стороны беки, ханы, помещики, капиталисты, купцы—вообще не трудящиеся, а пользующиеся чужим трудом, ожиревшие и ведущие беспечную жизнь, т. е. паразиты; с другой стороны—рабочие, крестьяне, трудящиеся,—люди, создавшие все блага жизни своим трудом, изменяющие природу и старающиеся обеспечить спокойную жизнь человечеству.

Первые, т. е. паразиты, пользуются чужим трудом, они на протяжении всей истории экспло-

атировали трудящихся, высасывая их кровь; они и теперь точно так же хотят жить, но рабочий класс и трудящееся крестьянство уже совершенно пробудились. Они поняли, что эксплуататоры стараются их держать в темноте и закрывать им глаза на классовую борьбу и этим продолжать свою зверскую эксплуатацию."

Эти слова были бальзамом для наболевшей души Гадира. Люди, только что перед этим выступавшие здесь, казались ему великими освободителями. Он подсел еще ближе к Мир-Аге и впился в него взглядом.

Тот продолжал:

"Извините, господа! Это Вам не пройдет. Прошло время авантюре кровопийц!

"Теперь рабочие и крестьяне, под руководством коммунистической партии большевиков, поднялись на решительную борьбу; они высоко подняли знамя Революции.

"Мы теперь должны выкорчевывать корни власти беков, ханов и всех эксплуататоров.

"Мы, рабочие и крестьяне, должны и здесь, в Азербайджане, совершить социалистическую революцию. Мы должны вместо старого мира—мира насилия и ужасов—построить новый, свободный социалистический мир, мир свободного труда и счастья. Это есть настоящий и единственно правильный путь революционеров. Мы должны своим громким революционным голосом сказать эксплуататорам, что довольно высасывать кровь трудящихся, довольно пользоваться их трудом и жиреть за их счет. Смерть вам, паразитам!"

— Смерть!—крикнул кто-то с места, заглушив голос Мир-Аги.

Мир-Ага продолжал:

"...Но довольно! Будет! Виредь мы не позволим вам жить так. Или работайте или уйдите прочь с нашей дороги!.."

Мир-Ага кончил. Молодой человек с открытым воротом опять пробурчал:

— Нет, нет! И работать не позволим! Господам и рабочим никогда не ужиться вместе!

Теперь заговорил председатель, смуглый мужчина:

— Товарищи, уже пора! Наступило время, когда мы должны бодрствовать, быть постоянно на местах, как наши вожди, работать день и ночь, не покладая рук; стремиться к цели несмотря ни на что. Положение серьезное. Во-первых, нам всем необходимо вооружиться...

— Верно!..

— Да, вооружиться!.. Мы скажем городу, что наше место—ответственное, вроде как бы ворота на пути к городу. Во-вторых, нам надо войти в гущу рабочих и крестьян. Не позволяйте, чтобы крестьяне поддавались обману. Пусть они научатся узнавать, кто пьет их кровь. В-третьих, я предлагаю привлечь молодежь. У кого есть молодые братья и родственники, пусть они научат их и покажут им, какая отравка заключена в идеях, которые проповедуют мусаватисты.

Предложения смуглого были поставлены на обсуждение. Больше всего говорили о необходи-

мости вооружиться. Были высказаны разные предложения. Недавно поступивший на работу кондуктор Ибрагим попросил слова:

— Я знаю, где есть оружие. Если позволите, я скажу. По соседству с нами живет один партиец—золотых дел мастер, он из другой партии. Каждый день предлагает мне: «Иди, запишись к нам, мы дадим тебе оружие». Я дал слово, что запишусь. И вот, раз нам нужно оружие, так давайте все и запишемся. Пусть наши имена будут в той партии, зато мы будем иметь ружья. Они очень ловкие,—получили массу оружия от Деникина.

— Ай да молодец! Вот так башка!

Эти слова заставили Ибрагима насторожиться. Посмотрев по сторонам, он ответил:

— Сам ты башка! Что случится, если мы запишемся? Разве они тоже не мусульмане? Что из того, что мы в разных пар...

Решительный голос Мир-Аги прервал Ибрагима на полуслове.

— Место ли здесь вчерашнему лавочнику, чтоб он еще подобные речи говорил?..

Сидевшие покачали головами.

Совсем недавно записавшийся в партию Ибрагим уже раскаивался в своих словах. Он понял, что допустил большую ошибку. Поднявшись с места, он стал извиняться:

— Откуда мне знать, товарищи? Ведь что я понимаю, товарищи?.. Простите меня...

Длинношей парень, с раскрытым воротом, выкрикая эти слова, размахивал руками. Смуглый человек, который говорил в начале собрания, встал с места и прикрикнул на него:

— Тише, эй, парень, тише! Отдаешь ли ты себе отчет, где мы? Что это на тебя нашло вдохновение в открытом поле? Мы тоже знаем, что довольно. Но ведь всему есть место. Дай ему дочитать, посмотрим, о чем там говорится.

В конце собрания Гияс представил всем Гадира, рассказал о совместном с ним пребывании в тюрьме и заверил, что Гадир—товарищ, закаленный в труде и достойный принятия в партию. Добавил, что он и Наибов ручаются за него. Коснулся также истории столкновения Гадира с Бебир-беком.

— А не будет ли он таким, как кондуктор Ибрагим?—спросил председатель.

Не успел Гияс открыть рот, как Ибрагим вскочил и опять принялся умолять.

Гадира подвели поближе к председателю. Стоя, он отвечал на вопросы, что ему задавались.

Ибрагим опять вскочил и, схватившись руками за живот, завопил:

— Дядя Усуб, я виноват, я ошибся! Всяк может ошибаться, простите меня, не взыщите!..

Председатель жестом остановил его и, обращаясь к Гадиру, продолжал:

— Да, дорогой, знаешь ли, в чем дело? Всего этого здесь нет. Здесь главное—это идея!

- Как это—идея?
- Что такое идея?
- Погоди!

Председатель говорил с толком и расстановкой:

— Идея заключается в том, что ты жертвуешь своей головой, жизнью и имуществом. Во имя чего? Во имя освобождения рабочих и крестьян!.. Если завтра партия прикажет тебе: „Возьми ружье и иди на фронт“, ты должен пойти. Скажет: „Беги босой в Шамхор и выполни там такое-то поручение“,—должен побежать. Скажет: „Брось дом, семью и поезжай в Петроград по такому-то партийному делу!“—ты должен тотчас ехать без всяких рассуждений!

Гадир смутился:

— Выходит, что партия не позволит мне даже с семьей повидаться?..

— Нет, не в этом дело! Я хочу сказать, что партийное дело должно быть для тебя дороже твоей жизни, жены и детей. Хочешь стать сыном партии,—пожалуйста, положи папаху перед собой и хорошенько подумай. Никто тебя насильно не тащит в партию.

Гадир молчал. Чтобы заставить его заговорить, Гияс спросил:

— Ну, как? Понял? Что скажешь?

— Я скажу, что я—бедный человек, батрак, и хочу быть в партии бедняков!..

— Ну, вот и отлично! Если в этом вопросе будешь тверд и непоколебим, все пойдет хорошо.

Поставил на голосование.

— Опустите руки. Принят единогласно!

В этом возгласе Гадир почувствовал так мно-

го внимания и сердечности к себе! Он вспомнил, как в горах убил буйволицу и мечтал тогда иметь сильного друга—освободителя. И вот этот друг, протянув ему свою руку, говорил:

— Партия даст тебе силу! Партия даст тебе жизнь! Готовься!

15. КРАСНОЕ УТРО

I

Это была последняя и самая долгая ночь на земле. После нее черная завеса мрака не должна была больше закрывать светлые лица и душить чистое дыхание.

В эту ночь все почему-то в тревожном состоянии.

Министр, еще с вечера уложив награбленное добро, беспокойно ищет путей спасения...

Начальник, плетка которого недавно со свистом опускалась на спины крестьян, сам не свой; не слышит жены, не видит детей; ему все чудится, что городские рабочие, вооружившись, осаждают его ворота, крича:

— Выходи! Мы хотим видеть твою поганую рожу и посчитаться с тобой!..

Эта картина до того пугает начальника, что он совсем теряет голову и готов переодеться нищим, вымазать лицо глиной и незаметно исчезнуть...

Писарь, строчивший под диктовку его приказы, еще более встревожен; то подбегает к дверям,

то, возвращаясь, смотрит на своего начальника, то собирается о чем-то просить, молить...

Несмотря на свое болнение, «служитель нации» в потертой папаше все же отдаст себе отчет в том, что творится вокруг. Пристально поглядев на портрет Насиб-бека, он прячет его под ковер, говоря:

— Я всегда был на стороне рабочих.

До него доносится шум; он прислушивается к нему в тревожном ожидании: поверят ли его «признания»...

— Не бывать этому!— кричит кулак, доведенный до бешенства этими известиями и бьет плетью о камни...

Пристав спешит отпороть свои погоны и, надевая патронташ, плюет:

— Тьфу!..

Купец мечтает о том, чтобы все сложные у него в амбаре товары спрятать в брюхе и опоясаться кушаком инвалида...

Глава шариата, совершив намаз, поворачивает лицо с юга на север и начинает читать «проклятие»...

Мелкий торгаш Ага-Алескер, навьючив на своего осла продукты, гонит его к вокзалу; он надеется хорошенько нажиться во время этих беспорядков на неопытных покупателях...

Все это было движением насекомых, обитавших наизнанке мира, на последней странице ночи; они стремились перелезть на страницы дня.

Открывалась новая страница утра, начинались первые часы новой истории, всходило великое солнце свободной жизни:

— Это я — действительный хозяин жизни! Прочь с арены, паразиты, пьющие кровь трудового народа! Право на жизнь имеет лишь тот, кто созидает ее, эту новую жизнь!..

В этих обычно многократно повторяемых словах теперь чувствовалась иная сила, иное звучание и иной ритм.

Этот голос не говорил, он приказывал. Этот голос был многогранен, как алмаз, и чист, как родниковая вода. Слыша его, люди чувствовали свое ничтожество перед его величием.

Запертые в товарных вагонах, заточенные в тюрьмах Астрахани и Казани, или закинутые в далекую Сибирь, узники возвращались в освобожденную отчизну, как первые воины великой революции. Арестанты, томившиеся в темницах и не желавшие умирать, теперь выбивали двери, раскрывали настежь ворота, обвешивались оружием.

Аскеры, в которых годами разжигали ненависть к брату, стряхивали с себя тяжелый кошмар и спешили по домам, в объятия заждавшихся их матерей...

Батрак, чистивший конюшню и кормивший коней хозяина, широко раскрывал глаза и невольно жмурился, ослепленный блеском первых лучей революции.

В радостных, шумных голосах, доносившихся из города, из края сильных людей, ему слышались слова великого гения с улыбающимся лицом, которого он до этого не знал и не видел, но с которым был связан сердцем!..

«Земля крестьянам!»

Крестьянин, копавший огород, останавливался и, повернув лицо к двухэтажному кирпичному дому, спрашивал ехидно:

— Ну, господин Гаджи-Гусейн? Как настроение? Не говорил ли я, что и у бедняка есть защитник?..

Пастух, пустивший овец по склону холма, на берегу Куры, вдохновлялся утверждением правительства бедняков и пел, как ашуг, на сазе:

„О, родник, я хотел бы быть воском
И, растаяв, превратиться в песок.
Возлюбленная, придя за водою,
Унесла бы меня в кувшине с водою.

О, родник, я хотел бы быть камушком
И лежать на дне твоих вод.
Возлюбленная, придя за водою,
Унесла бы меня в кувшине с водою“.

И он мысленно выбирает барашка из своей доли, чтобы зарезать в честь тех, кто сидит в правительстве бедняков...

Девушка-тюрчанка, бьющаяся в мерзких объятиях старика-мужа Машади-Ибада, колясь об его бороду и задыхаясь от запаха хны, чует волне-

ние светлого, радостного утра и, тяжело вздыхая, мечтает:

— Хотела бы знать, займется ли правительство бедняков и нашей женской долей? Или мне суждено известись с этим гнусным стариком?..

Плотник Акоп, встав спозаранку, ищет адрес своего друга—мастера Яхьи, чтобы справиться, как тот живет...

Живительный, весенний ветер, полный благоуханий, разбудил всех. Вихрем понеслись во все стороны всадники:

— Вставайте! Утро наступило!

Солнце поднимает на горизонте свое алое знамя. Оно смотрит на народ, охваченный радостным волнением и, стоя в зените, точно великий оратор, собирается держать речь. Оно хочет поздравить воскресших людей с днем их возрождения. Поднятое им красное знамя освещает землю от горизонта до горизонта.

Молодые аскеры, пришедшие воскресить миллионы в лучах этого знамени, топчут грудь больного чахоткой города. Рубят старые чинары, укрывающие жизнь своею тенью. Несут солнечный свет людям, очутившимся в подвалах жизни, обиженным и обездоленным.

В потоке этих самых лучей стремительно скакали всадники, несясь по пыльным дорогам к селу Гобулар.

Над их головами вестником радости полыхалось красное знамя, точно золотая птица хлопала крыльями.

Сердце Гадира сильно билось. Это не был уже прежний забитый, темный крестьянин. Теперь он был подобен остро отточенному оружию. Он возвращался в село, неся весть о всеобщем извещении. Ему доверила эту почетную обязанность партия.

Он возвращался домой, к своей семье, которую покинул в отчаянии. Ездил он в город, чтобы добиться ее спасения, но попал в водоворот великой силы, которая приняла его в свои объятия и изменила его путь.

И сердце Гадира, укрепленное этой силой, рвалось из его груди, чтобы слиться со знаменем, что-то прокричать миру. Гадир спешил спасти от злого гнета свою возлюбленную.

Приближавшиеся со стороны города веселые, радостные голоса разносились по степи. То ехал отряд всадников. Услыхав ружейную стрельбу, всадники припали к седлам, отпустили поводья и, гикнув, как орлы, полетели вперед.

2

Машади-Ислам не успел израсходовать последний патрон; пуля врага поразила его в сердце, еще полное надежд. Падая ничком, он кинул последний взор на замершего в страхе ребенка и

рвавшую на себе волосы Гумри. Веки его опустились, как занавес после тяжелой трагедии, и он затих, не успев сказать последнее прости.

Почувяв гибель Машади-Ислама, вражеские кони ворвались в камыши. Бебир-бек с налитыми кровью глазами, схватил плакавшего ребенка за ножки и поднял на воздух. Ребенок, открыв глазки, взглянул на бека. Этим взглядом бессловесное, беспомощное создание не то умоляло о пощаде, не то искало отца. Взгляд потух, как искра. Держа девочку за ножки, бек вертел ее, как подстреленного голубя.

Слова Чепель-Саялы, засевшие в мозгу бека, превратились в темную, слепую веру. «Ее любовь перешла на ребенка, потому на нее ничего не действует. Иначе, если не тебя, то кого же ей любить-то?»

Он выехал из камышей на берег реки. Крепко держа ребенка за ножки, стал вертеть его. Ребенок задышался и время от времени вскрикивал: «мама!» Наконец, размахнувшись, бек с силой ударил его головой о камень. Раздался слабый писк и череп ребенка треснул, как плод граната. Брызнула кровь и смешалась с водой, которую пили пониже животные и растения.

Брат Бебир-бека, Мухтар-бек, подхватив Гумри, хотел посадить ее к себе в седло.

При виде ребенка, ударившегося головкой об камень, Гумри охватил нечеловеческий ужас.

Читатель, представь себе ее отчаянье, пойми кошмарную трагедию матери, в голоде и холоде на своей груди, вырастившей маленькое создание...

Матери, с бесконечной любовью лелеющей в своих объятиях будущих великих освободителей, творцов, героев и гениев, этой матери веком была причинена боль, которой не причинило бы даже самое кровожадное животное...

Отчаянный вопль, словно звавший всех матерей на восстание, вырвался из груди Гумри. Он прозвучал, как взорвавшийся вулкан. Его ни воздух не рассеял, ни земля не задушила, ни вода не поглотила, ни расстояние не заглушило. Как молния, облетел он всю окрестность, всколыхнув камни и скалы.

Везде и всюду, всякий, слышавший этот крик, понимал его, проникался сочувствием к несчастной матери.

Великие сердца, услышав его, склонились перед мукой и величием материнства.

Безучастными к нему остались лишь паразиты, впившиеся в тело жизни и высасывавшие ее кровь.

Долетел он и до скакавшего Гадира и потряс его.

Вместе с болью матери, потерявшей самое дорогое на свете, послышалась ему в этом крике еще и горечь оскорбленной любви.

Он хлестнул коня. Всадники с красным знаменем подъехали к месту трагедии.

3

Едва Султан-Али увидел Бебир-бека, как грянул выстрел. Бек вскричал и грузно свалился в воду. С криком: «Гумри!» Гадир обнял посаженную на лошадь женщину с распущенными, всколоченными волосами. Султан-Али поднял мертвое тельце Фахиры. На невинном личике ребенка, казалось, еще теплилась искра жизни. Ужасная боль сжала сердце Султан-Али.

— Гумри!

Гумри не приходила в себя: оттого ли, что она услышала голос любимого человека, который нес ей избавление, или оттого, что страдания ее были выше ее сил; она на миг открыла глаза и снова закрыла их.

Гадир собрал в платок алмазные зерна, блестящие на лице Гумри.

— Гумри, это я! Посмотри же на меня, Гумри, это я!..

4

Солнце щедро посылало на землю свои лучи, точно хотело ими смыть и очистить село от всякой грязи и скверны.

Люди волновались. Иные искали темного места, подвалов, подземелий, куда можно было бы спрятать, зарыть свои преступления. Но боль-

шинство, широко раскрыв грудь, полную надежд, грелось в живительных лучах солнца.

Слышны были голоса людей, воскресших, вставших из-под могильных камней, чтобы вдохнуть весенний воздух.

Потрясая кулаком, Гадир говорил:

— Товарищи!..

В потоке тысяч старых, пустых и живых речей, это слово звучало, как могучая истина.

С криком «А-а-ах!» пахарь, оставив плуг, торопливо бежит по пашне, перепрыгивая через огромные глыбы земли, птицей перелетает через изгороди, перескакивает через овраги, перебегает через речки и подносит букет цветов тому, кто произносит это удивительное слово, взлеянное в его собственной груди:

— Товарищи!..

Все в селе, от мала до велика, услышали и поняли это слово, сладостное, как симфония будущей жизни.

В эти минуты, в сердце нашей родины, над прахом тех, кто пожертвовал собою ради весны нашей жизни, стоял великий Киров. Перед его взором оживали образы Шаумянов, Азизбековых...

Трибун революции поднял голову и, не стараясь подавить свое волнение, начал во имя великого дня:

— Товарищи!..

Его голос блестящей секирой прорезал горизонт, осветив ослепительное будущее.

— Т о в а р и щ и !..



ОБЪЯСНЕНИЯ

азербайджанских слов, встречающихся в тексте.

Ага—господин, барин.

Агсаkkal—дословно—белобородый. Почетное лицо.

Адат—обычай, традиция.

Айран—кислое молоко, разбавленное водой.

Аллах—бог.

Аманат—вещь, порученная кому-либо на хранение.

Архалук—верхняя одежда; у женщин род жакета.

Аскер—солдат.

Ахунд—духовное лицо.

Ашуг—народный певец.

Байрам—праздник.

Бек—дворянское звание.

Бозбаш—азербайджанское национальное блюдо из баранины.

Гаджи—титул мусульманина, посетившего гробницу Магомета в Мекке (Аравия).

Джахад—священная война.

Джин—злой дух, бес.

Зурначи—музыкант.

Игит—джигит, храбрец.

Кочи—головорез-хулиган.

Кыз—девушка.

Майдан—площадь.

Марсие—предание о гибели имамов. Обычно распевается специальными полудуховными лицами (марсиехан) на мотив какой-либо восточной мелодии.

Марсиехан—см. марсие,

Машади—титул посетившего гробницу одного из наиболее популярных имамов—имама Ризы в Мешхеде (Иран).

Мечеть—молитвенный дом у мусульман.

Молла—духовное лицо, мусульманский священник.

Мучтенд—высшее духовное лицо у мусульман, толкующее догматы ислама (мусульманской религии).

Муштулуг—награда за сообщение приятной новости.

Муэдзин—полудуховное лицо, громким пением с минарета призывающее мусульман на молитву.

Намаз—обязательная для мусульман ежедневная молитва.

Новруз-байрам—праздник весеннего равноденствия.

Палан—род седла, которым накрывают вьючных животных для перевозки поклажи.

Саз—трехструнный музыкальный инструмент.

Салам-алейкум—приветствие на арабском языке.

Тендир—вырытая в земле круглая яма для выпечки тонких лепешек хлеба.

Фатиха—название надгробной молитвы.

Ханум—госпожа, барыня.

Хна—краска для волос.

Хортдан—вурдалак.

Хурджин—переметная сума.

Чайханэ—чайная.

Чайчи—содержатель чайной.

Чарухи—лапти из сыромятной кожи.

Чоха—верхняя длиннополая одежда мужчин.

Чепель—женщина, занимающаяся темными делами (колдунья, знахарка).

Шамам—род дыни шарообразной формы.

Шариат—учение Магомета.

Шейтан—чорт, дьявол.

Шейх—высшее духовное лицо у мусульман.

Шейх-уль-ислам—глава мусульманского духовенства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Друзья	11
2. Цветок, „выросший не на месте“	31
3. Разлука	35
4. Красные и черные	57
5. Бешеный город	68
6. Жажда	86
7. Весть	108
8. Возвращение	123
9. Спор	141
10. Зимние вечера	154
11. Уверенность	170
12. Пожелания	173
13. Исчезновение	191
14. Прием	202
15. Красное утро	213
Объяснения азербайджанских слов, встречающихся в тексте	

ЧИТАТЕЛЬ!

сообщите Ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст и Вашу профессию, по адресу:

Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 6
Азернешр. Отдел художественной литературы.

1 руб. 75 коп.
перепл. 75 коп.

Ар $\frac{1938}{28}$